

03.312-2018)

K93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН
Страницы истории

• Выпуск 3 •

63.3(2-2018)
К93

3

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

выпуск 3

АБОНЕМЕНТ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

132322/2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОСТРОВ

2007

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

ББК 26.89 (2-2 Санкт-Петербург)
УДК 913(470.23-25)
К93

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 3. — СПб.:
Издательство ОСТРОВ, 2007. — 144 с., ил.

Наш третий сборник статей по истории Курортного района посвящен жителям Сестрорецка — знаменитым династиям Малыгиных, Леонтьевых, Степановых. Кроме того, в сборник вошли воспоминания о Сестрорецке и его окрестностях, написанные в разные годы.

Для всех интересующихся историей Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

На 1-й стр. обложки:

Сестрорецк. Курорт. Сосновая ул., д. 2. Фото В. М. Федорова

На 4-й стр. обложки:

Сестрорецк. Дубковское шоссе;

Сестрорецк: Курортная ул., д 6/18. Фото В. М. Федорова

9 785945 005518

ISBN 978-5-94500-55-1

© Авторы. 2007 г.

© Библиотека им. М. М. Зощенко. 2007 г.

© Издательство ОСТРОВ. 2007 г.

*М. Ефанова, Г. Матковская,
объединение «Краеведение» ДДЮТ
«На реке Сестре».
Руководитель: Л. И. Щигицева,
педагог дополнительного образования.*

РАБОЧАЯ ВЕТВЬ РОДА СЕСТРОРЕЦКИХ КУПЦОВ ЛЕОНТЬЕВЫХ

В Разливе, недалеко от школы № 434, стоит на берегу озера потемневший от времени и непогоды деревянный дом. В 2000 году этому дому исполнилось 100 лет. Интересна история семьи, проживавшей здесь на протяжении века. История эта тесно связана с историей Сестрорецка и оружейного завода.

Хозяйка дома – Ирина Михайловна Александрова, коренная сестроречанка, представительница той самой семьи. Сейчас она пенсионерка, живет в доме одна.

В 1985 году Ирина Михайловна передала много предметов быта начала XX века председателю районного совета охраны памятников М. И. Васильеву (бывшему директору завода им. Воскова), который, в свою очередь, подарил их музею школы № 434. Эти предметы – старинные утюги, самовар, медные тазы и кастрюли, валёк для белья – и сейчас находятся в экспозиции музея.

Рассказ о своей родословной Ирина Михайловна начала со своего прадеда – известного сестрорецкого купца второй половины XIX века Василия Леонтьева.

В силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, сведений об этом человеке в семье Ирины Михайловны сохранилось мало. Известно лишь,

*Василий Михайлович
Леонтьев*

что он был очень богат, имел большую работающую семью. О состоятельности купцов Леонтьевых говорит даже тот факт, что им принадлежали самые большие в Сестрорецке весы, на которых можно было взвесить подводу с сеном. И еще известно, что было у Василия Леонтьева четыре сына и две дочери.

Купец Леонтьев не жалел для детей денег – все они получили прекрасное воспитание и образование. Отец хотел, чтобы сыновья продолжили его дело и также стали купцами.

Но один из сыновей, Иван Леонтьев, воспротивился воле отца, нарушил семейную традицию и устроился работать на Сестрорецкий оружейный завод мастером. Начальником завода тогда был генерал-майор С. И. Мосин.

Своеволие сына очень не понравилось купцу Леонтьеву. А когда Иван вопреки воле отца собрался жениться на девушке из небогатой семьи, гнев отца обрушился на него с полной силой. Иван Леонтьев был лишен родительского благословления и, что самое главное, наследства. Связь с родительским домом была порвана навсегда. Вот почему сведения о купеческих предках рода Леонтьевых дошли до

Ирины Михайловны в сильно урезанном виде. В доме Ивана Леонтьева старались не упоминать о них. В памяти сохранились только имена братьев и сестер Ивана.

Можно сказать, что с этого момента Иван Васильевич Леонтьев стал главой боковой ветви (рабочей) купеческой династии Леонтьевых. Вскоре после начала работы на заводе Иван Леонтьев получил должность мастера высокой квалификации. Плату за выполненную работу он получил золотом, что полагалось только самым умелым работникам. Став мастером, Иван ходил на работу хорошо одетым, с тросточкой и в котелке, он относился к так называемой «рабочей аристократии». Трость деда до сих пор бережно сохраняет Ирина Михайловна.

Со своей будущей невестой, Наташей Ипатовой, Иван познакомился, когда ей было всего 16 лет. Она была из семьи простого ремесленника, очень хороша собой, одна из первых красавиц Сестрорецка.

Наташа отлично танцевала. Спустя годы, уже имея троих детей, брала призы на танцах. Она умела прекрасно готовить, вязать, шить, пряхсть. Закончила курсы по шитью лайковых и замшевых перчаток. В дальнейшем, после смерти мужа, это спасло ее и детей от голодной смерти. В то время девочек в семье учили не только рукоделию, но и экономному ведению хозяйства, приему гостей, сервировке стола.

Собираясь жениться, Иван Леонтьев подал заявление начальнику завода С. И. Мосину с просьбой выделить ему участок под строительство. Вскоре участок был получен в поселке Новое Строение на берегу озера Разлив (сейчас п. Разлив). Это было в 1898 году.

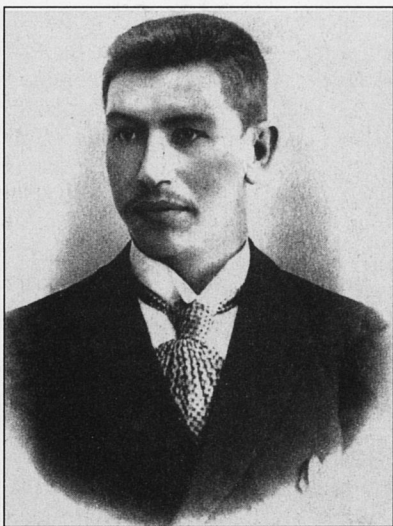
На участке построили домик-временку с баней. Одновременно строился основной дом, который был готов к 1900 году. Но так как после постройки средств на жизнь не хватало, молодая семья продолжала жить в маленьком доме, а большой сдавали дачникам.

В 1906 году родился сын Александр, в 1906-м – дочь Мария (умерла в 2 года) и в 1909-м – дочь Зоя (мама Ирины Михайловны).

Семейная жизнь Ивана и Натальи походила в любви и согласии. Наташа вела хозяйство, Иван работал на заводе и обеспечивал семью. У них был общий интерес – музыка, и они часто ездили на выступления Шаляпина, который в то время часто выступал в дачных местах Петербурга. Любили они также ездить на большие церковные праздники в Новгород и Псков, чтобы послушать церковный хор.

В 1915 году Иван Васильевич тяжело заболел. Его положили в больницу в Петрограде. Но лечение не помогло, и он вскоре умер. Наталья осталась вдовой с двумя детьми. Через два года она снова вышла замуж. Ее мужем стал Андрей Клевиц, который 20 лет назад был отвергнут ею как жених. Все эти годы он ждал ее, так и не женившись. Андрей также работал на оружейном заводе слесарем-ремонтником. Он принимал активное участие в революционной деятельности заводчан.

По заданию новой власти Андрей Клевиц с семьей в 1918 году уехал в Сибирь организовывать там производственные мастерские. Вернулись они в Разлив в 1922 году. У них родилось трое детей: Констан-

*Иван Васильевич Леонтьев,
1900 г.*

*Наталья Степановна
Ипатова-Леонтьева-Клевиц.
Фото 1939 г.*

тин (1920), Павел (1922) и Вячеслав (1924). Вся жизнь семьи вернулась в старое русло, только с новым главой дома. Жизнь перед войной для семьи была очень хорошей, репрессии 1937 года обошли дом стороной. В 1939-м Зоя вышла замуж за Михаила Николаевича Александрова, ведущего конструктора инструментального завода им. Воскова. 1 мая 1940 года родилась Ирина, последняя хранительница этого дома. Когда началась Великая Отечественная война четверо сыновей Натальи ушли воевать, трое вернулись домой с победой, четвертый – Павел – погиб весной 1945 года. Глава семьи Андрей Константинович Клевиц умер блокадной весной 1942 года от голода.

Осенью 1942 года оставшаяся часть семьи была эвакуирована из

*Леонтьев
Александр Иванович*

*Леонтьева Зоя Ивановна.
Фото 1949 г.*

блокадного Ленинграда в Ярославль. Из эвакуации вернулись домой в 1944-м и больше никуда из этого дома не выезжали.

Такова история рабочей ветви купеческой династии Леонтьевых, рассказанная нам Ириной Михайловной Александровой. Но оказалось, что точку ставить рано. Несколько лет назад судьба преподнесла Ирине Михайловне приятный сюрприз – отыскался один из потомков купеческого рода Леонтьевых, проживающий ныне в Австралии. В местной газете была опубликована статья и интервью с Августом Васильевичем Леонтьевым, который приезжал из Австралии в Сестрорецк навестить сохранившийся дом его отца (см. приложение). К сожалению, Ирина Михайловна ничего об этом не знала и статью в газете прочитала намного позднее. Какие родственные узы их связывают? Август Васильевич пишет, что его отца звали Василием Михайловичем, но в описанной здесь родословной такого имени нет. Возможно, это племянник купца Василия Леонтьева.

Как уже упоминалось выше, после революции 1917 года потомков купцов Леонтьевых разбросало по всему свету. Это видно из рассказа Августа Васильевича. Надо сказать, что купцам Леонтьевым в Сестрорецке принадлежало несколько домов: на Литейной улице, Литейном переулке, Цемяночной улице, 2-й Односторонней улице, Госпитальной улице. Но самым известным был сохранившийся и поныне дом на Выборгской улице (сейчас ул. Володарского). Это он стоит сейчас полуразрушенный в центре города и молча молит о помощи. Об этом доме и говорит Август Васильевич в своем интервью. По его плану в доме после реконструкции должен разместиться молодежный развлекательный центр, но нам кажется, что более достойное назначение старого дома – музей истории г. Сестрорецка.

Кстати, Леонтьевы считали своим счастливым числом цифру «7», поэтому почти все дома купцов Леонтьевых имели № 7. В том числе и дом на Выборгской улице, его прежний номер – 7 (сейчас ул. Володарского д. 5а). Даже Иван Леонтьев, отступник от купеческой династии, когда построил свой дом на пустынной тогда улице, дал ему № 7 (сейчас это Разливная набережная д. 7а).

Казалось бы, работа закончена, составлена родословная семьи Леонтьевых-Клевиц-Александровых. Но осталось много неясного в истории купеческой ветви династии Леонтьевых. Хочется составить их родословную

*Август Васильевич
Леонтьев*

*Эскиз проекта реконструкции дома № 5а
по ул. Володарского в г. Сестрорецке*

схему, проследить их жизненный путь, думается, что там много интересного и неожиданного. Уже есть план дальнейших действий. **Поиск продолжается!**

Вот некоторые дополнительные сведения о членах семьи Леонтьевых-Клевиц-Александровых:

Василий Леонтьев.

Сведений о нем не сохранилось. Известно только, что имел братьев, тоже купцов.

Иван Васильевич Леонтьев (1870–1916), сын Василия Леонтьева. Умер и похоронен в Петрограде в 1916 году. Место захоронения неизвестно.

Наталья Степановна Леонтьева-Клевиц (1882–1952), (в девичестве Ипатова) умерла в 1952 году, похоронена на Сестрорецком кладбище.

Андрей Константинович Клевиц (1881–1942). Умер в 1942 году. Похоронен на Тарховском блокадном кладбище.

Николай Васильевич и Петр Васильевич Леонтьевы – сведений о них не сохранилось.

Клавдия Васильевна Леонтьева утонула в 1927 году на озере Разлив, катаясь на яхте в день открытия музея «Шалаш В. И. Ленина» во время налетевшей бури.

Василий Васильевич Леонтьев. Известно лишь, что имел детей: Марию и Василия.

Екатерина Васильевна. Сведений нет, кроме тех, что имела дочь Ларису, которая проживала в Ленинграде, а летом приезжала отдыхать на свою дачу на 2-ю Одностороннюю улицу в Сестрорецке – один из сохранившихся бывших домов купцов Леонтьевых. Отдыхая на даче, изредка заходила в гости к родственникам в Разливе, в тот самый дом, о котором ведется рассказ. Сын Ларисы – Вячеслав, сведений о нем нет.

Александр Иванович Леонтьев (1903–1958) получил военное образование, стал кадровым офицером. В войну находился в блокадном Ленинграде, занимался снабжением города продуктами через Ладожское озеро. Имел звание подполковника. Умер в 1958 году, похоронен на Сестрорецком кладбище.

Лидия Леонтьева 1906–1907. Умерла в возрасте 2 лет.

Зоя Ивановна Леонтьева-Александрова. (1909–1975). Училась в разливской школе, затем в коммерческом училище в Сестрорецке. Работала на инструментальном заводе им. Воскова контролером ОТК. Перед войной в 1939 году окончила курсы ОСОАВИАХИМа, но они ей негодились, т.к. в 1940 году родила дочь Ирину. После войны снова работала на заводе. Умерла в 1975 году, похоронена на Сестрорецком кладбище.

Михаил Николаевич Александров, (1905–?), муж Зои Ивановны работал на заводе им. Воскова ведущим конструктором. В 1947 году семья распалась, Михаил уехал жить в Ленинград. Сведений о нем нет.

Константин Андреевич Клевиц (1920–1997), сын Натальи Степановны от второго брака. Воевал в Великую Отечественную войну, затем плавал на судах торгового флота, после работал на заводе им. Воскова. Умер в 1997 году, похоронен на Сестрорецком кладбище. Его сын Александр Константинович в прошлом военный летчик, живет в Санкт-Петербурге.

Павел Андреевич Клевиц (1922–1945), сын Натальи Степановны от второго брака. Воевал в Великую Отечественную войну, погиб 5 марта 1945 года при освобождении Польши. После долгих поисков из Центрального Военного архива на имя Ирины Михайловны пришел ответ, что по данным Польского Красного креста Павел Андреевич Клевиц похоронен в г. Старгард-Щетинский на братском воинском кладбище.

Вячеслав Андреевич Клевиц (1924–2002), сын Натальи Степановны и Андрея Константиновича Клевиц, воевал в Великую Отечественную войну. После войны работал на заводе им. Воскова в ВОХРе. Умер в 2002 году, похоронен на Сестрорецком кладбище. Его сын Александр проживает в Мордовии.

Татьяна Александровна, дочь Александра Леонтьева, врач, проживает в Санкт-Петербурге.

Наталья Александровна, дочь Александра Леонтьева, проживает в Санкт-Петербурге, других сведений нет.

Владимир Александрович, сын Александра Леонтьева, работал водителем, умер в 2004 году, похоронен в Санкт-Петербурге.

Ирина Михайловна Александрова (род. в 1940), дочь Зои Ивановны и Михаила Николаевича Александрова. Училась в разливской школе. После окончания техникума работала на Сестрорецком инструментальном заводе им. Воскова контролером ОТК. С 1969 по 1973 год была заведующей заводским клубом им. Ленина. Сейчас на пенсии. Проживает в том самом доме, который построил ее дед в начале века, и в котором прошла жизнь близких ей людей.

Р. Н. Гараева

АРХИТЕКТУРА СЕВЕРНОГО МОДЕРНА НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ*

Стиль модерн возник и развивался на рубеже XIX–XX столетий в разных странах. Каждая европейская художественная школа шла к модерну своим путем. Между отдельными художественными и архитектурными школами модерна существовало известное типологическое сходство, что позволило назвать модерн международным, «космополитическим стилем». Однако формирование этих особенностей модерна в каждой школе опиралось первоначально на собственный опыт национального искусства, традиции, зародившиеся в искусстве романтизма в первой трети XIX века. Мастера «нового стиля» не упускали случая, чтобы в своих пластических образах демонстративно нарушить правду действительности, противопоставить ей свой собственный предметный и духовный мир. В декоре их интерьеров легко видеть почти декларативное желание зодчих выявить «естественность» своих архитектурно-пластических намерений. И вместе с тем модерн часто трансформировал природные свойства натуральных материалов, имитируя чуждые им структурные качества. Он делал эти материалы почти неузнаваемыми, придавая стеклу – текучесть, дереву – пластичность, железу – вязкость.

Известные архитекторы того времени – Антонио Гауди в Испании, Макинтош в Англии, Х. Ван де Вельде в Бельгии, И. Ольбрих в Бельгии. Период модерна в архитектуре совпал с расцветом символизма в литературе и изобразительном искусстве. Стремление к свободе творчества

* В рамках «Сестрорецких чтений – 2006» был озвучен небольшой объем книги «Архитектура Северного модерна Курортного района», подготовленной к изданию краеведческим центром Курортного района и ждущей своего издателя. В книгу входят более 350 фотографий известных коллекционеров, фотографов, краеведов района.

и к некой отвлеченной идеальной красоте было свойственно творчеству поэтов П. Валери, А. Рембо, С. Малларме за рубежом и А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова в России. Такой же характер творчества был присущ художникам П. Гогену, М. Врубелю, М. Чюрленису.

Модерн появился, примерно, с 1895 года, но его характерные признаки прослеживаются уже с 1870-х годов. Его делят на два периода 1895–1905 годы – ранний модерн; конец 1900–1910-е годы – поздний модерн, включающий романтическое и рационалистическое течения. Архитектура модерна обусловила новый перелом в русском зодчестве. Говорили: «...новая архитектура стала похожа на маскарад с костюмами из лавочки». Индивидуальное, неповторимое, новое стало художественной нормой модерна.

Художественное объединение «Мир искусства» внесло свою лепту в модерн и последующие направления в русской архитектуре. Кружок ориентировался на отечественные художественные традиции.

Стиль модерн развивался, главным образом, в архитектуре городских особняков и дорогих многоквартирных зданий, загородных вилл и дач. В относительно независимой от внешних обстоятельств среде частной жизни состоятельного заказчика воображение архитектора обрело свободу действий. Проектируя здание, архитектор отбрасывал всякие традиционные, заранее заданные правила симметрии: осевое построение плана и фасада, регулярное членение этажей и расположение окон. Материальное воплощение здания формировалось согласно надобностям заказчика и вкусам архитектора. Снаружи здание выглядело как необычная ассиметричная пространственная композиция, объединяющая разные по формам и масштабам объемы. Формы и декор окон, дверей, лестниц модерна были необычайно разнообразны. Характерное декоративное убранство фасадов и интерьеров достигало невероятной изощренности. Цвет, фактура стен, орнаментальные изразцовые вставки и стилизованные панно, крупные витражи, тонко прорисованные узоры кованых решеток и ограждений, а также другие творческие приемы свидетельствовали о полноте претворения эстетических концепций модерна.

В России самым известным и последовательным архитектором, работавшим в стиле модерн, был Ф. О. Шехтель, творивший в Москве. В петербургскую плеяду архитекторов, работавших в стиле моден в XX веке входили А. И. Гоген (особняк Ксешинской), П. Ю. Сюзор (Дом компании «Зингер», Невский 28), Г. В. Барановский (Торговый дом братьев Елисеевых), С. А. Бржозовский и С. И. Минаш (Царскоевельский вокзал), Э. Ф. Виррих, С. С. Кричинский, Н. В. Васильев (Торговый дом Гвардейского экономического об-ва, Б. Конюшенная ул., 21–23), Г. И. Люцедарский (Народный дом»), Р. Ф. Мельцер, В. В. Шауб.

Некоторые исследователи в петербургской архитектуре выделяют новую ветвь, отличающуюся романтической трактовкой, и называют ее северным модерном, . Сюда относятся Ф. И. Лидваль (Гостиница «Астория»), Н. В. Васильев, (здание «Нового Пассажа» на Литейном 53), И. А. Претро, Л. Н. Бенуа.

Смешение многих культур на Карельском перешейке породило плодотворнейшую почву для развития «северного модерна». Для него часто использовался отделочный кирпич, керамика. Особое место занимала форма здания. В ней выражался характер постройки, ее энергетика. Особенности скандинавского модерна, например, стали разноцветные витражи и башенки с возносящимися шпилями. Внутри домов имелось несколько больших залов, множество средних и небольших комнат. Большие залы украшали великолепные камины, отделанные кафельной плиткой или керамикой. В комнатах устанавливались каменные или обшитые металлом печи. Пол – деревянный или паркетный. Все особняки были, как правило, двухэтажными. Узкие лестницы имели практически законченную винтовую форму, во всех домах на лестнице было вырезано окно, чтобы на лестницу падал дневной свет. Снаружи дома украшали резными ставнями. Хотя в некоторых домах резьба украшала весь фасад.

После 1910 года увлечение модерном ослабло. Зато появилось много домов, похожих на модерн. На фасадах тут и там, то плавно изогнутая форма, то витиеватые металлические ограждения балконов, лестниц, то оригинальные по рисунку навершия башенок, то изразцовые вставки. Где-то штукатурный растительный орнамент. А где-то из тела стены появлялись таинственным образом лики с распущенными волосами, с полузакрытыми глазами. Но это не модерн, а модернизм или постмодернизм, или обычная стилизаторская эклектика.

В Сестрорецке и его окрестностях, а также на Карельском перешейке в связи с развитием дачного строительства на рубеже XIX–XX веков работали многие талантливые архитекторы и инженеры:

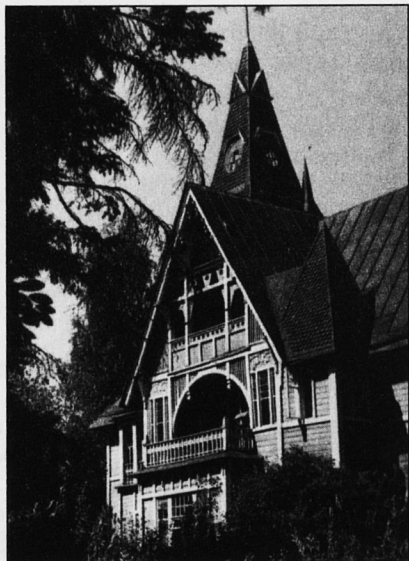
Василий Антонович Косяков, автор значительных общественных зданий в различных городах, известный педагог, инженер, профессор, первый выборный директор Института гражданских инженеров с 1906 по 1921 год;

Сергей Григорьевич Гингер, воспитанник Рижского политехнического института, крупный архитектор начала XX века, представитель «модерна» и «неоклассицизма» в петербургском зодчестве;

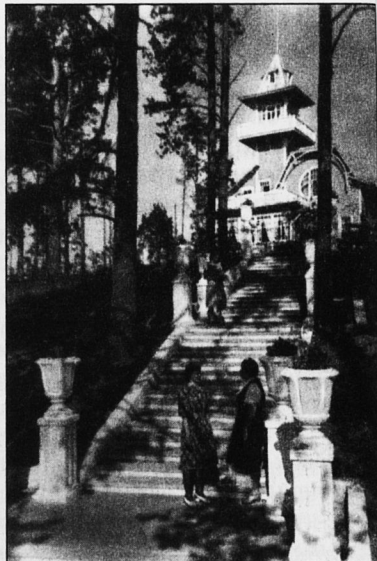
Владимир Николаевич Пясецкий, преподаватель Института гражданских инженеров, автор научных статей об архитектуре и строительстве Сестрорецкого лечебного комплекса;

Фридрих Фридрихович Фон-Постельс, один из оригинальнейших архитекторов, работавших в «модерне»;

а также **Б. К. Правздик**, **З. Леви**, **К. В. Бальди**, **Барановский**, **Б. Г. фон Гук** и др.

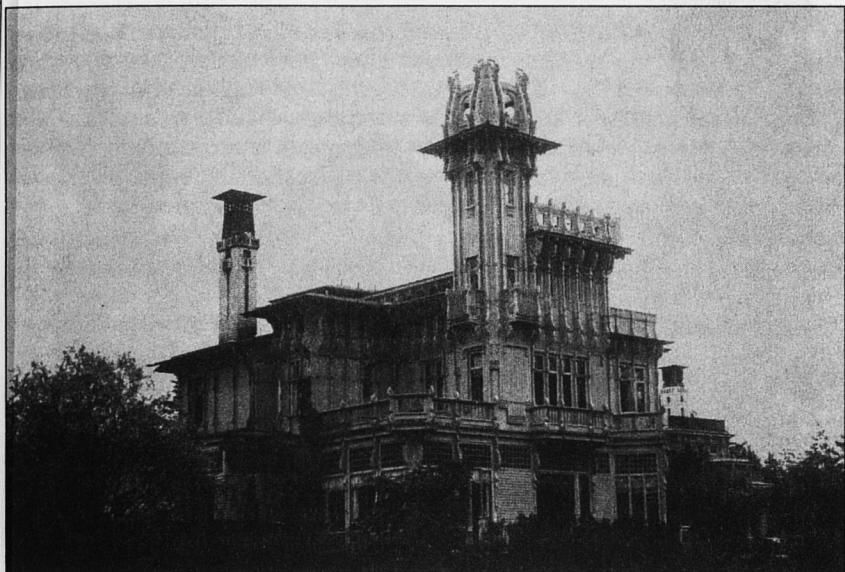
*Ваммельсуо. Дача Воронина.
Арх. П. П. Бук (не сохранилась).
Из коллекции С. В. Ренни*

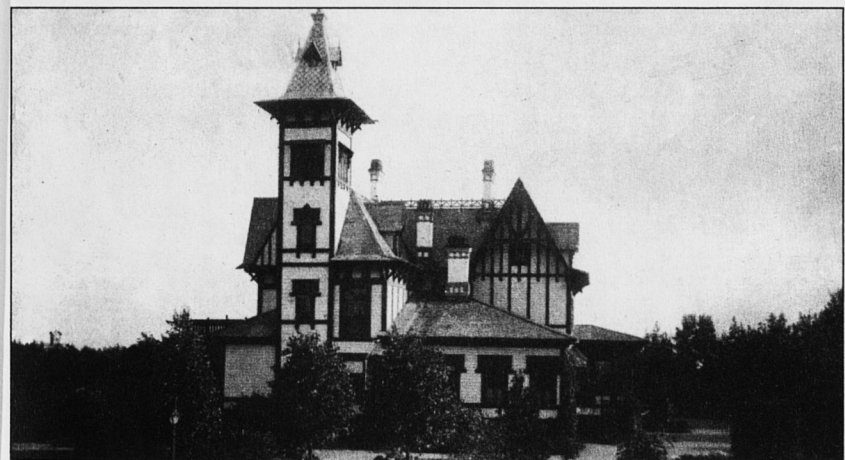
*Солнечное. Дача начала XX в.
Дом отдыха «Солнечная горка».
Фото 50-х гг. XX в. (не сохранилась)
Из коллекции С. В. Ренни*

*Келломяки. Церковь Сошествия Св. Духа. Арх. Н. Н. Никонов,
1906 г. (не сохранилась). Из коллекции С. В. Ренни*

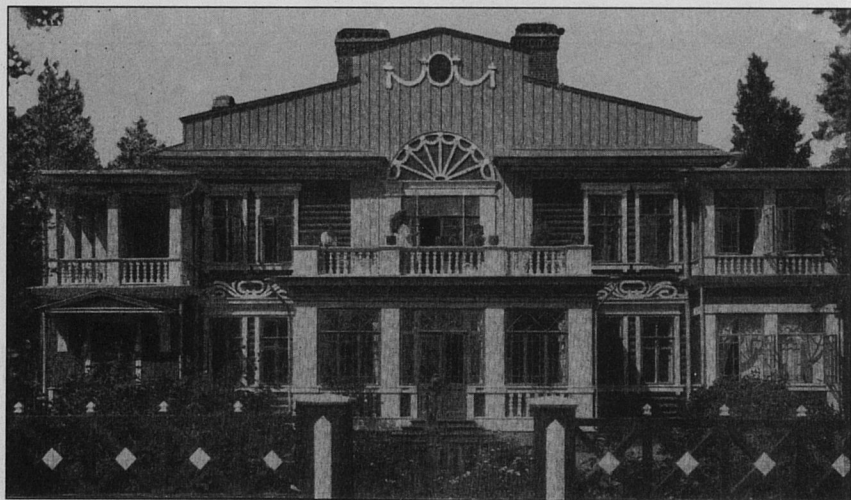
*Келломяки. Дача архитектора Барановского «Арфа»
(разрушена во время Великой Отечественной войны).
Из коллекции С. В. Ренни*

*Метtäкүюля. Вилла «Мариоки» (не сохранилась).
Из коллекции С. В. Ренни*

*Терийоки. Неизвестная дача у моря (не сохранилась).
Из коллекции С. В. Ренни*

Тюрисевя. Вилла Мартель (не сохранилась). Из коллекции С. В. Ренни

До наших дней в районе Сестрорецкого курорта сохранились дачные постройки, выстроенные в стиле северного модерна. Дачное строительство в районе станции Курорт связано с постройкой Приморской железной дороги и лечебного комплекса «Сестрорецкий курорт». В 1898 году Приморская железная дорога вступила в строй. В этом же году по ходатайству строителя Приморской железной дороги инженера П. А. Авениуса царское правительство утвердило положение о создании комплекса Сестрорецкого курорта.

В трех верстах от Сестрорецка, на берегу залива, для курорта был отведен участок в 54 десятины соснового леса. К 1900 году построили водолечебное заведение (институт физических методов лечения) с водонапорной башней и бассейном, гостиницу-пансионат, курзал и служебные помещения. Стеклопанельная галерея в 200 сажен длиной, открытая в парк и закрытая со стороны залива, соединяла курзал с административным корпусом. До наших дней сохранилось двухэтажное здание бывшего Института физических методов лечения.

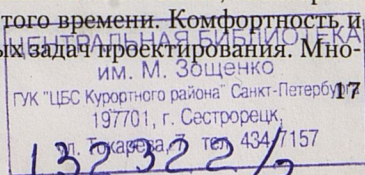
Здание лечебного корпуса Сестрорецкого курорта построено архитектором **В. Н. Пясецким**.

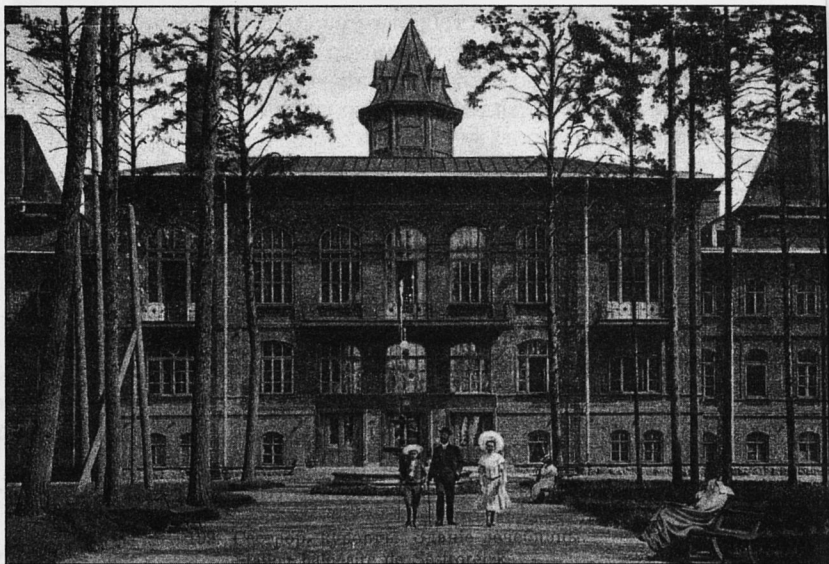
Не сохранилось деревянное двухэтажное здание бывшего пансионата, построенное по проекту архитектора **Зигфрида Леви**. Здание являлось ярким примером того, как зодчие начала XX века достигли значительного эстетического эффекта за счет умелого и продуманного сочетания функциональных элементов. Вертикали кирпичных лестничных клеток, напоминающих средневековые башни, прекрасно контрастировали с деревянными стенами и горизонталями балконных ограждений.

В 1898 году одновременно с началом строительства курортного комплекса на казенных землях, примыкающих к району Канонерки, было нарезано 102 участка, также получивших название Канонерских (в границах современных улиц М. Горького, набережной реки Сестры и Ермоловского проспекта). Участки давались казной в аренду сроком на 99 лет каждый. Деревья разрешалось вырубать только на одной четверти участка. Непременным условием было в течение первых трех лет возвести загородный дом или дачу со службами.

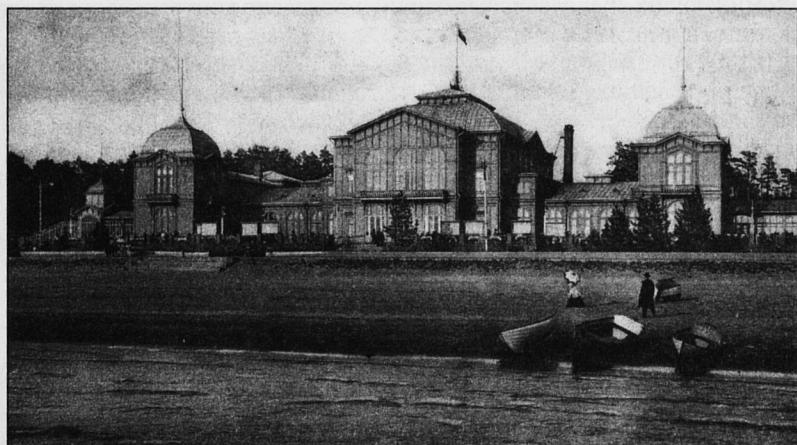
Ценнейшими уникальными памятниками дачной, в основном деревянной архитектуры, являлись многие строения, примыкавшие к платформе Курорт. Все они возводились на рубеже XIX–XX веков, для весьма состоятельных людей в стиле «модерн». В лучших постройках этого стиля художественная форма, отличающаяся большой выразительностью, была подчинена неразрывному единству функционального и конструктивного начала.

Дачи строились с учетом всех новейших гигиенических, санитарно-технических и эстетических требований того времени. Комфортность и целесообразность были одной из основных задач проектирования. Мно-

*Сестрорецк. Курорт. Лечебный корпус.
Арх. В. Н. Пясецкий. Из коллекции С. В. Ренни*

16-22
2 илл.

Сестрорецк—Курортъ
Курзалъ съ моря

Sestroretzk
Le casino vu de la mer

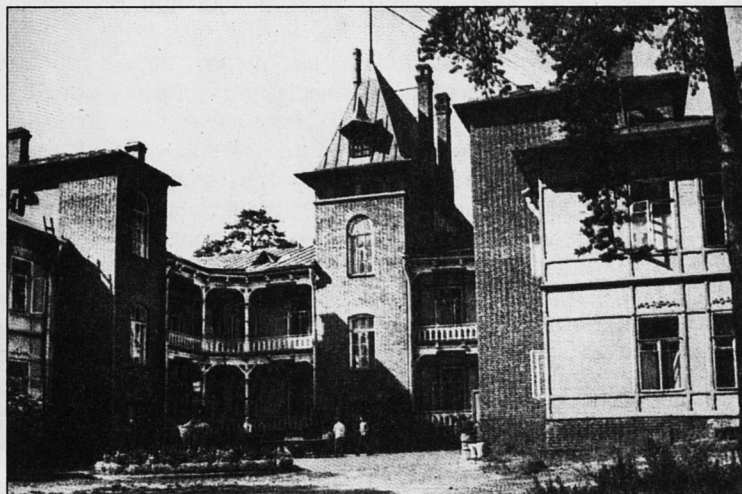
*Курзал со стороны залива. Арх. З. Леви.
Из коллекции С. В. Ренни*

Сестротский Курорт.

Souvenir de Sestroretsk.

*Вид на Курзал, эспланаду и железную дорогу (не сохранились).
Архив Краеведческого центра*

*Сестрорецк. Курорт. Пансионат «Лесной», начало XX в.
в стиле «Модерн», Арх. З. Леви (не сохранился)*

гие из сохранившихся строений использовались в дальнейшем оздоровительными учреждениями.

На территории пансионата «Сестрорецк» находится загородный дом архитектора **В. А. Косякова (Ермольевский проспект, д. 9, павильон № 7.)**, возведенный в 1909 году. Рядом – дом гражданского инженера **Б. К. Правдзика (ул. Григорьева, д. 5, павильон №8)**. Оба дома отличаются оригинальностью силуэтов, разнообразием архитектурных приемов, красочностью и особой нарядностью. Они являют собой пример использования камня в загородном строительстве.

На Парковой улице, на участке под №18, относящемся к пансионату «Сестрорецк», сохранились две дачи, построенные для **купца Б. Г. Лихачева и его сына (павильоны № 1 и 5)**. Возведенные в самом начале XX века, они демонстрируют любопытное сочетание прямоугольных объемов, характерных для деревянного зодчества, с элементами стиля «модерн». Формы оконных проемов, со сложными, криволинейными сочетаниями наличников, стилизованные цветы делают облик этих строений своеобразным и запоминающимся.

Павильон №4 построен в другом стиле. Фасад, обращенный к Финскому заливу, украшен деревянными кокошниками и застекленными верандами. К основному строению примыкают «службы», а вблизи беседка. Деревянное резное кружево удачно применено в отделке всего комплекса. Старожилы Сестрорецка считают этот участок с домом собственностью **Ф. И. Шаляпина**. Однако по архивным данным дача принадлежала **коллежскому секретарю Ф. В. Шаповаленко**. Возможно, что Федор Иванович гостил здесь.

Большой интерес представляют постройки, спроектированные **С. Г. Гингером**, особенно одна из них, на территории **детского клинического санатория имени профессора Маслова (улица Лесная, дом 7)**. Бревенчатое деревянное здание в глубине участка у самой границы с территорией филиала военного санатория «Тарховка» было возведено в 1907 году для присяжного поверенного Герцмана, в последствии он был продан в 1908 году доктору **Л. М. Клячко**. Объем здания чрезвычайно выразителен. Разновысокие крыши сложных криволинейных очертаний придают его облику динамичность, присущую постройкам нового стиля. Каждый фасад своеобразен и неповторим. Пространственно-планировочная схема проста и рациональна. Объединенные общим вестибюлем помещения первого этажа делятся на три группы: подсобные, рабочие, личные. Для каждой имеется свой вход. Логической связи между интерьером и экстерьером подчинено расположение оконных проемов, балконов, террас. Проведена современная реставрация.

Дача на набережной реки **Сестры под № 51**, возведенная в 1910 году для **доктора Д. М. Цвета** по проекту архитектора **Ф. Ф. фон-Постельса**, утратила свой первоначальный вид в результате ремонта, проведенного

*Сестрорецк. Курорт. Зеленая дача Лихачева. Парковая ул., 18.
Фото В. М. Федорова. 2000 г.*

*Сестрорецк. Курорт. Голубая дача Лихачева. Парковая ул., 18.
Фото В. М. Федорова. 2000 г.*

Сестрорецк. Дача Клячко. Арх. С. Г. Гингер., ул. Лесная, д. 7. Начало XX в.

хозяйственным способом. Навсегда исчезли с ее фасада изящные балкончики и фронтоны, тонко прорисованные наличники и карнизы, оригинальные дверные и оконные переплеты.

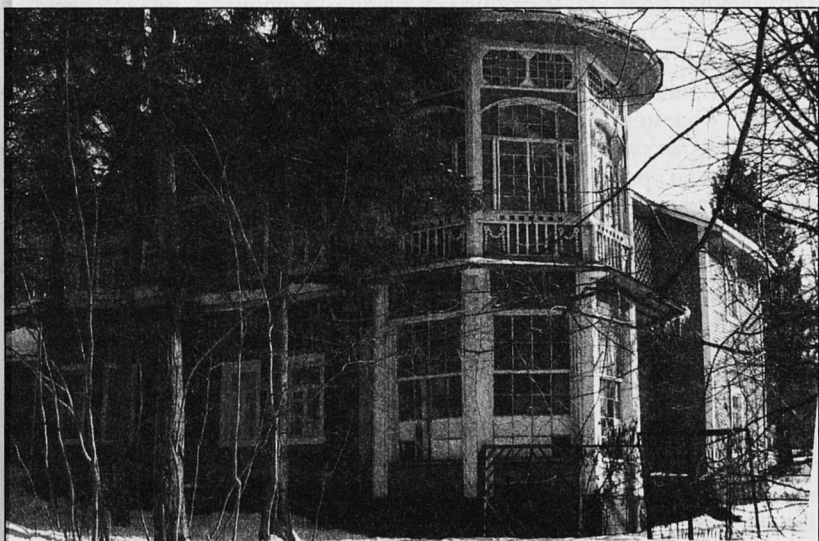
Более успешно был отреставрирован дом №6/18 по Курортной улице, построенный в 1909 году на участке, отведенном доктору медицинских наук **И. Ф. Кречеву**. Создатель дома по-иному ставит и решает свою задачу. Это сооружение несет в себе значительную долю эклектики, что не умаляет его достоинств. На крупный двухэтажный бревенчатый объем, оживленный лишь «лежачими» окнами в обрамлении белых наличников, как бы наложена декорация лицевого фасада, украшенного башенками, изящной светелкой и тремя оконцами. (В 1983 году все здание было обшито «вагонкой» и к торцовой стене пристроен «карман» из кирпича, тем самым исказив первоначальное объемно-пространственное решение здания.)

Многие интереснейшие дома ныне находятся в аварийном состоянии

План деревянного двухэтажного дома по улице Горького, 20 (бывшая ул. Авенариуса) был утвержден в сентябре 1908 года. Не исключено, что проект его был заказан С. Г. Гингеру. Видно, что автор владеет полным арсеналом средств художественной выразительности, характерной для построек модерна. Богатство игры света и тени на фасаде достигается за счет сложного пространственного решения. Дополнительный декоративный эффект дает сопоставление фактуры стены, образованной гори-

*Сестрорецк. Дача доктора Д. М. Цвета. Наб. р. Сестры, 51, начало XX в.
Архив В. М. Федорова*

*Сестрорецк. Дача доктора Д. М. Цвета. Наб. р. Сестры, 51.
2007 г. Фото Р. Н. Гараевой*

зонталями бревен, с выделенными цветом вертикалями оконных наличников и расстекловки.

Бывшая **дача Е. Ф. Важевской, ул. Андреева д.12** (1907 г.) была возведена на б. Железнодорожной улице одновременно с дачей доктора Цвета. Большой деревянный дом построен в традициях русского народного зодчества с элементами модерна, сохраняя слитность конструктивного и декоративного начал.

У дачи **по ул. М.Горького, 8а** окна – главное украшение фасада, но эффект достигается не за счет причудливой расстекловки наличников, а благодаря большой площади остекления и нетрадиционной форме окон.

Дом № 2 по той же Сосновой улице – компактный, имеет традиционный фасад, как бы собранный к вертикали центральной башни, что придает запоминающийся силуэт здания. Автором этого дома можно предположить гражданского инженера В. Н. Пясецкого, собственный дом которого находился в двухстах метрах от этого сооружения.

Дача по ул. Андреева, № 3, представляет типовой вариант дачной архитектуры. Однако украшенная пропиленной резьбой, витражами, башенками, обшитая фигурно наложенной «вагонкой», она не диссонирует с соседними домами, а дополняет архитектуру этих мест.

Дом №3 по Оранжерейной ул. был возведен по проекту архитектора **Гингера** в 1909 году. Здесь зодчий обращается к ретроспективному направлению модерна. Растянутый лучковый фронтон, мелкая расстекловка крупных окон, обработка фасада пилястрами, высокая мансардная крыша напоминают нам архитектуру раннего «петровского барроко».

Время пощадило эту замечательную постройку, построенную в стиле «модерн» с элементами «петровского барроко».

Дом, где останавливался на отдых замечательный русский певец Л. Собинов во время своих выступлений в Курзале, сохранился с частичными утратами. В настоящее время дом находится в частной собственности и будущее его не известно.

Архитектор С. Г. Гингер, так много создавший оригинальных домов в г. Сестрорецке, свою дачу построил с точки зрения удобства и целесообразности дачной жизни. Ничего лишнего в архитектурном убранстве. Фотография 1920-х годов доносит до нас весь архитектурный замысел автора. В советское время здание принадлежало военному ведомству. Сейчас оно перешло в частные руки, реставрировано со многими утратами и многочисленными пристройками.

Большая часть деревянного зодчества в стиле «северного модерна» безвозвратно погибла в результате двух последних разрушительных войн, то, что осталось, за столетие пришло в негодность. Тем не менее, на Карельском перешейке еще можно увидеть остатки былого блеска дачного строительства конца XIX – начала XX веков, шедевров удивительного романтического архитектурного стиля. У каждого поселка на

Карельском перешейке было свое «лицо». Отдельные образцы «северного модерна» мы приводим в данной работе. Полностью материал будет опубликован в будущей книге.

Библиография.

1. *Борисова Е. А., Стернин Г. Ю.* Русский модерн. Альбом. М. Галарт, АСТ ЛТД. 360 с., ил. С. 53
2. Журнал «Нева». 2004 г. №7 // Н. ЩигOLEV. В. Исаченко / Династия Художников.
3. *Кириков Б. М.* Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома / Б. М. Кириков; Ил. В. Т. Верещагин. В. А. Давыдов, В. Ф. Егоровский. А. Ф. Шувалов, СПб: Журнал «Нева»; 2003 г.
4. *Кириков Б. М.* Архитектурные памятники СПб./Б.М.Кириков СПб. Коло, 2005 г.
5. *Кириллов В. В.* Архитектура «северного модерна». Из-во «Эдиториал УРСС», 2001. 112 с.
6. *Кобак А. В.* Город-сад на Карельском перешейке // Второй петербургско-финский семинар // Между Невой и Кюмммене / Сиппола, Финляндия, 19 мая 1995.
7. *Ленская Н., Симкина С. А.* // Сохранить музей под открытым небом // Лен. Здр. № 114 (7076). 22.09.87.
8. Материалы конференции в Изваре. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного Центра РАН Е. Сойни «Финский неоромантизм и творчество Н. К. Рериха».
9. *Мусаев В. И.* /Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX— начале XX века,-История Петербурга. №4 (26)/2005 г. С. 43—47.(гл. Оллила...)
10. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, Исследования и материалы. Вып. 4. СПб.-Белое и черное. 1997 г.
11. *Симкина С. М.* Дачи модерна на северном побережье Финского залива // Памятники истории и культуры.-Вып 4.- под редакцией Б. М. Кирикова. СПб.1977. С. 335—344.

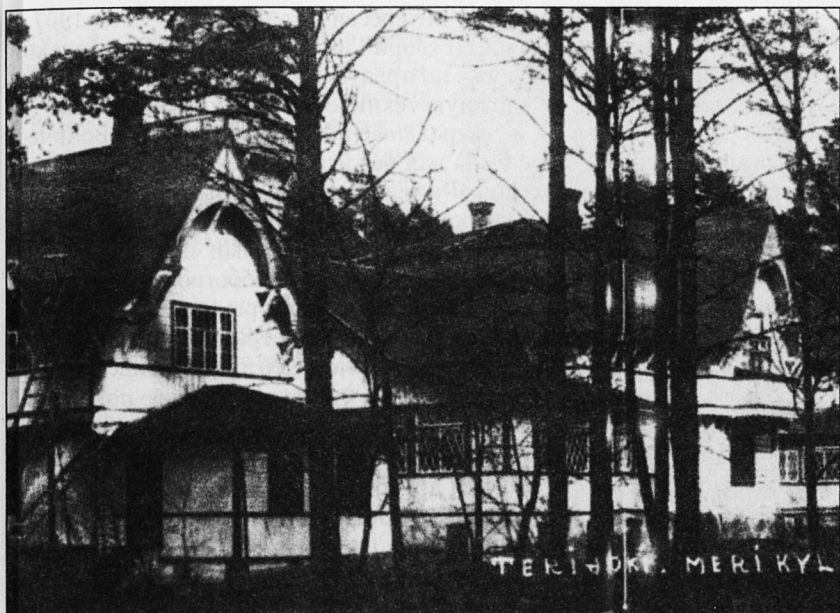
Н. В. Григорьева

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ В ТЕРИЙОКАХ 1912 ГОДА

На рубеже веков Россия вступила в эпоху, которую принято называть модерн. «Историки искусства, – пишет об этом времени его исследователь И. Муравьева, – до сих пор спорят о самом термине “модерн”: считать ли его определяющим своеобразный художественный стиль или это всего лишь кратковременное направление в искусстве».

Несмотря на свою непродолжительность, этот стиль оставил свой след на всем: образе жизни, манере общения, художественном вкусе, дизайне одежды. И сегодня нам важно восстановить факты, связанные с историей нашего города, который, по разным причинам, занял свое место в этой эпохе. Нам уже доподлинно известно, что Карельский перешеек и Терийоки, в частности, стал местом притяжения для творческой элиты Петербурга. Так совпало, что освоение нашего края пришлось на десятилетие, связанное с новыми вехами мировой культуры. В России эту эпоху часто связывают с понятием Серебряного века (так назвал его философ В. Розанов) и во многом, повлекшего за собой изменение духовного климата как в России, так и в Финляндии.

Модерн родился не на ровном месте, но вобрал в себя художественный опыт человечества, ярко продемонстрировал свое стремление к синтезу искусств. Именно с этой точки зрения постигала «тайну» модерна, его многообразие и изменчивость творческая группа театра Вс. Мейерхольда. Этим режиссером, учеником К. Станиславского, в 1912 году в Терийоках было создано «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов».

Терийоки. Казино «Меркурий»

На сцене прибрежного театра «Казино» Мейерхольдом был апробирован и продолжен новый подход к режиссуре, инсценировке, оформлению спектаклей, актерской игре. Одно из слагаемых в общей системе воспитания актеров Мейерхольд назвал новым словом «биомеханика». Согласно этому методу, первичным было физическое действие, а звуки и эмоции – вторичны. Режиссер считал, что актер более эффективно выражал себя и доносил авторскую идею до зрителя языком своего тела. Позднее его дочь, Ирина Всеволодовна Мейерхольд, вместе со своим мужем, известным актером, Василием Васильевичем Меркурьевым продолжили изучение и преподавание «биомеханики» в Ленинградском театральном институте. Вс. Мейерхольд выступил новатором современной режиссуры. Он бросил вызов дорежиссерскому актерскому театру, и узаконил на своей сцене существование режиссуры.

Интерес к жизни и творчеству Мейерхольда в контексте его трагической судьбы не иссякает последние полвека. Его имя по праву является достоянием как русской, так и мировой культуры и истории. В последнее время появилась возможность узнать о Вс. Мейерхольде из многочисленных исследований, фильмов, мемуаров, научных работ, публикаций.

Нам, жителям Зеленогорска, интересен тот факт, что лето 1907 и 1912 годов Вс. Мейерхольд жил и творил на нашей земле. Терийокский театральный сезон 1912 года уже по праву вписан в историю искусства. Сцена театра походила на сложную техническую конструкцию. Сам же Вс. Мейерхольд назвал свои театральные новшества театром иронического гротеска. Сцена театра была для режиссера предметом творческих баталий. Где, как ни в Русской Финляндии можно было творить в атмосфере интеллектуальной свободы. При этом актеры играли, не видя зрителя, но постепенно игрой и световыми решениями «затягивали» его в действие спектакля. Созданию напряжения способствовали так называемые «выкрики молчания» – паузы, созданные режиссером, который сумел выразить «экспрессионизм человеческих страстей» актерской игрой, своим творческим стилем. Нельзя сказать, что эти энтузиасты-новаторы отказались от достижений мировой культуры. Но свое понимание мира и искусства, значимость собственного «Я» объединяло новые творческие силы. Так в начале века появились авангардисты, символисты, кубисты, акмеисты, футуристы и другие направления в русской культуре и искусстве. Каждое новое объединение бросало вызов друг другу, подвергалось критике, сомнению, ниспровержению. Здесь, в Финляндии, у Вс. Мейерхольда появилась возможность свободного продолжения театрального эксперимента. Свободу творческого процесса в Терийоках почувствовал даже художественный совет, в который входили М. Гнесин, Вс. Мейерхольд, Н. Кульбин, Ю. Бонди, В. Бычков и Вл. Соловьев. Иногда к совету присоединялись актеры и тут же принимались творческие решения.

Осип Манделъштам в книге «Шум времени» так передает атмосферу финского побережья: «В Терийоках песок, можжевеловый, дощатые мостки, собачьи будки купален с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний и близкий сердцу петербуржца, домашний иностранец, холодный финн...».

Никто из актеров театра Мейерхольда не получал жалования, работали за идею служения театру и были равноправны в своем театре. Финансировала новый театр в основном Любовь Дмитриевна Блок (театральный псевдоним – Басаргина).

Новое время требовало новой драматургии. Еще не освоенная в России скандинавская литература стала модной в Петербурге. Финляндия явилась особенным местом для творческих людей. Здесь соединение таланта с северной природой получило направление высокого романтизма. Представитель позднего символизма в поэзии Александр Блок пропитался северной средой и скандинавской культурой, которая надолго стала предметом его пристального изучения. «Нахожусь под знаком Стринберга», – писал Блок о себе.

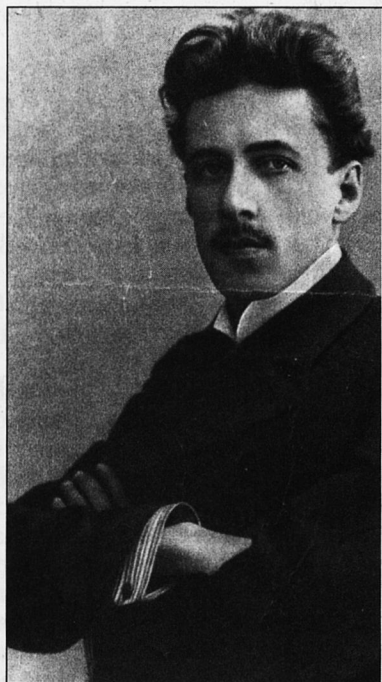
«В А. Стринберге соединились в высокой степени эти – великий и простой, художник и человек, творец и ремесленник». Блок продолжает находиться под влиянием Стринберга и после кончины драматурга 14 мая 1912 года. Одной фразой поэт-символист выразил бессмертие Стринберга:

Он менее всего конец,
Он более всего начало...

Неослабевающий интерес к шведскому драматургу Блок продолжал нести через всю свою жизнь. И именно этот интерес навсегда связал Блока с Карельским перешейком. Здесь летом 1912 года новые художественные решения Вс. Мейерхольда совпали с предложением Блока поставить спектакль на терийокской сцене. Так драматический сюжет из французской жизни, история любви и трагедии по мотивам Августа Стринберга была показана в Терийоках. Спектакль шел только один раз 14 июля 1912 года и назывался «Виновны-невиновны». Именно этому спектаклю суждено было войти в историю мировой культуры, как факт творческой биографии Мейерхольда и быть вписанным в историю сценического освоения драматургии Августа Стринберга на российской сцене.

Премьера прошла под знаком великого триумфа искусства и великой человеческой трагедии. Спектакль был обрамлен двойной траурной рамкой. Официально он был посвящен памяти Стринберга, но актеры театра испытывали глубокое потрясение и душевную скорбь по своему другу художнику Николаю Сапунову. Он погиб в водах Финского залива 14 июня того же года. Ему было всего 32 года. За свою недолгую, но творчески напряженную и яркую жизнь он, автор более 500 работ, безусловно, состоялся как художник.

Его имя навсегда вписано в историю отечественного изобразительного искусства. Тот, кому посчастливилось познакомиться с Сапуновым – художником и сценографом (а его работы заняли место и в Русском музее и в Третьяковской галерее и, конечно же, в Театральном музее),

Вс. Э. Мейерхольд

не мог не почувствовать его фантазии и изобретательности театральных приемов.

Оформлением спектаклей кроме Н. Сапунова в театре «Казино» занимались Николай Кульбин, Юрий и Сергей Бонди. Все эти художники, каждый на свой лад представляли искусство модерна.

Но нам интересно восстановить фрагмент истории нашего края, соединившего когда-то трех великих людей – Стриндберга, Мейерхольда и Блока, ярчайших представителей эпохи, к которой они принадлежали. Декорации к спектаклю «Виновны-невиновны» были оформлены Николаем Кулбиным. Слева, у кулисы, был помещен большой портрет Стриндберга, выполненный в кубистической манере. Портрет символизировал дань памяти великому драматургу. Занятые в главных ролях актеры – Л. Блок, В. Веригина, А. Мгебров – поразили зрителей мастерством, единомыслием и пониманием авторской и режиссерской задач. А. Блок был в полном восторге от премьеры. Зал был полон. Многие из этих зрителей и актеров оставили свои воспоминания об этом спектакле. Сейчас мы гордимся тем, что именно в нашем городе произошло это значимое культурно-историческое событие. Нам известно о многих исторических событиях, которые произошли как в этом театре, так и Терийоках. Но цельное полотно культурной жизни Карельского перешейка еще не соткано. Ждем от исследователей и краеведов неизвестных нам еще исторических фактов и исследований.

В последующее десятилетие актеров, музыкантов и художников этого театра разбросают революции, войны и репрессии. По словам Д. С. Лихачева, история России – это история ее культуры. И в память о той эпохе в Зеленогорске есть улица, которая называется Театральная.

Библиография

1. Блок А. А. Собрание сочинений. Н. 5, 8. М., 1963.
2. Встречи с Мейерхольдом. Сборник. М., 1967.
3. Веригина В. П. Воспоминания. Л., 1974.
4. Гофман И. Стихия Николая Сапунова. Наше наследие. № 71, 2004.
5. Зингерман Б. И. О театре Стриндберга. Театр. 1976, № 5.
6. Мандельштам О. Э. Шум времени
7. Мейерхольд Вс. Эм. Статьи, письма, речи, беседы. Т. 1, 2. Москва, 1968.
8. Муравьева И. А. Век модерна. СПб, 2001, с. 6.
9. Рудницкий К. Театральные сюжеты. М., 1990.
10. Шведы на берегах Невы. Сборник статей. Стокгольм, 1998.

С. В. Ренни

ШЛЮ ВАМ ПОЧТОЙ ПРИВЕТ...

Населенные пункты Курортного района Санкт-Петербурга на открытых письмах в стиле «Сувенир».

Первые открытые письма в России были выпущены в 1872 году. До начала 1890-х годов их издание осуществляло исключительно почтово-телеграфное ведомство. Распоряжение министра внутренних дел от 19 октября 1894 года регламентировало выпуск бланков открытых писем частными лицами и разрешило их пересылку по почте согласно общим правилам. Частным лицам запрещалось лишь воспроизводить государственный герб и почтовую марку на лицевой (адресной) стороне бланка. Так началась история российской иллюстрированной открытки, официально называющейся открытым письмом, а с 1909 года – почтовой карточкой.

К началу XX века почти в каждом сколько-нибудь значительном местечке Империи имелись свои издатели, специализирующиеся на выпуске открыток. В большинстве случаев это были владельцы всевозможных магазинов, чаще книжных, а так же местные фотографы. Наибольшей популярностью у населения пользовались открытые письма с видами населенных пунктов. Правилom хорошего тона было послать почтовое отправление родным и друзьям из местности, где отдыхал или в которой был проездом корреспондент. Не желая отстать от заграницы, отечественные издатели предлагали видовые открытки с бесконечным разнообразием сюжетов и вариантами оформления (зачастую сувенирного) оборотной стороны бланка. Одиночные виды в оригинальных рамках, композиции с элементами декора, фигуры почталыонов, многоцветные бабочки и цветы – служили фоном для текстовок: «Привет из...», «Поклон из...», или их эквивалента на других языках, чаще французском и немецком.

Илл. 1. Фотопечатня А. И. Центер, Птгр, 1916

Илл. 2. Фототипия А. И. Вильборга, СПб, 1900-01.

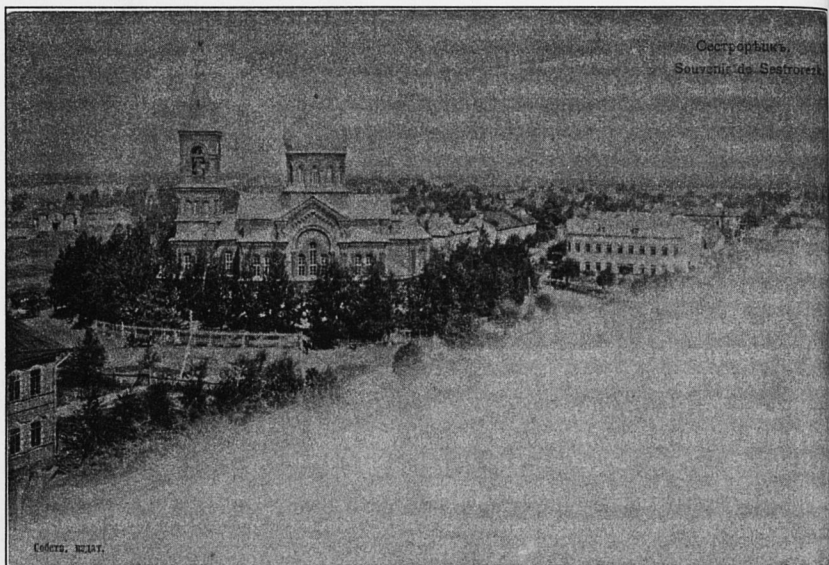
*Сестроры́кий Курорт.
Институт физич. мет. леченія*

Илл. 3. Типография А.И. Вильборга, СПб, 1902

*Шлязъ у Сестроры́ка.
Станціи: Сестроры́къ и Курортъ.*

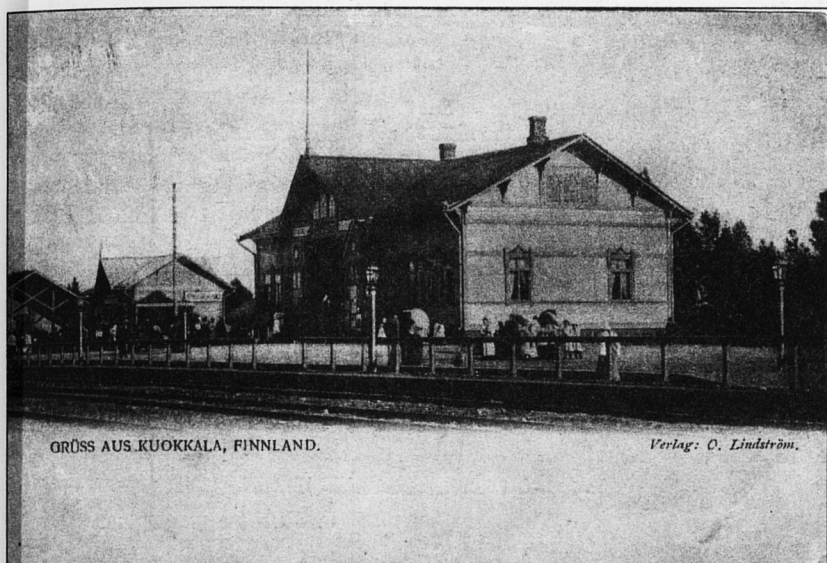
Илл. 4. «Т-во Голике и Вильборг», СПб, 1903 г..

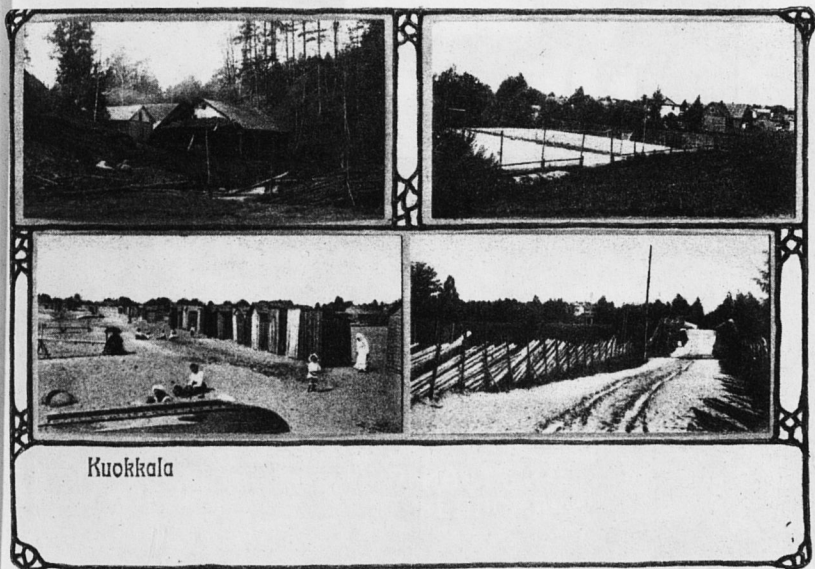
Илл. 5. «Т-во Художественной Печати», СПб, 1903

Илл. 6. Изд. Магазина открытых писем (Халонен), Сестрорецк, 1908

Илл. 7. Изд. О. Линдстрема, Хельсинки, нач. 1900-х

Илл. 10. Изд. Магазины «Наво» (Энгестрем), Куоккала, сер. 1900-х

Илл. 9. Изд. Клоуберга,
Выборг, нач. 1900-х

Илл. 8. Изд. АО «Поссе»,
Выборг-Терийоки,
нач. 1900-х

Виды ст. ОЛЛИЛА.
OLLILA

Финляндія.
Suomi.

Илл. 11. Фотоателье «Ренессанс» (Мантейфель), СПб, нач. 1910-х

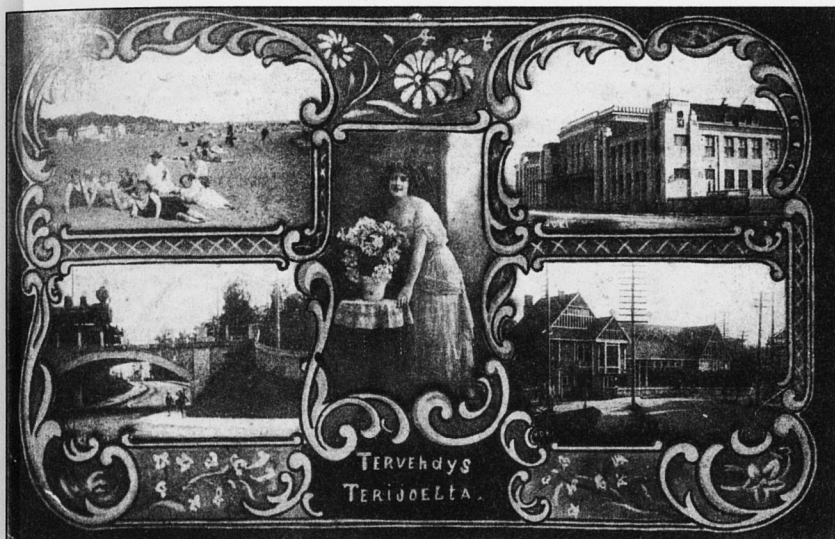
Илл. 12. Изд. А. Зевальда, Келломяки, 1914

Илл. 13. Фотопечатня А.И. Центер, СПб, 1914

Илл. 14. Фотопечатня А.И. Центер, Птгр, 1915

Илл. 15. Изд. Магазины химреактивов (Зевальд), Терийоки, нач. 1920-х

Илл. 16. Изд. А. Пуллинена, Терийоки, сер. 1930-х

Илл. 17. Фото Ленсовета, нач. 1930-х (из фондов ЦГА КФФД)

Появление первых почтовых сувениров для местностей Санкт-Петербургской губернии, относящихся сейчас к Курортному району города, связано с открытием в июне 1900 году Сестрорецкого Курорта. Уже в конце 1900 года известный представитель типографского дела Петербурга А.И. Вильборг выпустил подборку: «Souvenir de Sestrorezk», из более двух десятков открытых писем посвященных новому лечебному заведению. Особо привлекательными были экземпляры с композициями из фотографий Курорта (пляж, променад, эспланада, комплекс курзала, парк), в обрамлении стилизованного орнамента на флористические мотивы – дань входящему в моду стилю модерн (илл. 2).

По традиции, «привет» на бланке открытого письма считался состоявшимся, если приходил именно из места изображенного на нем и имел соответствующее гашение штемпелем. У посетителей Курорта возможность послать «полноценный» сувенир появилась лишь в июле 1902 году – рядом со станцией открылось почтово-телеграфное отделение. Там от публики принималась простая и заказная корреспонденция; можно было отправить телеграммы, включая международные. До этого момента все почтовые отправления шли через сестрорецкую почтово-телеграфную контору, или отсылались сразу же в столицу поездами по Приморской железной дороге.

В 1902–1903 годах издательство Вильборга (с 1903-го – объединенное «Товарищество Р. Р. Голике и А. И. Вильборг») продолжило выпуск сувенирных открыток с видами «приморской санатории» и близлежащих мест. Многие из них украшались растительными фантазиями модерна; значительное количество содержали от двух до четырех сюжетов (илл. 3), в числе которых находим железнодорожный вокзал Сестрорецка и водоспуск К. Гаусмана (илл. 4).

Свою лепту в популяризацию местностей по Приморской железной дороге внесло и петербургское «Товарищество Художественной Печати». Не менее десяти открыток (а всего в 1903–1905 годах «Товарищество» выпустило более сорока, без учета разновидностей) имели неброскую надпись – «Souvenir de Sestroretzk». В подборе фотографий издатель не стал ограничиваться Курортом. В первый и, увы, в последний раз, «сестрорецкий сувенир» был представлен церковью Святых апостолов Петра и Павла (илл. 5), церковью Преображения Господня близ платформы Ермоловская, станцией Императорского Общества «Спасания на водах» в Разливе, лесом в Тарховке и даже ... бочагой.

В начале 1908 года Г. Й. Халонен, владелец магазина открытых писем на Зоологической улице, издал серию снимков Сестрорецка и его окрестностей. Украшением серии стала открытка с изображением курзала в рамке, на фоне российского триколора. Надпись «Kurort de Sestroretsk» соседствовала с золотым тиснением «RUSSIE». Миниатюра с флагом имела издательский номер 86 и была отпечатана в типографии Эрнста Сванстрема в Стокгольме (илл. 6).

В период 1898–1904 годов увидело свет большое количество открытых писем, запечатлевших наиболее популярные в то время местности на северном побережье Финского залива – Терийоки и Куоккала, входящие в Выборгскую губернию Великого Княжества Финляндского. Среди них выделялись открытки известного издателя О. Линдстрема из Хельсинки (илл. 7) и акционерного общества «Поссе», занимающегося продажей фотографических и спортивных товаров от Выборга до Терийоки, имеющие приветствие: «Gruss aus». Они знакомили с дачной жизнью, показывая красоты побережья, живописное устье Черной речки (Ваммел-йоки), вокзалы, улицы и постройки здешних мест. На «приветах» обоих изданий увековечена первая православная церковь в Терийоки (1880, арх. Ф. Харламов) на участке Дурдина, сгоревшая в 1907 году (илл. 8). Встречаются, оформленные декоративными элементами модерна, открытки тех лет гамбургского издательства «Кнакстедт-Неттер» и выборгского книготорговца Клоуберга (илл. 9). К сожалению, их сюжеты не столь содержательны.

Чрезвычайно интересны открытые письма, выпущенные в эти годы местными издателями. В Куоккала таковым был Э. Ф. Энгестрем – владелец магазина «Наво» на Николаевской улице, вблизи вокзала желез-

ной дороги. Эдуард Федорович и его жена Руфь сочувствовали делу социал-демократии, всячески помогая революционерам. Именно на даче «Ваза» в 1906–1907 годах нелегально жил В. И. Ульянов (Ленин), проходили партийные совещания. В массе открыток Энгестрема встречаем и знаменитые репинские «Пенаты», в затейливой рамке с цветами.

В 1905–1908 годах выпускались без излишеств оформленные сувениры для Терийоки и Куоккала издательствами О. Линдстрема и магазина «Наво» (илл. 10). Витиеватым орнаментом из виноградной лозы украшал свою полиграфическую продукцию этого периода Й. Рахелл – хозяин магазина бумажной торговли в Терийоках.

Среди почтовых сувениров 1910–1913 годов обращает на себя внимание «Виды ст. Оллила», изданный петербургским фотоателее «Ренессанс» Я. С. Мантейфеля. В Оллила – в собственной даче у Красных ворот и в Терийоки – на Большой улице в доме Дальберга, располагались филиалы ателье. «Виды» представляли собой карточку, изготовленную способом фототипии, с изображением местного вокзала (илл. 11). В ней была своя «изюминка» – спрятанные внутри и соединенные в единый блок гармошкой десять малых форматов с достопримечательностями Оллила, в т. ч. православной церкви Смоленской иконы Божией Матери. Такой способ оформления встречается довольно редко – в качестве еще одного примера может служить открытка магазина «Наво» с восемью видами Куоккала.

Несомненно, наиболее своеобразными и оригинальными по оформлению, следует признать почтовые карточки изготовленные в фотопечатне А. И. Центер (Литейный пр. 64). В 1914–1916 годах вышла из печати серия карточек с трафаретом в виде букв: «Привет из», посвященных дачным местностям и пригородам столицы, включая Разлив, Сестрорецк, Дибуну, Белоостров, Оллила, Куоккала, Келломяки, Терийоки. При существующих вариантах оформления бланков, композиционное построение изображения принципиально было одно – фигура или головка симпатичной модницы и четыре вида местности в обрамлении мягких текучих линий, цветочных гирлянд и стилизованного растительного орнамента (илл. 1). В зависимости от популярности местности, было издано от одной (Дибуну) до четырех (Терийоки) «визитных карточек» для каждой из них. Отметим, что все тематически объединенные виньеткой снимки, предлагались в продаже и на отдельных почтовых карточках. Наиболее раскупаемые из них – переиздавались.

Издательство Центер имело в регионе своих представителей – провинциальных «светописцев», поставлявших, на оговоренных условиях, отснятые материалы в столицу. Именно благодаря их труду у нас есть редкая возможность, взяв в руки открытку или фотографию, заглянуть в прошлое, почувствовать «аромат» ушедшей навсегда эпохи. Таким представителем в Сестрорецке числился вышеупомянутый Халонен. В Кел-

ломайки – фотограф и издатель Август Зевальд (Seewaldt), заснявший почти каждый уголок поселка. Зевальд торговал заграничными табаком и сигарами, парфюмерией и детскими игрушками. В его магазине на Станционной улице 13 (дом Торкеля) можно было приобрести и почтовые фотокарточки, имеющиеся в большом ассортименте.

«Приветы» радовали глаз выбором сюжетов – морское побережье, пляжные и уличные сцены, берега рек Сестры и Черной, Щучье озеро, Дубки. Не оставались без внимания и местные архитектурные достопримечательности: лютеранская кирха в Терийоки (1908, арх. Й. Стенбек), церковь Сошествия Святого Духа в Келломяки (1906, арх. Н. Никонов) (илл. 12), курзал Курорта (1900, арх. З. Леви) (илл. 1), здания яхт-клубов в Терийоки и Тарховке, театр «Общества благоустройства» в Дибунах (илл. 13), пансионаты, вокзалы Финляндской и Приморской железных дорог. Привлекательны две карточки «Привет из Белоострова», имеющие пограничный колорит (илл. 14). На них запечатлены первый деревянный вокзал, железнодорожный и шоссейный мосты, сцены таможенного досмотра и внешний вид дачи издателя журнала «Родина» А.-Х. Каспари, на финском берегу Сестры. К сожалению, оба сувенира «Привет из Сестрорецка» посвящены лишь Курорту, уже прошедшему пик своей популярности.

В 1918 году река Сестра-Райяйоки разделила два независимых государства. В начале 1920-х годов в Терийоках была выпущена почтовая карточка с текстом: «Tervehdys TERIJJOELTA» (фин.) – «Привет с Терийоки», выполненная способом фотопечати и оформленная в стиле присущем издательству Центр (илл. 15). Ее издал небезызвестный А. Зевальд, покинувший на заре финляндской независимости Келломяки, где жизнь почти замерла. В Терийоках ему принадлежал магазин фототоваров и химических реактивов; попутно выпускались и карточки. Сюжетами для «Привета» были выбраны новый вокзал (построенный к 1917 году), железнодорожный мост над главной улицей поселка, пляж и здание общественного клуба.

Былая популярность к Терийокам, как курортному месту, вернулась к началу 1930-х годов. Фотоателье «солнечного берега» издавали множество видовых открыток, но в сувенирном исполнении крайне редко. Поэтому особый интерес вызывает фотографический сувенир «KUVIA RAJAJJOELTA» (фин.) – «Картины Райяйоки» известного фотографа-издателя Антти Пуллинена, работавшего в 1920–1930 годах в Терийоках (илл. 16). В поле карточки разместились виды пограничного железнодорожного моста, вокзала станции Райяйоки, реки Сестры и государственные символы: Финляндии – лев с мечом и СССР – звезда, серп, молот. Она стала последним «финским приветом» с территории, вскоре вошедшей в состав СССР.

Почтовых карточек 1920–1930-х годов, связанных с темой Сестрорецка – крайне мало. «Приветы» среди них автору не известны. Правда в начале 1930-х годов появилась серия фотографий рекламного характера, подробно фиксирующих будни «Трудового Курорта». Они печатались на плотной бумаге и не имели выходных данных. Их изготовили небольшим тиражом по заказу Ленсовета с негативов фотографов – братьев Александра и Виктора, сыновей и продолжателей дела легендарного Карла Карловича Буллы. Условно эти фотографии можно отнести к почтовым карточкам, т. к. при отсутствии разлиновки для адреса и текста, изредка их все же использовали для корреспонденции, наклеивая марки и отправляя по почте без конвертов. Известно фото в виде коллажа (негатив хранится в ЦГАК ФФД), из шести снимков санатория и текста: «Привет из Сестрорецкого Курорта» (илл. 17). Три кадра были сняты с центрального купола курзала. Ракурс одного из них – к границе, до которой рукой подать.

Нельзя не упомянуть и о сувенирах эпохи «развитого социализма». Среди огромного числа почтовых и памятных карточек по ленинской тематике, выпущенных в 1950–1980 годов и посвященных местам подполья В. И. Ульянова (Ленина) на берегах озера Разлив летом 1917 года, можно выделить несколько с соответствующим оформлением. Так на цветной маркированной карточке 1969 года помещены фотографии фрагмента интерьера и общего вида известного сарая в Разливе. Оба сюжета объединяет стилизованная лавровая ветвь, перевязанная лентой со словами: «По ленинским местам...»

Иллюстрированная карточка, как средство почтового общения, постепенно уходит из нашей повседневной жизни, уступая место современным способам коммуникации. Но, сохранив исчезнувшие виды городов и весей, бытовые подробности жизни наших предков, старая открытка по сути своей стала частицей истории. И как любой исторический документ, бланк открытого письма заслуживает того, чтобы его берегли и изучали.

В качестве иллюстраций использованы материалы из коллекции автора статьи

Н. Н. Наумкина

ИСТОРИЯ ДОМА ОТДЫХА «ЧАРОДЕЙКА»

Сразу после окончания Великой Отечественной войны начинается восстановление разрушенного Зеленогорска, тогда еще называвшегося Териоки. В 1945 году по решению ВЦСПС ленинградских партийных и советских организаций в Териоках открываются первые здравницы – дома отдыха и санатории. К весне 1946 года по данным газеты «Советское знамя» (впоследствии переименованной в «Ленинградскую здравницу») на территории Териюк открыто уже около 30 санаториев и домов отдыха.

В числе первых послевоенных здравниц – два дома отдыха, располагавшихся друг от друга через дорогу и впоследствии объединенных в один – дом отдыха «Чародейка». Нижнюю территорию – от Приморского шоссе до Финского залива – занимал дом отдыха научных работников, в котором отдыхали преподаватели и студенты ленинградских вузов. На верхней территории, располагавшейся по другую сторону Приморского шоссе на горе, находился дом отдыха Театра оперы и балета им. Кирова. Обе здравницы размещались в финских деревянных зданиях постройки конца XIX – начала XX вв.

Дом отдыха научных работников

Из официального постановления

Дом отдыха научных работников был образован на основании Постановления Секретариата ВЦСПС от 26 июня 1945 года, протокол № 60 от 1 августа 1945 года. Дом отдыха подчинялся Управлению госпиталями ЦК профсоюзов работников высшей школы и научных учреждений СССР и получил наименование дом отдыха «Териоки». С 1 января 1949 года был переименован в дом отдыха «Зеленогорск №1».

Между Приморским шоссе и Финским заливом, среди высоких деревьев и маленьких ручейков, спешащих к заливу, среди вековых еловых аллей расположился дом отдыха научных работников. В пейзаж прекрасно вписывались затейливые деревянные здания финской постройки. Внешняя привлекательность и богатство интерьеров отличали эти дома: стены были обиты деревянными резными панелями; потолки, покрытые лаком в тон дерева, оформлены плафонами. Каминные с причудливой отделкой, выложенные в больших корпусах, не только превосходно украшали интерьер, но использовались и для отопления помещений.

Первые работники здравницы столкнулись с немалыми трудностями. Последствия военного времени сказывались повсюду: не хватало оборудования, не было электричества, не работал водопровод, были перебои с продуктами. Война оставила свой след и на территории дома отдыха: кругом валялась колючая проволока, мусор, виднелись рытвины от снарядов. Но прошло немного времени, и благодаря стараниям первых сотрудников – подлинных энтузиастов – здравница превратилась в чудесное место отдыха, любимое ленинградцами. Радовали глаз цветники, были обустроены игровые площадки, поставлены скульптуры. Чисто и уютно было в комнатах. Появилось свое подсобное хозяйство, скотный двор и была собрана даже бригада рыбаков, так что на столе у отдыхающих всегда были свежая рыба, зелень, молоко.

Вот так вспоминает это время сотрудница дома отдыха Логвинова Эльза Яновна: «Трудное, но хорошее было время. Работала я тогда официанткой... Много хлопот доставляла нам вода. Принести ее надо было из колонки с ручным насосом. А посуда была некачественная, приборы из простого железа моментально чернели, перед каждой подачей на стол их приходилось чистить. После работы убирали территорию, хотелось поскорее привести все в порядок. Прокладывали дорожки, сажали цветы, кустарники. Всем коллективом заготавливали дрова. Жили весело, дружно. И танцоры, и певцы были среди нас, так что еще и концерты устраивали».

О рыбаках дома отдыха и вовсе ходили легенды. Их рекордный улов – 143 кг. Столько рыбы выловили они 2 июля 1947 года. Вот что писали о рыбаках в газете «Ленинградская здравница» 23 мая 1947 года:

«В 50 км от Териок неподалеку от поселка Перкиярви (*сейчас поселок Киртичное – Н. Н.*) в одном из живописных уголков Карельского перешейка расположено богатое всевозможной рыбой озеро. Ежедневно сюда на рыбную ловлю выходила бригада рыбаков Дома отдыха научных работников под руководством старшего рыбака Фомина. По 50–100 кг свежей рыбы поставляют ловцы-стахановцы к столу отдыхающих. Это значительно пополняет рацион ленинградцев, отдыхающих в здравнице, ежедневно они получают по 300 г рыбы дополнительно к норме».

17 января 1947 года в газете «Советское знамя» под заголовком «... на отдыхе!» появилась следующая заметка:

«На днях в дом отдыха научных работников прибыло 75 отдыхающих. В своем большинстве это профессора, научные работники, преподаватели и студенты вузов. Среди отдыхающих крупные советские ученые: 77-летний академик, старейший геолог Николай Николаевич Яковлев, ученик корифея русской авиации Николая Егоровича Жуковского, профессор Политехнического института, один из крупнейших специалистов в области аэродинамики Лев Герасимович Лойцянский, заведующий кафедрой теории механизмов Электротехнического института Всеволод Дмитриевич Андамский и другие».

Неудивительно, что ученые полюбили здравницу. Ведь здесь были созданы хорошие условия не только для отдыха, но и для научной работы. «В уютной комнате одного из корпусов здравницы научных работников стучит пишущая машинка. Профессор Лев Герасимович Лойцянский, заведующий кафедрой Политехнического института работает над 2-м томом “Теоретической механики”»^{*}.

К концу 1947 года дом отдыха был максимально приведен в порядок и благоустроен. «Отремонтированы и утеплены все дачи, восстановлен водопровод и канализация, разбит плодово-ягодный сад, построена ограда, убран в закрома урожай с полей подсобного хозяйства, закончено строительство скотного двора. Дом отдыха электрифицирован и радиофицирован»^{**}. А к летнему сезону 1948 года центральная аллея дома отдыха была украшена большими портретами советских ученых, красочными плакатами. В парке перед дачами были установлены скульптуры Ленина и Сталина. В изумрудную зелень прекрасно вписывались белые скульптуры физкультурниц и фигурные вазы.

Дом отдыха Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова

А по другую сторону Приморского шоссе на горе располагался дом отдыха Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Первых отдыхающих дом отдыха принял 16 июля 1946 года. Не все гладко было в тот первый год, много было трудностей. Вскоре после открытия здравницы в газете «За советское искусство» – официальном печатном органе Кировского театра – появилась такая заметка: «В этом летнем сезоне наш театр открыл свой дом отдыха в Териоках, где отдохнуло 60 ведущих творческих работников театра. В организации дома отдыха есть недостатки, о которых нельзя умолчать. Это, во-первых, отсутствие электрического освещения в дачах, отсутствие водопровода, хорошо бы

^{*} «Ленинградская здравница», 13 июля 1947 г.

^{**} «Ленинградская здравница», 5 ноября 1947 г.

Клуб Дома отдыха «Чародейка». 1968 г.

иметь лодки для катания по заливу, демонстрировать кинокартины, а также необходимо заменить кровати»^{*}.

Несмотря на неудобства, здравница сразу же стала любимым местом отдыха работников театра. «После театрального сезона в дом отдыха театра оперы и балета им. С. М. Кирова приезжают на отдых основные силы этого театра. Среди отдыхающих заслуженные артисты республики Журваленко П.М., Луканин В.М. и др.»^{**}

Так же как и ученые из дома отдыха научных работников, артисты использовали время, проведенное в здравнице, для подготовки к новому театральному сезону. Летом 1947 года в доме отдыха творческая группа театра работала над созданием балета «Милица». Балет планировали поставить к 30-й годовщине Великой Октябрьской революции. «Детально разработать сценарий, изучить музыку, написанную к балету Борисом Владимировичем Асафьевым, – задача, которую мы должны решить во время отдыха», – писал балетмейстер Василий Иванович Вайнонен. В создании балета принимали участие отдыхающие в это время в здравнице концертмейстер Ростик и дирижер, заслуженный артист республики Дубовской Е. А.

^{*} «За советское искусство», 4 сентября 1946 г.

^{**} «Ленинградская здравница», 11 июля 1947 г.

Прошло несколько месяцев, и плохо оборудованная, мало приспособленная для комфортного проживания здравница превратилась в уютный уголок для отдыха и творческой работы артистов театра. «Из разрушенного каменного здания восстановлен и оборудован пищевой блок с хорошими производственными цехами и двумя прекрасными светлыми залами для столовых. Благодаря восстановлению пищеблока ... освобонилось и добавилось 18 мест для отдыхающих. Помимо этого построен летний павильон, вместимостью на 17 человек и восстановлен 2-й этаж одной из дач для рабочих и служащих дома отдыха. Многие также сделано по парковому хозяйству. Вновь высажено ... 1200 кустов смородины и крыжовника»⁴.

Чудесный вид открывался с Приморского шоссе на дом отдыха! Через парк, ведущий от шоссе к здравнице, «разбита широкая аллея, обсаженная по обеим сторонам цветами, установлены садовые скамейки для отдыхающих. В конце аллеи – бюст С. М. Кирова и вновь восстановлен фонтан»⁵. А на горе, над гущей кудрявых берез и сосен, словно белый парус возвышался центральный корпус дома отдыха, одно из красивейших зданий курорта.

Ежегодно с закрытием театрального сезона поток гостей в дом отдыха увеличивался. В разное время отдыхали в здравнице заслуженный деятель искусств Ширипина Е. В., заслуженный артист Парашин В. М., Дубовской Е. А., солистка балета Люкон Е. М. и многие другие. Отдыхающие знакомились с достопримечательностями Карельского перешейка, гуляли по окрестностям в Келломяках (ныне Комарово) и Куокколе (Репино), загорали на пляже Финского залива.

В марте 1949 года в дом отдыха на каникулы приехали учащиеся Ленинградского хореографического училища им. Вагановой; начиная с летнего сезона 1949 года в здравнице организуется пионерский лагерь для учащихся хореографического училища и детей работников Кировского театра.

Небольшой фоторепортаж об отдыхе детей в пионерском лагере появился в газете «За советское искусство» в июне 1949 года. В комментарии к фоторепортажу читаем: «В Зеленогорске, в Доме отдыха нашего театра в этом году организован пионерский лагерь. Около 90 ребят ... отдыхают здесь. Хорошее питание, внимательный и заботливый уход, прекрасный воздух благоприятно сказываются на здоровье ребят».

Каждый новый сезон организовывалось торжественное открытие пионерского лагеря. Праздник готовили заранее, очень тщательно. «Пионеры... приводили в порядок территорию для линейки: возили дерн, песок, устраивали клумбу, на которой посадили цветы в виде звезды и

⁴ «За советское искусство», 15 июля 1949 г.

⁵ Там же

*Дом отдыха «Верхняя чародейка». 1950-е гг.
Пионерский лагерь Вагановского училища.*

костра. Работы хватало всем – одновременно сами ребята оборудовали и спортивную площадку. За несколько дней до открытия начинались репетиции детской художественной самодеятельности лагеря. Юные певцы, чтецы, танцовщики и музыканты с затаенным волнением принимались за разучивание своих партий...».*

Количество детей, отдыхающих в пионерском лагере, увеличивалось с каждым сезоном. В 1952 году свои летние каникулы провели в здравнице одновременно уже 126 человек. Среди юных отдыхающих пионерского лагеря было немало будущих певцов, музыкантов, танцовщиков, режиссеров: Ефим Падве, впоследствии ставший главным режиссером театра драмы на ул. Рубинштейна, Павел Бубельников – директор Ленинградского Малого оперного театра, Александр Стан – скрипач Ленинградской филармонии, Костя Расадин – заслуженный артист балета и другие.

14 сентября 1951 года в театральной газете появилась благодарная заметка пионера 1-го отряда Володи Атлантова (впоследствии народного артиста СССР). «За истекшее лето я хорошо отдохнул, физически окреп и с новыми силами приступил к учебе. С большим удовольствием я вспоминаю о пионерском лагере. Хорошее и вкусное питание, отличные бытовые условия, интересная экскурсия к шалашу Ленина, военная игра,

* «За советское искусство», 22 июня 1951 г.

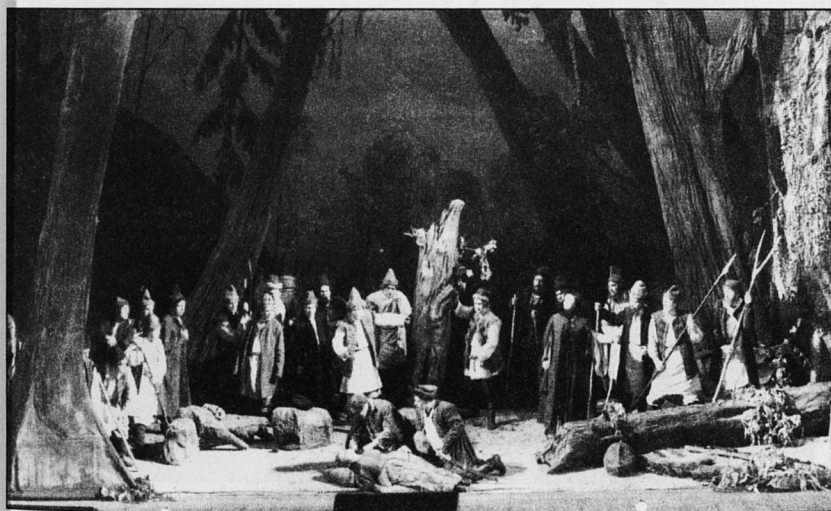
отрядные сборы, просмотр пяти кинофильмов, чтение интересных книг и ежедневные прогулки – все это дало нам хороший здоровый отдых».

С 1952 года по решению местного комитета и администрации театра им. С. М. Кирова театральный дом отдыха стал называться домом отдыха «Чародейка» в честь одноименной оперы П. И. Чайковского. Прекрасный уголок Карельского перешейка, в котором располагалась здравница, как нельзя лучше соответствовал этому названию.

Из истории оперы «Чародейка» на сцене Кировского театра

Опера «Чародейка» была возобновлена на сцене театра оперы и балета им. С. М. Кирова к 100-летию со дня рождения Петра Ильича Чайковского в 1940 году. Свидетельством высоких творческих достижений театра в последних двух спектаклях явилось присуждение Сталинских премий музыкальному руководителю и дирижеру спектакля, народному артисту СССР Пазовскому А. М. и ряду исполнителей: заслуженным артистам РСФСР Кашеваровой О. А., Нелеппу Г. М. и Фрейдкову Б. М.

Во время Великой Отечественной войны опера с успехом шла в Перми, куда был эвакуирован Кировский театр. Не меньший успех ожидал оперу и в послевоенном Ленинграде.

Опера «Чародейка». Сцена 4-го акта. 1968 г.

Из официального постановления

Во исполнение Постановления № 316 Совета Министров РСФСР от 7 апреля 1956 года ...дом отдыха «Зеленогорск №1» ...на 1 октября 1956 года объединен с домом отдыха «Чародейка»... и с 1 октября 1956 года именуется домом отдыха «Чародейка» Ленинградского территориального Управления курортов, санаториев и домов отдыха Министерства здравоохранения РСФСР.

В сборнике «Здравницы профсоюзов СССР» мы находим следующее описание дома отдыха «Чародейка»:

«Дом отдыха «Чародейка» находится в городе Зеленогорске в 3 км от станции Зеленогорск Октябрьской железной дороги. Расположен в большом лесном массиве на берегу Финского залива. Функционирует в течение всего года, на 300 мест. Отдыхающие размещаются в нескольких спальных корпусах, из которых два каменных здания на 120 мест каждый с двухместными комнатами. К услугам отдыхающих есть комнаты отдыха, библиотека, летняя танцплощадка, спортивные площадки, пляж».

Два каменных корпуса на нижней территории дома отдыха были построены шефами. Шефствовал над домом отдыха в то время Кировский завод.

Состав отдыхающих во вновь образованном доме отдыха «Чародейка» изменился. Сюда стали приезжать люди самых разных специальностей, не только из Ленинграда, но и со всех уголков Советского Союза: из Магадана и Астрахани, Мурманска и Москвы, Таллинна и Вологды.

*Июнь 1949 г. Зеленогорск.
Дом отдыха театра оперы и балета им. Кирова «Чародейка»*

Летом количество отдыхающих увеличивалось на 100 человек. На пляже за корпусом, в котором размещались клуб и библиотека, выросла палаточный лагерь. Более 10 палаток раскидывали свои шатры. В палатках жили по 8-10 человек, в основном это были студенты, рабочая молодежь.

А зимой, в январе в здравнице проводили свои каникулы учащиеся ленинградских школ. Дом отдыха был полностью на это время отдан детям. Здесь они встречали Новый Год; устраивали зимние соревнования на лыжах, коньках и финских санках; украшали территорию дома отдыха снежными скульптурами.

Отдыхали в доме отдыха «Чародейка», набираясь сил перед новыми стартами, известные спортсмены и тренеры. Так, в 1973 году, готовясь к матчу за шахматную корону с американским гроссмейстером Фишером, в здравнице отдыхал и тренировался Анатолий Карпов (бывший тогда чемпионом мира по шахматам) вместе со своим тренером С. Фурманом.

В июле 1979 года коллектив спортсменов-легкоатлетов сборной команды Ленинграда готовился в доме отдыха к VII спартакиаде народов СССР. Среди них – заслуженный тренер СССР Николай Малышев, двукратная олимпийская чемпионка, рекордсменка мира Татьяна Канкина, чемпионка Европы, рекордсменка мира Татьяна Провидихина.

Покидая дом отдыха, спортсмены в книге отзывов сердечно благодарили обслуживающий персонал за заботу и внимание, и выражали надежду на то, что им еще «представится возможность готовиться к соревнованиям и отдыхать в гостеприимной «Чародейке». Так оно и получилось. Спортсмены вновь посетили дом отдыха в ноябре этого же года.

Вообще, дом отдыха славился своим уютом и отзывчивым персоналом. Отдыхающие оставляли благодарные послания в книге отзывов и пожеланий, некоторые – даже в стихотворной форме.

Что за Валя, свет Александровна!
Все у нее в руках кипит,
И улыбку лучезарную
Отдыхающим дарит.
Двадцать шесть
Ведь не напрасно
Проработала она:
Знает душу человека
И подход найдет всегда.
Голубые ее очи
И прекрасная душа
Излучают и вселяют
Много ласки и тепла.

Такую запись оставили в книге отзывов в 1980 году супруги Чуйковы. Это стихотворение они посвятили Кузнецовой Валентине Александровне, которая тогда работала официанткой. Она начала свою трудовую деятельность 26 лет назад еще в доме отдыха научных сотрудников, где на первых порах работала истопником.

Заключение

Мы заглянули в недалекое прошлое, познакомились с историей послевоенной жизни небольшого уголка Курортного района. Но это лишь часть истории...

Я пыталась ранее найти информацию о том, кто жил в финских домах, принадлежавших дому отдыха, кто их строил. В публичной библиотеке мне сказали: «Териокский архив увезен в Финляндию». Информации не было. Но в один прекрасный летний день в 1980 году я познакомилась с немолодой женщиной, с большим интересом рассматривающей корпус, в котором располагались библиотека и клуб. Мария Хозяинова – так звали женщину – рассказала мне историю дома.

«Мы жили в Хельсинки: родители и я с сестрой. В этом доме у нас была дача. Только прозвенит последний звонок, и на следующий день мы приезжали в Териоки. Как мы любили этот дом! Сколько света было в нем! Трапециевидное окно, а напротив – большая веранда. Кругом обилие цветов, сирени, диковинных декоративных кустов. Осенью мы грустью покидали дачу, уезжали в Хельсинки учиться. А за домом присматривал сторож, который жил в небольшом домике по соседству». В советское время Мария Хозяинова организовывала поездки для бывших жителей Териок. Посещая свои дома, они удивлялись: «В этом доме жила одна наша семья, а сейчас – много».

Так я узнала о начале курортной истории чудесного уголка Карельского перешейка, в котором десятки лет отдыхали люди разных эпох, разных поколений. Мне же довелось стать свидетелем и печального конца этой истории. Вихрем налетела новая жизнь. Стремительно все изменилось. Разрушены финские здания, заброшен пляж, поставлены высокие заборы. Неизменна лишь природная красота здешних мест. По-прежнему шумят вековые ели, склоняясь над аллеями бывшего дома отдыха «Чародейка».

О. Г. Растворова

ОЧАРОВАНИЕ СЕВЕРНОГО МОДЕРНА И ПОЭТЫ-«ДАЧНИКИ» 1900-х

В отличие от собственно петербургского, «каменного» модерна, модерн Северной Ривьеры – деревянный. Он более легкий, ажурный, его дома вписаны в живописный ландшафт, они соразмерны человеку, уютны, предназначены для отдыха. Но и здесь, как в Петербурге, контуры домов и элементы декора прихотливы, они то плавно-текучие, то изломанные, «нервные». Как пишут специалисты, «живая, своевольная линия господствует в орнаменте модерна... Перетекающая хищными, опасно-вкрадчивыми извилами змеиного тела, она вдруг разражается стремительным, коротким броском. Самовластная и неожиданная, эта линия пульсирует, напрягаясь и расслабляясь, перебивает свой плавный бег крутыми, нервными зигзагами или даже внезапными изломами, набухает утолщениями и опять вытягивается в тонкую нить».^{*} «В решетках балконов и лестниц кованое железо вибрировало и струилось, упругие валы пробегали по стержням, как бы лишившимся жесткости металла»... «даже переплеты окон ветвились, заполняя плоскость узорным плетением древесных стволов»^{**}.

И в архитектуре, и в прикладном искусстве модерн щедро использовал стилизованные растительные мотивы: композиции и орнаменты из листьев, стеблей, цветов – маков, ирисов и лилий, кувшинок («водяных лилий»), чертополоха, плюща. Постройки с таким декором позволяют датировать и картировать эпоху строительного бума модерна: около половины их приходится, по данным Т. К. Горышиной, на 1900–1910 гг.

^{*} Геральдика России XVIII – начала XX века». СПб. 2003. Цит. по: *Горышина Т. К. Архитектурная флора Петербурга*. СПб. 2006.

^{**} Там же.

и по 20 % – на соседние десятилетия (1890–1900 и 1910–1920). Центр Петербурга тогда уже был плотно застроен, поэтому шло продвижение модерна в центробежном направлении. Так, «заповедником модерна» на рубеже XIX и XX веков стала Петроградская сторона, которая до этого долго оставалась провинциальной окраиной с садами и огородами. Позже поэт Вадим Шефнер в стихотворении «Петербургский модерн» (1977) напишет:

Шагаю ли, солнцем обласкан,
Бреду ли сквозь дождь морозящий,
В дома стороны Петроградской
Я всматриваюсь все чаще –
В бесхитростную эклектичность,
В нарушенную монотонность,
В уютную асимметричность,
В тревожную незавершенность...
Я, словно в прозрении некоем,
Шагаю, дивлюсь, наблюдаю –
И в детство двадцатого века,
Как в море, впадаю, впадаю...

В начале 1900-х заповедниками модерна стали и приморские пригороды Петербурга, в частности наша Северная Ривьера – окрестности Сестрорецка и Русская Финляндия. Очарование архитектурного модерна усиливалось здесь прелестью дачного отдыха, жизни у моря.

Атмосфера этой дачной жизни, «веселой легкости бездумного житья», восхищение красотой Карельского побережья нашли отражение в стихах поэтов Серебряного века – завсегдатаев Северной Ривьеры: А. Блока, М. Кузмина, В. Пяста, О. Мандельштама, Б. Лившица и других. Милыми и выразительными деталями заполнены эти стихи, в них царит «дух мелочей прелестных и воздушных». Тут и пляжные кабинки – «раковины афродит», и «плеск тел, чей жар прохладе влаги рад», и «ландышевый англосакс», играющий в теннис, и «на дюнах казино», и хорошо видимый из Куоккалы «веер Сестрорецка в светло-бронзовом дыму». К сожалению, объем публикации позволяет привести лишь немногие из этих стихотворений (с купюрами). Приведены также стихи поэтов Серебряного века о городе эпохи модерна. Город выступает здесь и как среда для поэтического творчества, и как стимул этого творчества, а «каменное» и «словесное» неразрывно связаны.

Бенедикт Лившиц (1914)

КУОККАЛА

Розы в шелковом бульоне:
В шелк лазоревый раскрыт
Строй кабин на желтом лоне –
Раковины афродит <...>.

Кляксу, ставшую кометой, –
Пёсья пляска! Теннис клякс! –
Ловит канотье-ракетой
Ландышевый англосакс.

Кипень пены, стручья лодок,
Змеи солнечных рапир –
И наводит в воду кодак
Оплывающий сатир.

Только ты с улыбкой детской,
Став на знойную корму,
Ищешь веер Сестрорецка
В светло-бронзовом дыму.

Осип Мандельштам (1912)

КАЗИНО

<...> Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно.
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой.
И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, –
Люблю следить за чайкою крылатой!

Михаил Кузмин (1906)

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат!
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад. <...>
Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездумного житья!
Ах, верен я, далек чудес, послушных
Твоим цветам, веселая земля.

Осип Мандельштам (1912)

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред –
Башни стрельчатой рост.

Кружевом камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будет и мой черед –
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдет
Мысли живой стрела? <...>

О. Растворова.

Виктору Михайловичу ФЕДОРОВУ,
краеведу, автору коллекции фотопортретов
домов Северного модерна

ДОМА – РОВЕСНИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Свет белой ночи, зыбкий и неверный –
Живой привет Серебряного века.
Изысканные здания модерна,
А рядом – улица, фонарь, аптека.

Вот башенка, вот свод криволинейный,
Асимметричные проемы окон.
Как гибкий хлыст, танцует лист лилейный
В перилах лесенки, избегающей на цоколь.

Причудливы, загадочны, как прежде,
Молчат дома. С достоинством ветшают.
Они еще стоят на побережье,
Но мало что собою украшают.

Всё меньше их и меньше с каждым летом.
Утраты провожаем горьким вздохом.
Спасибо, что хотя бы есть ПОРТРЕТЫ!
Они хранят ушедшую эпоху

Причуд, капризов, тонких стилизаций.
... Ах, мне бы в той эпохе оказаться,
На берегу, где волны и песок,
Где с Кузминым и Пястом бродит Блок!

Сестрорецк. Сентябрь 2006.

Елена Степанова
Член кружка «Краеведение»,
ГОУ ДО детей, клуб «Молодость»,
Ученица 9-б класса, 584 школы

Руководитель:
Любовь Федоровна Бронзова,
педагог дополнительного
образования, руководитель кружка
«Краеведение»

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

*«Гордиться славою своих предков не только мож-
но, но и нужно, не уважать оной есть постыдное
малодушие»*

А. С. Пушкин

«Изучая предков, узнаем себя»

В. О. Ключевский

Изучать историю своей страны необходимо, но нельзя отделять ее от истории своей семьи, своих корней. Человек, незнающий истории своих предков, духовно беден. Без прошлого нет настоящего, нет будущего.

Многим моим сверстникам абсолютно неинтересна эта тема, а жаль. Своей работой я хочу, по мере сил, исправить бытующее мнение о нынешней молодежи.

Меня давно интересовала эта тема, но по-настоящему я стала ею заниматься в клубе «Молодость», в кружке краеведения у Любови Федоровны Бронзовой.

В своей работе я собрала воспоминания близких мне людей: своего дедушки Перфильева Геннадия Александровича о своей семье и учебе в Суворовском училище и бабушки Степановой Анны Ивановны, детство которой пришлось на трудные военные годы. На их долю выпало много испытаний и лишений, но они их выдержали с честью и достоинством и являются для меня примером в жизни.

История семьи

Мой дедушка Перфильев Геннадий Александрович, делится своими воспоминаниями о своих предках:

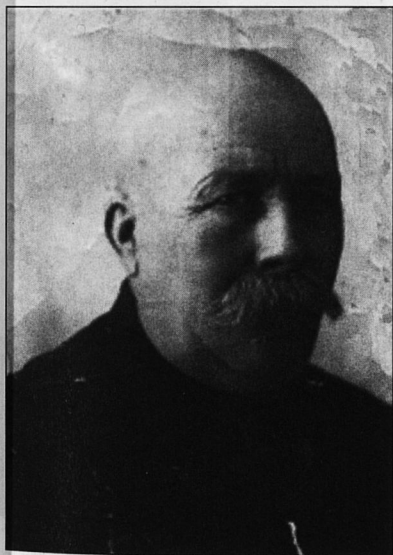
«Прежде всего, хочется вспомнить родителей и ближайших родственников. Мой дед, Перфильев Абрам Семенович, родился в пригороде Архангельска, поселке Уйма. Его все время, также как и его сверстников, манило море. Он учился в морском училище и получил специальность – судовой механик, с нею он прожил всю жизнь – стаж его трудовой деятельности 50 лет. За свою работу он получил немало грамот, в том числе за подписью М. И. Калинина. Все это вызывало у нас огромное к нему уважение.

В те времена, семьи были большие. Так в семье деда были сыновья Герман, Александр, Евгений и дочери Сусанна и Ульяна. В начале века дед купил дом в г. Соломбала, ул. Беломорская, д. 22. Это стало нашим

родовым гнездом. Добрая и хлебосольная бабушка Анна Петровна вспоминается ватрушками, пирогами с рыбой и другими вкусными блюдами.

Мне не часто приходилось бывать в Архангельске, но всегда я встречал там любовь и ласку. Это были времена, которые я до сих пор вспоминаю нежно и трогательно.

Мой отец Перфильев Александр Абрамович родился в 1915 году. Окончив школу, поступил в морское училище. После училища служил на кораблях Гидрографической службы Северного Флота. Был 2-м механиком на ледоколе «Мурман» и на других судах, принимал участие в спасении экспедиции «Северный

Абрам Семенович Перфильев

*Анна Николаевна
и Александр Абрамович Перфильевы*

ровского Военного училища. На встречу со всей России приехало более 200 выпускников. Там были крупные военачальники, ученые, медики и инженеры, педагоги, рабочие и представители других профессий. Там, вглядываясь в лица друзей, я невольно вспоминал события полувековой давности.

1955 г. Для нас двенадцатилетних мальчишек оказался поворотным в судьбе. Следует помнить, что это происходило буквально через 10 лет после Великой Отечественной войны. В памяти пацанов были живы образы А. Матросова, Л. Чайкиной, молодогвардейцев, Ал. Маресьева и других легендарных героев войны. Героизм прошлого был чрезвычайно созвучен обстановке, которая царила в училище. Нашим первым и поистине любимым наставником был начальник училища

полус-1», которую возглавлял знаменитый полярник Папанин. К сожалению, во время этого плавания он жестоко простудился и умер в 28-летнем возрасте, вскоре после моего рождения.

Моя мама, Перфильева Анна Николаевна, оставшись вдовой, всю свою жизнь посвятила мне. Работала на двух-трех работах. Последние 10 лет жизни трудилась в Академии связи – была комендантом общежития».

Воспоминания суворовца первого выпуска

1 сентября 2005 г. Во дворце графа Воронцова состоялся грандиозный праздник, посвященный 50-летию Ленинградского Суво-

*А. Н. Перфильева, А. С. Перфильев,
Гена Перфильев. 1957 г.*

генерал-майор Лазарев Константин Аркадьевич (в прежние времена окончивший Кадетский корпус). Самые светлые воспоминания остались о наших офицерах-воспитателях: подполковнике Чекменеве, майоре Яковлеве, майоре Тулине и многих других офицерах, преподавателях и обслуживающем персонале.

Что касается меня, то я 4 класса прочился в 155-й школе, что на Греческом проспекте и один год в 156-й школе на 9-й Советской.

Поступление в Суворовское училище для меня было очень важным, как и для многих ребят. Все мы были либо полными сиротами, либо безотцовщиной.

После вступительных экзаменов (результаты, которых по правде не помню) мы стали полноправными суворовцами.

Суровые требования, нам предъявляли с первых дней учебы: послушание, соблюдение жесткой дисциплины и умение быть среди своих товарищей уважаемым, правдивым и честным человеком.

Когда начался учебный год, нам было ясно сказано, что имеющие плохие и удовлетворительные оценки лишаются права на увольнение (в субботу и воскресенье). Это чрезвычайно повысило ответственность за учебу, дисциплину и т. д.

Вспоминается случай, когда после команды «отбой» мы с моим товарищем лежали в кроватях и эмоционально вспоминали прошедший день. Услышав приглушенные разговоры, наш офицер-воспитатель поднял нас и объявил нам наряд вне очереди. Для меня это вылилось в натирку полов, а для моего друга мытье туалета. Истины ради скажу: За всю будущую, более чем тридцатилетнюю службу не получал подобных взысканий.

То образование, которое нам давало суворовское училище включало в себя не только общешкольную программу. Значительное место там занимали военные предметы и воспитание прикладных навыков. Уже с первых лет учебы перед нами была поставлена задача: к концу обучения в училище получить звание военного переводчика. Прекрасный пример этому были 8 уроков английского языка в неделю. Один день в неделю – общение на английском языке (от команды «подъем» до команды «отбой»). Наши воспитатели мучились, но при помощи военного англо-русского словаря справлялись с этим успешно.

*Суворовец Г.А. Перфильев
1961 г.*

Порой мы потешались, когда на подъеме приходил сверхсрочник – старшина роты Семен Темерома. И на украинском акценте объявлял: «кампони дет ап!».

Кроме английских дней в те времена широко применялись тренировки по защите от атомного оружия. Нас экипировали в противогазы и в течение 2-4 часов заставляли сидеть в подвалах дворца.

Все это казалось игрой, которая никогда не превратится в реальность.

Зимний период учебы тянулся долго и нудно. Наши преподаватели: математик Кошкарев, химик Гольцев, наши любимицы-преподаватели иностранного языка Вольф, Перфильева, Комисарова, Ли старались нам привить любовь к классике английской литературы. В 7 или 8 классе мне даже на смотре художественной самодеятельности пришлось играть роль Гамлета, с которой я вряд ли справился.

Если вы позволите, я вам расскажу о быте суворовцев 60-ых годов. На 5-м этаже основного здания дворца благополучно размещалась наша рота. Это был прекрасный этаж с выходом на все стороны света, теплый, светлый и по-своему уютный. Помещения в длину составляло примерно 60 метров. Несколько рядов кроватей позволяли разместиться почти 100 человекам. Поддержание порядка в помещениях роты целиком и полностью ложилось на плечи суворовцев. Для этого, как и в любом армейском подразделении выделялся наряд из четырех человек. Выполнение этих обязанностей осуществлялось строго по очереди, за исключением тех случаев, когда нашкодивший суворовец исполнял эти обязанности вне очереди. Правда, офицеры-воспитатели к этому наказанию прибегали крайне редко, чтобы суворовцы не пропускали занятий. Основной обязанностью наряда было в течение суток поддерживать образцовый порядок и чистоту. Полы во всех жилых и не жилых помещениях были паркетными, и их нужно было натирать до блеска. В ход шли большие суконные тряпки, полотерные щетки, а главное мускульная энергия. Примерно 180 кв. м. в день наряду приходилось натирать 8 – 10 раз. За каждой ротой закреплялись места общего пользования, так в одно время нам была предназначена уборка и натирка полов в колонном зале, где некогда, в царское время, проводились грандиозные балы. Кстати, балы проводились и при нас. К старшекласникам (9–11 классы) приглашались девочки из Вагановского хореографического училища.

Это было поистине великолепное зрелище. В Колонном зале звучал духовой оркестр, юноши и девушки, строго одетые для бала – суворовцы в парадных мундирах, девушки в белоснежных передниках. Танцевали мазурку, па-де-грас, польку, полонез. Я уточню, что уроки бального танца у нас были еженедельно.

У суворовцев с первого дня учебы воспитывалось уважение и любовь к своей форме. В день бала, а иногда и на кануне каждый суворовец гладил брюки, мундир, подшивали подворотничок, начищенная до блеска обувь, тщательно умытое лицо, чистые зубы, короткие ногти и аккуратная прическа совершали ритуал подготовки к балу.

На бал, как правило, приходил начальник училища со своей семьей, офицеры – воспитатели. Не могу без восторга и умиления вспоминать о том благоговейным чувстве: о девушках, которые приходили на бал. Юношеская робость и восторженное отношение к ним не позволяли проявления развязности, нетактичности. Но это были праздники, а будни складывались из подъема в 7 часов утра, физической зарядки, временами с

уборки листвы и снега с территории закрепленной за ротой. Затем следовал завтрак и шестичасовые занятия. Кроме общеобразовательных предметов мы изучали устройства различных видов оружия, средства защиты оружия массового поражения, азы тактики. Военные предметы вызывали особый интерес. Нам очень хотелось походить, на настоящих воинов. За секунды мы учились: разбирать и собирать автоматы, ручной пулемет, грамотно использовать противогаз и другие средства защиты от атомного оружия. Дни шли один за другим, прибавляя по крупинке ума и военных навыков. Отношение к оценкам было очень строгим, имеющие «3» за неделю лишались увольнения в город, поэтому абсолютное большинство старалось учиться на «4» и «5». Это открывало возможность в субботу и в воскресенье, при оформлении соответствующих бумаг, свободно выйти в город. Мне повезло, я был ленинградцем и поэтому по согласованию с мамой, я приглашал одного или двух друзей погостить у меня дома. Среди обязательных ритуалов было исполнение строевых песен. В каждой роте был свой репертуар, за которым следил начальник училища.

По распорядку дня, вечером перед отбоем, совершалась вечерняя прогулка. Роты выходили в сквер перед дворцом и проходя мимо фасада

*Г. Перфильев с дядей Е. А. Перфильевым
1958 г.*

дворца и чугунной решетки, выходящей на Садовую улицу, пели строевые песни. Исполнялись они на весьма хорошем уровне, потому, что за каждой ротой был закреплен музыкант из числа духового оркестра училища. Песни пелись на несколько голосов, это был поистине концерт юных орлят. Ежемесячно в масштабе училища проводился смотр строевой песни, на котором определялась лучшая рота.

Естественно, что строевая песня исполняется при хорошем слаженном строевом шаге. Строевая подготовка была одним из важных предметов воспитания единства, однообразия и слаженности коллектива. В течении года многие часы занятий посвящались строевой подготовке. Кульминацией были военные парады на Дворцовой площади, в которых я принимал участие 10 раз. Ощущение от парадов было празднично-восторженное. Пройти торжественным маршем мимо руководителей Ленинграда и многочисленных гостей, стоящих на трибуне, было очень радостно и ответственно. К слову говоря, до 8 класса я был очень маленького роста и не очень упитанным. Внезапно в 9 классе я стал быстро расти, и превратился в длинноногого длиннорукого и длинношеюго подростка, но это были чисто физиологические изменения мальчишеского организма.

Кстати, эти изменения во многом помешали моим спортивным успехам. Если раньше я мог отлично бегать и заниматься на спортивных снарядах, то теперь гимнастика для меня стала весьма и весьма затруднительной.

У нас в училище, в бывшем манеже пажеского корпуса был прекрасный манеж, который переоборудовали в один из лучших спортивных залов города. Там помещались баскетбольная и волейбольная площадки, борцовский ковер, ринг и многочисленные спортивные снаряды. Для того, чтобы не чувствовать своего физического неудовлетворения (ведь спортивная подготовка определяла авторитет в коллективе), мне приходилось изыскивать любую возможность для занятий спортивной гимнастикой, акробатикой и другими видами. На наше счастье, вскоре в спортзале, был построен и открыт бассейн. Я сразу же записался в кружок плавания и, обладая длинными ногами и руками, преуспел в плавании. Через некоторое время у нас была создана команда по водному поло. Наша юношеская команда авторитетно выступала в своей возрастной группе на первенство Ленинграда.

Прошло некоторое время, и я увлекся пулевой стрельбой. Мне понравилось это полное психологическое и нервное напряжение, которое испытывает стрелок на огневом рубеже. В этом виде спорта меня ждал не только спортивный интерес, но и большое удовлетворение. Вскоре я стал кандидатом в мастера спорта по стрельбе и вышел в сборную юниоров Ленинградского военного округа. Это мне дало возможность принять участие в Спартакиаде суворовский военных училищ в Воронеже.

в соревнованиях в Минске, а потом в составе команды ленинградского военного округа мы побывали на первенстве вооруженных сил в Выборге, Львове, Тбилиси и в других городах. Правда, эти поездки отвлекали от учебы и по возвращении, мне приходилось очень и очень трудиться над восполнением пропущенных занятий. Став кандидатом в мастера спорта, я приобрел авторитет среди своих одноклассников.

Немного возвращаясь назад, я вспоминаю летние лагеря. Они обустроивались на другом берегу Дудергофского озера (ст. ж/д «Дудергоф»).

В царские времена там проходили маневры пехотных и конногвардейских полков. Именно с тех времен и родилась песня:

Взвейтесь соколы орлами
Полно горе горевать
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Об этих лагерях хорошо написано в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Лагерная жизнь была чудесным, трудным, а порой изнурительным временем. Мы приезжали туда в начале июня. Для нас были приготовлены брезентовые палатки на 10 человек. Была создана вся, как сейчас говорят, инфраструктура.

В лагерь выезжало все училище от официанток до врачей.

Лагерь был строго определен соответствующими воинскими правилами. Так, например, впереди первого ряда палаток проходила десятиметровая передняя полоса, за ней стояли по-ротно палатки. На передней полосе стояли полосатые (черные с белым) «грибки», под которыми стояли дневальные по роте. На второй полосе лагеря располагались умывальники и ружейные комнаты. На третьей полосе – хозяйственные пристройки. Столовая и медпункт находились сбоку от лагеря. В обязанности дневального по роте входила ежедневная уборка передней линейки и ее поливка из лейки, а воду нужно было носить за 100 м. Особенностью лагерного периода было то, что основными дисциплинами были военные науки. Несмотря, на детский возраст нас регулярно по тревоге поднимали ночью и выводили в поле для тактических занятий. На этих занятиях мы рыли окопы для стрельбы: лежа, с колена и стоя. Это был очень тяжелый труд для пацанов, но никто всерьез не жаловался на эти трудности, потому что с нами всегда находился офицер-воспитатель Евгений Иванович Яковлев, который нужную минуту мог запросто помочь мальчишке выполнить поставленную задачу. Под утро мы возвращались в лагерь полные гордости за исполненную задачу.

Следующие годы мы выезжали в поселок Хиитола (что на реке Вуоксе), там мы жили в солдатских казармах, питались солдатским пайком и продолжали обучение военному мастерству. Спали мы в солдатских казармах, постелью нам служил соломенный матрац и подушка набитая той же соломой.

Помню приезд генерала Лазарева Константина Аркадьевича. Он проверил результаты нашей стажировки, провел пятикилометровый кросс, с полной солдатской экипировкой и строевой смотр.

Когда мы возвращались с марш-броска, генерал нас встречал и вместе замученных кроссом мальчишек увидел четкий строй и услышал захватскую строевую песню. Старый генерал был настолько растроган, что у него на глазах выступили слезы.

В воспитании суворовцев огромное значение отводилось проводимому дважды в месяц, так называемому, университету культуры. Кроме лекций по эстетике и культуре, перед нами выступали артисты театра Музыкальной Комедии: Зоя Виноградова, Владимир Татосов и его напарник по сцене Матусов. Приходили к нам Эдуард Хиль, артисты БДТ им. Горького. Кроме этого артисты театров вели у нас кружки художественной самодеятельности, чтобы выработать правильную дикцию и поставить голос. Я занимался в кружке «Драматического чтения».

Ранее я рассказывал о большом влиянии английского языка. С Виктором Радионовым мы поставили на английском языке сцену из трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Я во многом идеализирую жизнь в училище, но это и понятно, молодые годы всегда вызывают какую-то ностальгию и стремление более оптимистично воспринимать пережитое. На самом деле трудностей было предостаточно: подъем по тревоге, выходы в полной экипировке в поле, рытье окопов для стрельбы лежа, с колена и стоя, мытье полов и их натирка. Множество лишений мальчишеских забав и радостей.

Поэтому в минуты расслаблений мы пели песни, одна из которых с тоской говорила:

Ненаглядная мама
Чем я так провинился
Что меня ты так рано
В СВУ отдала...

Но по существу это была дань массовому грустному настроению. Учеба в Суворовском училище для меня закончилась в 1961 г.

6-летняя учеба закончилась и мы были готовы к выполнению воинских обязанностей. У каждого из нас в дальнейшем сложилась своя судьба. На прошедшей встрече я узнал, что среди выпускников училища 5 суворовцев посмертно были удостоены звания «Герой Советского

Союза» и «Герой России». В их память перед зданием училища открыт памятник.

Послесловие. Перфильев Геннадий Александрович прослужил в ракетных войсках. Выйдя на пенсию, остался жить в поселке Песочный.

Трудное военное детство...

Вспоминать прошлое и трудно и тяжело. Трудно потому, что это было уже давно, а тяжело, потому что мое детство пришлось на трудное военное время.

Семья наша была большая - три сестры и два брата, впрочем, большие семьи в то время были не редкость. Мой отец Проскуряков Иван Петрович был родом из с. Павловка Оренбургской области. Свадьбу с моей мамой, Поповой Марией Кирсановной, сыграли в середине 20-х годов. Вскоре родилась старшая дочь Маша. Перед войной в деревне было очень мало грамотных людей, а т.к. мой отец был очень способным человеком, но не имевшим образования, то он брался за любую работу, и делал ее хорошо. Он был и бригадиром, и работал в Сельсовете и везде он пользовался заслуженным уважением. Мы жили как все, старшие дети помогали воспитывать младших, а родители работали.

В нашем селе до войны не было ни электричества, ни радио. Страшную весть о начале войны мы узнали только тогда, когда сообщили в сельсовет по телефону из районного центра. Мы не верили, но доказательства

*Семья Проскуряковых: на переднем плане в центре
Проскурякова Аня. Примерно 1940 г.*

И. П. Проскуряков. 1943 г.

не замедлили сказаться. Буквально на следующий день появились первые повестки из военкомата.

В марте 1942 года пришла повестка и моему отцу. Помню, как провожал отца, как дрожали его руки, когда он обнимал меня на прощание, как долго и пристально смотрел он на меня, как будто что-то предчувствовал. Провожать отца до сельсовета меня не пустили (я осталась со своими младшими братьями и сестрами). Но из дома было слышно, как истошно голосили матери и жены, провожавшие своих родных. Было страшно. Даже младшие дети, не понимая, что происходит, плакали вместе со мной.

Писем с фронта было очень мало, всего несколько, но все равно мы каждый раз с надеждой смотрели, на проходившего мимо почтальона, а вдруг... Приходившие треугольники (конвертов на передовых не было и письма складывались определенным способом в виде треугольников) мы часто читали всей семьей и мне казалось, что как будто я говорила с отцом. Каждое полученное письмо считалось праздником, ведь это значило, что человек жив, а это было самое главное. Потом снова наступали томительные дни ожидания вестей с фронта. Последнее письмо мы получили из госпиталя в 1943г., где отец писал, что был ранен, контужен, и поощрен отпуском, но до нас он не доехал.

В декабре 1943 пришло извещение, что мой отец пропал без вести. Мама была на работе, и мне пришлось бежать к ней, чтоб сообщить об этом. Так до сих пор не известно, где и как погиб мой отец. В памяти он так и остался строгим, но добрым; он очень любил нас.

Ну а для нас наступили тяжелые времена. Тогда все починалось одним лозунгу «Все для фронта, все для победы». В деревне почти все мужское население ушло на фронт, остались только женщины и дети. Мы понимали, как трудно там, и как могли помогали взрослым. Теперь старшие дети уже работали, наравне со взрослыми, младшие частенько оставались дома одни. А вскоре получилось и так: чтоб как-то прокормить большую нашу семью, мне пришлось тоже работать. Мне было в то время 12 лет. Окончила только три класса школы. Возможности учиться дальше не было.

Было трудно, голодно, все, что вырастало на полях, отдавали на фронт. Бывало и так, что даже посевных семян не оставалось. Летом и осенью еще вырубала картошка и кое-какие овощи, но уже крапива, ло-

дух частенько были на обеденном столе. Про сладкое мы и не знали. Сладкими были только ягоды.

Работать мне пришлось везде, куда пошлют, и на ферме, и сено возить, и на поле. Лошадей тогда было мало. Приходилось пахать даже на быках.

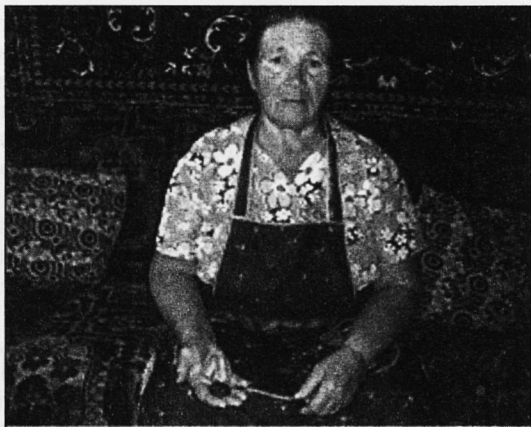
Вспоминается такой случай: нужно было молоко, что надоили доярки, отвезти в соседнее село, которое было за 10

км. Лето, очень жарко. Лошадь везет телегу, нагруженную флягами с молоком. Лошадь попала с норовом и не очень спешила, а то просто останавливалась посреди дороги, а молоко нужно было как можно быстрее доставить на молокозавод, чтобы не скисло. Что я, 12-ти летняя девочка, могла сделать с ней. Я и кричала, и ветками пыталась бить - никак. В конце концов, я устала и задремала, а лошадь потихоньку пошла. Перед селом протекала небольшая речка, и был мост. Лошадь, увидев воду, пошла к ней, соответственно, не разбирая дороги. В результате телега перевернулась и меня придавило бидонами с молоком. Я не могла даже пошевелиться. Но, к моему счастью, мимо проезжала машина, и меня извлекли из-под бидонов.

Помню, как несколько раз нам привозили кино. Вешалась простыня на улице, и мы с замиранием сердца смотрели на этот «экран». Конечно, кино было «немое».

Весть об окончании войны, нам также сообщили из сельсовета и вскоре стали приходиться с фронта мужчины. Мы очень завидовали тем семьям, у кого с войны приходили близкие. Мы завидовали и плакали, зная, что нашего отца мы больше не увидим никогда. Из всех ушедших на фронт, назад вернулась лишь треть...

Вспоминается еще случай. Наша семья жила в деревянном доме. Перед войной мои родители приобрели его на большую семью. После войны не было даже семян картошки, чтобы посадить огород. И тогда один демобилизованный солдат (кстати, какой то близкий родственник), предложил обмен: 15 пудов картошки и 15 фунтов семян конопли (раньше из волокон конопли делали грубый материал, который шел на постельное белье, одежду) на наш деревянный дом, а мы (мама и дети)

Анна Ивановна Степанова. 2004 г.

перешли в другой дом. А дом-то было одно название. Это было строение из стен из глины с соломой, и соломенной крыши. И чтобы не умереть с голоду, наша мама пошла на такой грабительский обмен. Она даже не пожалела дом, чтобы ее дети не умерли с голода.

Жизнь в деревне всегда была нелегким делом. Но долгое время почему-то умалчивалось то, что колхозники после войны, да и позже тоже, были самими обделенными людьми. Они даже паспортов не имели. Просто их не выдавали, а значит, из деревни уехать было не возможно. Люди были жестоко, бесчеловечно привязаны к земле, без права покинуть ее. И просто случайность помогла мне уехать из села в 1952 году. Так я попала в г. Орск, где работала сначала разнорабочей на заводе железобетонных изделий, а потом получила специальность «моторист» и проработала на бетонном узле завода до 1985 года. С этого места я и ушла на пенсию. Имею несколько наград, в том числе «Ветеран труда», но самая дорогая для меня награда, это «Труженик тыла». Ведь даже своим небольшим детским трудом, я помогала в то тяжелое для всех время приближать Победу.

* * *

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе,
Чтоб от волненья сердце дрогнуло!
Ведь все порушить может смерть.

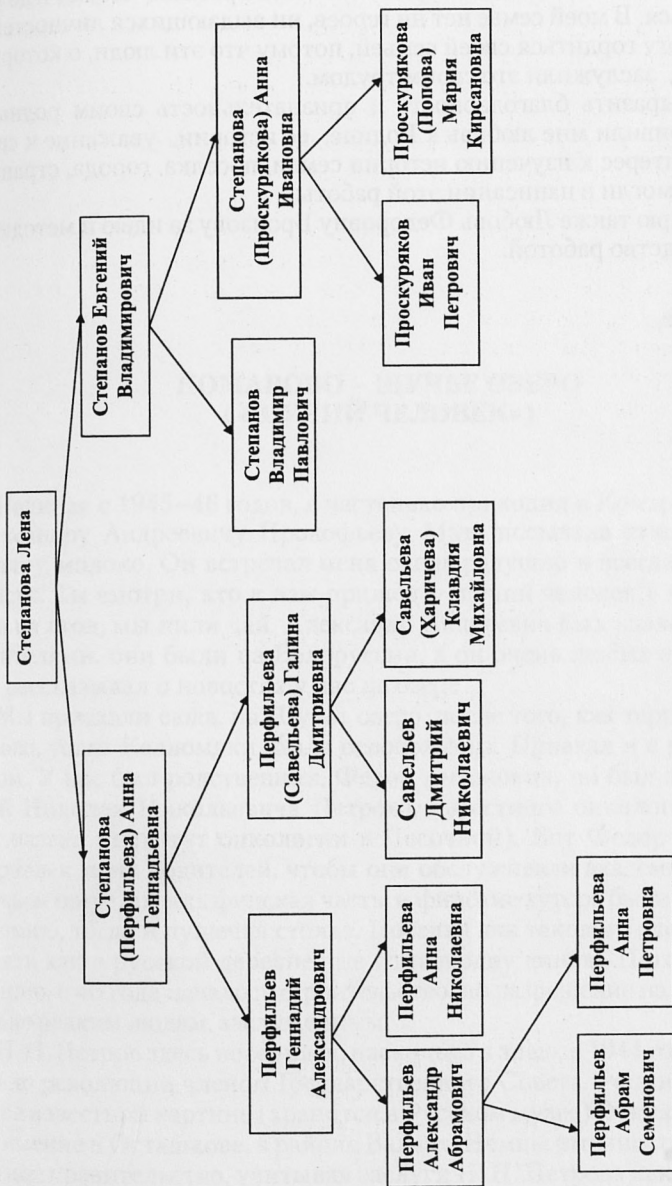
Как важно вовремя успеть .
Похлопотать или поздравить,
Плечо надежное подставить!
И знать, что будет так и впредь.

Но забываем мы подчас
Исполнить чью-то просьбу вовремя,
Не замечая, как обида кровная
Незримо отчуждает нас.

И запоздалая вина
Потом терзает наши души.
Всего-то надо – научиться слушать
Того, чья жизнь обнажена

Андрей Дементьев

РОДОСЛОВНАЯ СТЕПАНОВОЙ ЛЕНЫ

Самое важное у человека – это память. Человек, не помнящий родства, - жалкий человек. Кто помнит и знает свое прошлое - может и должен им гордиться. В моей семье нет ни героев, ни выдающихся личностей, но я хочу и могу гордиться своей семьей, потому что эти люди, о которых я рассказала, заслужили это своим трудом.

Хочу выразить благодарность и признательность своим родным в том, что привили мне любовь к Родине, ее истории, уважение к своим корням, интерес к изучению истории семьи, поселка, города, страны. В том, что помогли в написании этой работы.

Благодарю также Любовь Федоровну Бронзову за идею и методическое руководство работой.

А. Ф. Быков

КОМАРОВО – ЩУЧЬЕ ОЗЕРО («ЩУЧИЙ ЧЕЛОВЕК»)

Начиная с 1945–46 годов, я частенько приходил в Комарово к поэту Александру Андреевичу Прокофьеву. Мать посылала отнести творог, сметану, молоко. Он встречал меня очень радушно и всегда звал жену: «Настя! Ты смотри, кто к нам пришел – щучий человек!» Она накрывала на стол, мы пили чай. Александр Андреевич был знаком с моими родителями, они были из Белоруссии, а он очень любил этот край. Я ему рассказывал о новостях у нас на озере.

Мы приехали сюда, на Щучье озеро, после того, как территория Комарово, тогда Келломяки, была освобождена. Приехал я с родителями летом. У нас был родственник, Федор Антонович, он был знаком с семьей Николая Николаевича Петрова, известного онколога (его именем назван институт онкологии в Песочной). Вот Федор Антонович и привлек моих родителей, чтобы они обслуживали академика. Там, на Щучьем озере, стояла финская часть, и финские хутора были сохранены. Я помню, тогда и пушечка стояла. Поселка как такового здесь не было, то есть как в русской деревне, где дома в одну линию. Потом уже, постепенно, с 46 года началось строительство, но разрешение на него давали только редким людям, заслуженным.

Н. Н. Петров здесь поселился, насколько я знаю, в 1944 году. Его отец был до революции членом Государственного Совета. Репин запечатлел его на известной картине (хранится в Русском музее). У них было родовое имение в Осташкове, в районе Валдая. Немцы имение сожгли. И советское правительство, учитывая заслуги Н. Н. Петрова как основателя

Келломяки. Морская улица

советской онкологии, выделило ему здесь два дома взамен утраченного. Один рядом со станцией, другой – у озера.

Жил Н. Н. здесь только в летнее время. Мой родственник, Егор Тимофеевич, по просьбе Петрова сделал ему на берегу навес вроде беседки. Вставал он около шести часов – очень рано, и шел туда работать. Там писал и даже дату ставил, я видел, год такой-то, Щучье озеро. К нему очень многие сюда приезжали, это была такая своеобразная Мекка, все ведущие медицинские силы навещали. Федор Григорьевич Углов, один из его учеников (здесь, в Комарово, есть его усадьба), я помню, приезжал.

Жена Николая Николаевича, Любовь Владимировна, окончила Смольный институт. Была она гостеприимной и умелой хозяйкой. Сам Н. Н. был уже в преклонном возрасте, родился в 1876 году. Прожили они здесь с 1944 по 1964 год. Когда у них проходили семейные праздники, меня тоже приглашали. Это была старая профессорская семья, атмосфера была спокойная, благопристойная, неторопливая. Накрывали большой овальный стол, Любовь Владимировна рассаживала гостей, сама пекла праздничный пирог и торжественно разрезала. В хозяйстве ей помогали две кухарки (одну звали Мария Ивановна). Готовили на дровяной плите. Вина и фрукты часто привозили из Сухуми, где Н. Н. проводил опыты в обезьяньем питомнике.

Эта интеллигентная семья производила впечатление одной из чудом уцелевших после сталинской мясорубки. Последние из могикан. О таких я читал в романах XIX века, это люди совсем не меркантильных интересов. У Н. Н. было две дочери и сын Всеволод. Старшая дочь, Анна, знала испанский язык, во время войны в Испании заслужила орден. Был еще брат Миша, на год младше Николая Николаевича. Тоже некоторое время здесь жил. После революции работал в железнодорожном ведомстве, преподавал в Институте железнодорожного транспорта. Его, несмотря на его знания, оттуда «попросили», но арестован он не был. После смерти Н. Н. эта усадьба перешла к совсем посторонним людям. Дети оказались непрактичными.

Дорога на Щучье озеро, которая сейчас асфальтирована, была тогда грунтовой. И, надо сказать, хотя прошла война, была ровней теперешней. Чисто, никакого мусора. Единственное плохое – колючая проволока, это было. И противотанковые рвы, окопы (одиночные, небольшие).

Озеро было очень рыбное. Первые 15–20 лет после войны времена были не изобильные, вначале вообще были карточки. Мы распахали участок, сад обиходили: клубника своя, была корова, свои молоко, творог, сметана. У меня была самодельная лодочка. Пока мать топила плиту, я на 20 минут поехал, 2–3 рыбины по полтора килограмма привез. Водилась в основном щука – золотистая, янтарная прямо. Плотва была очень вкусная, как форель (вода в озере очень чистая, несмотря на то, что оно мелководное). Озеро ледникового происхождения, средняя глубина всего 2–2,5 метра, дно илистое. Мы воду брали прямо из озера, пили сырую, и никогда ничего не случалось.

Я помню, как приехала к нам дядина жена, актриса. И я поехал на рыбалку, дело было в июле, щука очень ловилась. Поймал в тот раз 24 рыбины, столько нам и не надо было. И я выложил лоханку лопухами, укрыл рыбу и поехал в поселок. В десять минут у меня все разобрали, такая была дивная щука!

Щедрое озеро! Но за ним нужен уход, как за младенцем. Это же живой организм, надо понимать! В 1951 году я познакомился со старичком, звали его Николай Николаевич Воронов. Он мне рассказывал, что был когда-то, еще при дворе, лекарем, а здесь отдыхал в 1901 году и ездил на Щучье озеро к финну на хуторок за рыбой и парным молоком. Финна звали, кажется, Вайне. Так этот финн озеро лелеял, опекал. Надо было к зиме уровень воды в озере поднимать, чтобы рыбе хватало кислорода, а летом понижать, чтобы деревья на берегу не гибли. На Щучьем ручье плотинка была, и этот финн воду регулировал, знал, какие уровни когда должны быть. Вот это отношение к приро-

де! А сейчас сколько мусора после туристов в воду дожди смывают, как безнадежно деревья гибнут! А ведь чтобы одно дерево выросло, сколько времени должно пройти! Какая красота пропадает, и никому дела нет!

Когда здесь горел лес, мы сами тушили. Мои родители крестьяне, а на Руси крестьянину дорого каждое дерево. Люди были без образования, а понимали, что такое природа. Ведь дерево – великое творение земли, солнца. Как сложно его вырастить, из тысяч семян несколько выживает, заморозки, оттепели нужно пережить, чтобы маленький росток не зачах. Тридцать лет назад 3,5 месяца не было дождей. Озеро почти пересохло. Даже вековые сосны погибли тогда. А человек приходит, бездумно рубит, затесывает, не думает, что каждая рана может кончиться гибелью дерева. Тысячи людей приезжают, а о том, что после себя оставят, не думают. И природа постепенно умирает.

Сколько грибов здесь было, еще в 1950–60-е годы! Мы одних шляпок маринованных белых грибов целый бочонок заготавливали, не говоря о банках, грузди, волнушки...

На фотографии у озера моя мать. Снимок 50-х годов. Сколько цветов! Сейчас чтобы цветок найти, искать специально надо. Тогда машины на берегу не стояли. Когда к нам Герман Титов приезжал, он мне признался, что вначале подумал, что к его прибытию специально деревья посадили, он не мог поверить, что недалеко от большого города может сохраниться такая красота. Природа уходит, уходит... Когда весна наступала, бабочек было столько... казалось, конфетти с неба высыпали. А сейчас встретить бабочку – событие. Люди смотрят, как на мамонта. Маленькие существа очень чувствительны к плохим переменам, вот исчезли бабочки, ушли цветы. Засыхают деревья, ягоды, грибы уходят...

Курортный район – жемчужина города. Как же его не оберегать, не следить, как же можно с такой невозмутимой черствостью относиться к погибающей природе! Мы же сами ее часть.

Раза два видел я здесь, в Комарово, Уланову. Видел, как она на участке, у дома своего отца делала утром разминку. Я тогда не знал, кто это. Лето, тепло, молодая женщина в трико, движения такие красивые. Поинтересовался, спросил, мне сказали: Галина Сергеевна Уланова.

Как-то к нам на озеро приезжала Вера Кетлинская за парным молоком. Сама вела машину.

Фотография 1945 года. Я в форме стою на одноколейке по дороге в Репино.

Тогда паровозики ходили, как при царе-батюшке. Маленькие деревянные вагончики, шатающиеся, скрипучие. Вокзала как

такового не было, деревянный финский дом на фундаменте. Там была касса. Камни от фундамента остались с этой стороны железной дороги.

В Комарово было стадо коров. Примерно 60 голов. Какие коровы были! Идут, как танки. Снабжали всех молоком. Сообща нанимался пастух. При Никите (Хрущеве) держать коров запретили, такое варварское распоряжение вышло. Как плакали женщины-хозяйки, как плакали животные, расставаясь! Это же как с членом семьи расстаться! Корова в хозяйстве – центр семьи. Дети учились ухаживать за ней с малолетства, люди привыкали быть добрее. Отобрали. Настоящий государственный бандитизм. А потом – незанятые ничем подростки, преступность, все удивляются – откуда?

Кладбище было тогда (в 1944 г.) совсем маленькое. Десять, может, чуть больше финских захоронений, два–три русских. Располагались они у самой дороги. Кресты на могилах были чугунные, темные. Надгробий не помню. Мне кажется, ограды не было. Подобные захоронения встречал у финских хуторов в округе.

В 1947 году отменили карточки. В Келломьяках несколько лет работали пленные немцы. Их привлекали, видимо, к постройке дороги. Я видел, как они работали. Приходили к жителям, что-то обменивали.

Шоссе у железной дороги построили в конце 1960-х – начале 70-х гг. Там был небольшой уютный ресторанчик. Центральное зимнее помещение из кирпича на 3–4 столика и летние «крылья», открытые площадки со столиками. Туда часто заходил Василий Павлович Соловьев-Седой. Мне рассказывал одноглазый буфетчик Павел, что тот давал сотню, брал коньячок и конфетку, а сдачи не брал. За что его буфетчик, конечно, очень любил.

И не любил Черкасова, который давал рубль, брал папиросы и спички, а сдачу забирал копейка в копейку. В 1946–1947 годах Черкасов приходил к нам на озеро с егерем и собакой. Егерь воспитывал собаку, был как Санчо Панса у Дон-Кихота, при Черкасове. Он не охотился, просто выгуливал собаку, чтобы не утратила способностей. Н. Черкасов говорил егерю: «Позови мальчика», – имея в виду меня. Они устраивались, разливали «особую московскую». Черкасов был обаятельный. Тихо, мирно отдыхали. Я несколько раз бывал у него в доме.

© Фролов В. В.

ВОСПОМИНАНИЯ «БАБУШЕК-ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТОЧЕК» (1922–1990)

Мы, «бабушки-восьмидесятилеточки», в 2000 году в Сестрорецке организовали маленький клуб при семейной библиотеке «Колокольчик». Периодически собираясь, вспоминали прожитую жизнь (примерно с 1922 по 1990 год). У нас не было цели написать свою биографию, мы хотели показать историю Родины на своих судьбах.

Ушел XX век, это век нашей жизни, в нем прошло наше детство, молодость и наступила старость. Мы навсегда прощаемся с нашим прошлым. Ушедший век был испытанием на прочность. У нас были радость и горе, счастье и несчастье, но всегда мы были уверены в том, что рядом стоят товарищи, готовые оказать тебе помощь в трудный момент. Мы любили жизнь, хотя подчас она была очень нелегкой.

Оставляя на память будущему поколению эти записки, мы завещаем: любите жизнь, любите людей. Строя новую жизнь, возьмите из нашей все хорошее.

Помните, без знания прошлого нет будущего.

1. Наше детство (1922–1930)

В начале нашей жизни произошло много перемен. Сменилась власть: царское правительство было низложено, сформировалось новое правительство под руководством коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Мы – свидетели начала построения социалистического общества, в основе которого лежали «три кита»: объединение, дисциплина, труд, и главным лозунгом должно было стать – «от каждого по способности, каждому по труду».

В 1920-е годы началась новая экономическая политика, так называемый НЭП: совместное существование в экономике частной и государственной собственности, союз труда и капитала.

Но, несмотря на трудности восстановления страны после первой мировой и гражданской войн, не забывали о детях, будущих преемниках строителей нового общества.

Главной была задача объединить детей. В 1922 году создаются первые пионерские отряды. Руководителями были комсомольцы – пионервожатые. Работа пионерской организации строилась так, чтобы воспитывать активность и самостоятельность. В пионеры принимались ребята в возрасте от 9 до 14 лет примерного поведения. («Пионер – всем ребятам пример!») Кандидат в пионеры давал обещание: «Я, юный пионер... перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду выполнять заветы В. И. Ленина – быть примером в поведении и учении». При этом вожатый его приветствовал: «Пионер, за дело Ленина будь готов!», а пионер отвечал: «Всегда готов!» – отдавая при этом салют, поднимая правую руку ребром ладони к середине лба. Носили красные галстуки с тремя концами в знак дружбы трех поколений: коммунистов, комсомольцев, пионеров.

Местом сборов и встреч была пионерская комната, где все время бывали пионеры, читали газеты «Искра» и «Пионерская правда». На сборы приглашались передовые рабочие и другие интересные люди, которые рассказывали о своем труде. Организовывались спортивные игры, посещение выставок и театров. Особенно интересными были костры, которые проводились на природе. Именно об этом осталась песня:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы, пионеры, дети рабочих.
Близится эра светлых годов.
Мы пионеры. Всегда будь готов!

Пионеры глубоко переживали смерть В. И. Ленина в 1924 году. Долго на сборах пели песню:

Мы не рабы, мы дети мира,
Творцы великого труда.
Ильич нас вывел из неволи,
Разбив оковы навсегда..

Тираны мира, трепещите,
Не умер Ленин, Ленин жив.
Вы нас, вы нас не победите
Живет в нас ленинский призыв

Тамара Петровна Галкина

Миллионы детей были пионерами и очень этим гордились. Большую роль в воспитании выполняли учителя, в основном являясь организаторами всех мероприятий.

Активным руководителем пионерского движения в Сестрорецке была Тамара Петровна Галкина. На конференции молодежи в 1994 году она вспоминала о пионерской организации. Пионеры, вместе со своими старшими братьями и сестрами, принимали участие в больших и малых делах, проводившихся в стране. Во время войны воевали в партизанских отрядах, ходили в разведку. Ребята старших классов уходили на фронт защищать Родину.

Много хороших дел было у пионеров: создание тимуровских команд для помощи больным и пре-

старелым, сбор металлолома, макулатуры, шефство в детских садах.

Мы, ветераны пионерской организации, вспоминаем, как, будучи мальчишками и девчонками, ходили в походы, сидели у костра и пекли картошку. А с каким чувством вспоминаем горн, дробь барабана, чёткую команду: «Отряд, равняйся! Смирно!» И сейчас мне хочется встать в строй и под команду пройти по улице.

В Сестрорецке прием в пионеры проходил у памятника «Шалаш В. И. Ленина». Поселок Разлив вошел в революционную историю нашей Родины, поэтому в Сестрорецке было много памятников В. И. Ленину.

На месте самого шалаша В. И. Ленина был организован исторический музей. Сюда раньше стекались тысячи экскурсантов, которые посещали Ленинград. К шалашу В. И. Ленина они приезжали не только на автобусах, но и на катерах через озеро Разлив.

Вспоминает Надежда Павловна Бровцына из Ленинграда. В 1925 году я была одна из первых пионеров в отряде детей рабочих ремонтных железнодорожных мастерских. Пионерские отряды организовывались не только в школах, но по инициативе комсомольцев при заводах и фабриках.

Наш пионерский отряд размещался в небольшом деревянном здании у Балтийского вокзала на Митрофаньевском шоссе. Теперь там станция

метро. Назывался он «Новая заря». Руководил отрядом молодой, энергичный комсомолец Саша. Отряд объединял около 100 детей и состоял из нескольких звеньев, которыми руководили пионервожатые.

Пионеры носили форму: белую блузу и темную юбку (мальчики брюки) и красный галстук. Собирались один раз в неделю. Выстраивались в зале на линейку, звеньевой под салютом отдавал рапорт вожатому, сколько присутствовало детей, затем маршем проходили круг по залу и направлялись в свою комнату, где читали газету «Пионерская правда», журнал «Костер», пели пионерские песни, читали стихи. Встреча длилась часа полтора.

Кроме того, дети находились под медицинским надзором. В обязательном порядке делали необходимые прививки.

Летом отряд направлялся в лагерь «Красные Струги» (под Псковом). Лагерь располагался в двухэтажном деревянном доме на берегу озера. Вся жизнь детей, в основном, проходила на природе.

Утром подъем под фанфары, построение, объявление распорядка дня, распределение нарядов на работу, кому в кухню, кому в огород, кому на уборку территории или дома. В 9 часов утра – завтрак. Давали алюминиевую кружку чая с куском сахара и гречневую кашу (размазню). Обед тоже был не шикарным, но всегда был суп, затем макароны или картошка. Мяса давали очень мало.

Вечером – концерт у костра, пели песни, плясали русские танцы. В августе детей возили на машинах в ближайшие сельхозартели для помощи в уборке яблок.

В день рождения пионерской организации 19 мая в Сестрорецке по улице Володарского (до 1990 года) проходило шествие пионеров, был большой праздник.

Пионерская организация просуществовала 70 лет. Жаль, что теперь её нет.

Ушло наше яркое детство.
Но в жизни остался залог:
Всегда и везде быть нам вместе
и помнить всегда – «Будь готов!».

Надежда Павловна Бровцына

2. Комсомольская юность моя

Наиболее активную жизнь мы начали в тридцатые годы. По-прежнему стояла основная задача: объединение, дисциплина и труд.

В стране развивалась промышленность и сельское хозяйство. Вступил в силу Закон «О планомерном пропорциональном развитии народного хозяйства». В 1929 году был утвержден первый пятилетний план план индустриализации страны. Строились большие заводы.

Из пионеров в 14-летнем возрасте мы вступали в комсомол. Комсомольские организации были при заводах, фабриках, при школах, средних и высших учебных заведениях. Молодежь объединялась в комитеты. Проводились конференции, организующие и определяющие направление и задачи комсомольских организаций.

Вспоминает Бровцына Надежда Павловна.

В комсомол я вступила в 1930 году, будучи школьницей 8-го класса, чувствовала большую ответственность и вместе с тем гордилась, что мне доверили большое дело. Тогда училась в Ленинграде в школе № 72 имени Лермонтова. Почти сразу мне дали поручение: назначили заведующей «клубом-библиотекой», где школьники после занятий могли поиграть в шашки, шахматы, почитать газеты. Потом я вела активную комсомольскую работу в институте.

Вспоминает Мария Федоровна Тарханова.

Комсомол – моя судьба. Я стала комсомолкой в 1928 году в одном селении, недалеко от города Уральска. Билет храню до сих пор. Это было большое событие в моей семье, так как родители мои были большевиками, и мое решение стало своеобразным праздником. Вместе со сверстниками, мальчишками и девчонками, вступила в военный коммунистический отряд. В степях еще долго орудовали банды басмачей.

В отряде была строгая армейская дисциплина, круглосуточное дежурство у склада с боеприпасами, практиковались обходы района. Девчонки со слезами на глазах просили взять их на операцию по ликвидации банд, но в этом нам отказывали, хотя наша выдержка и хладнокровие были испытаны не один раз. Мне пришлось однажды во время дежурства у склада боеприпасов иметь дело с возмущенной толпой стариков, недовольных закрытием церквей и мечетей. Я осталась перед ними одна – все работники райкома были в разъездах (в то время в кабинетах не засиживались, жизнь заставляла быть на передовой линии). Я могла обороняться от взбунтовавшейся толпы только винтовкой. Но все обошлось, подросшие активисты объяснили старикам, что Советская власть разрешает свободу вероисповедания.

Комсомольцы создали в поселке кружки, ставили спектакли, проводили вечера. Молодежь шла к нам, потому что мы отличались не толь-

ко своими взглядами, но и внешним видом и поведением. Комсомольцы строили заводы, города.

20 января 1940 года я была назначена инструктором ЦК ВЛКСМ Туркменистана.

В период Отечественной войны особенно проявились лучшие черты молодежи: патриотизм, готовность отдать себя без остатка своему народу, своей Родине.

Мария Федоровна за свою организационную деятельность получила много благодарностей. В 1962 году ей присвоено звание «Ударник коммунистического труда». На протяжении многих лет она получала во все революционные праздники поздравления с наилучшими пожеланиями от воинских частей, от Ленинградского обкома ВЛКСМ, от законодательного собрания, от треста Спецстрой, где она работала в 1964 году,

Рассказывает Тамара Петровна Галкина.

В 1937 году, после окончания семилетки, я пошла работать на завод им. Воскова, одновременно заканчивала вечернюю школу. На заводе меня приняли в комсомол и дали комсомольское поручение – стать вожатой пионерского отряда в небольшой школе. Через год направили в пионерский отряд школы №6/433/.

В 1938 году горком комсомола послал меня на лето в пионерский лагерь, а в сентябре я была освобожденной пионервожатой школы №8/435/. Это была школа-новостройка. Сформировалась она из учеников нескольких школ. Первый год был трудным, но сразу же в пионерской комнате появились отличные мальчишки и девчонки. Прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю с благодарностью моих первых помощников, которые помогали сплотить коллектив, оформлять пионерскую комнату, организовывать стрелковый кружок, волейбольную команду, художественную самодеятельность и много других нужных и полезных дел. Помню некоторые имена и фамилии: Лида Комарова, Оля Горелова, Шурик Корсаков, Володя Гусев и другие, живые до сих пор.

Во всех делах нам помогали учителя: Серафима Гавриловна Абакумова, Екатерина Григорьевна Кондрашина, Наталья Андреевна Стычкова.

В возрасте 18 лет, в 1939 году, я была избрана самым молодым депутатом в Сестрорецкий городской Совет депутатов трудящихся.

Активное развитие промышленности и сельского хозяйства требовало рабочих рук. Имеющиеся ремесленные школы и училища, организованные при отдельных заводах и фабриках, не могли обеспечить всю страну, развивающийся Восток и Сибирь. Поэтому в октябре 1940 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О государственных трудовых резервах СССР»: «Задача дальнейшего развития нашей

промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное выполнение дальнейшего развития нашей промышленности», — так было написано в Указе. Лучшие инженеры и рабочие с заводов были направлены в училища для обучения молодых рабочих.

Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым ежегодно подготавливать для работы в промышленности от 800 тысяч до одного миллиона специалистов-станочников, обучая городскую и колхозную молодежь производственным профессиям в ремесленных и железнодорожных училищах и в школах ФЗО.

Эти училища и школы находились в непосредственном распоряжении Совета Народных комиссаров СССР. В мае 1941 года они выпустили 250 тысяч молодых рабочих для промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта. Первый выпуск совпал с началом Великой отечественной войны. Молодые рабочие заменили ушедших на фронт.

Обязаны мы в памяти оставить,
К чему стремились мы тогда,
Чтоб можно было сопоставить
Сей день и прошлые года.
«Резервы трудовые» были,
Создав для фронта крепкий тыл,
В войну рабочих заменили,
Старались, сколько было сил.
Страна должна сказать спасибо
Вам, дорогим учителям.
Вы отдали свои все силы
И знания своим ученикам.
Теперь «Резервы» в книгах красных.
Ушли в историю труда.
Но даже в перестройках разных
Их не забудут никогда.

3. Молодость, опаленная войной

1941 год; расцвет нашей молодости был погашен прогремевшей войной. Самое ужасное, что пришлось нам пережить — это Великая отечественная война. В ней принимали участие все республики страны, все население. Особенно это переживал Ленинград.

С 1939 года фашисты быстро шагали по Европе, продвигаясь на восток. Несмотря на мирный договор с Германией, в июне 1941 года немцы оказались у границ СССР. Враг оказался у ворот Ленинграда уже в сентябре 1941 года. За июль, август из Ленинграда были эвакуированы дети и новое оборудование заводов, все вывозили на восток страны. Фашисты хотели уничтожить Ленинград, а потом двинуться на Москву. Но Ленинград оказался для немцев непреодолимой преградой. 8 сентября немцы полностью окружили его, начались сильные бомбежки, что вызвало грандиозный пожар продовольственных складов. Были уничтожены все запасы продуктов. В городе начался голод. Особенно тяжело было в декабре 1941 года и в январе 1942-го. Рабочим хлеба на день выдавалось по 250 граммов, иждивенцам и служащим – по 125 граммов. В январе 1942 года были разгромлены все электростанции и водопровод. Население ходило с чайниками и кастрюлями к прорубям на реках и каналах. Вместо хлеба всем выдали по 100 граммов муки,

Люди умирали с голода, но не сдавались. В конце 1941 года открылась «Дорога жизни» по льду замерзшего Ладожского озера. Это помогло несколько улучшить жизнь в городе, так как появилась возможность доставлять продукты. 900 дней жители блокадного Ленинграда боролись и победили.

Вспоминает Тамара Петровна Галкина.

Начало войны я встретила в Сестрорецке: в 1941 году работала пионервожатой в школе № 8/435/. У Ржавой канавы в Сестрорецке началось строительство противотанковых сооружений, а также по берегу Сливного канала до берега Финского залива. К этому было привлечено все население. Сестрорецк стал передним краем обороны. Уже в июле начались обстрелы Сестрорецка, в результате чего многие дома по ул. Володарского были разрушены или сгорели. Много мирных жителей было ранено и убито. Рабочие завода им. Воскова вместе с семьями были эвакуированы в Новосибирск, где работали для фронта. Часть рабочих перевели в Ленинград на завод «Красный инструментальщик». Остальных жителей временно переселили в Лисий Нос, разместили в Разливе, Тарховке, Горской вместе с детьми. Въезд и вход в центр Сестрорецка был закрыт.

В городе был сформирован 120-й истребительный батальон, который в основном состоял из рабочих завода. Они обороняли Сестрорецкий рубеж. В сентябре в Сестрорецк прибыл 3-й стрелковый полк народного ополчения, который занял укрепленные позиции в районе курорта. Горком комсомола направил меня в этот полк в качестве сандружинницы.

В декабре 1941 года наш полк выехал по Ладожскому озеру в направлении Мги, где готовилось большое наступление. Вскоре меня с обозом

раненых отправили обратно в Ленинград. Но, несмотря на то, что Сестрорецк вместе с Ленинградом оказался в блокаде, жизнь продолжалась.

В 1942 году начались занятия в деревянном здании Разливской школы. Занятия велись по учебникам, которые ученики сохранили с начала войны. В 1942 году на огородах начали выращивать картошку, открылся кинотеатр, на просмотр фильмов собиралось все население. В 1943 году наши войска пошли в наступление. Началось восстановление разрушенного хозяйства. О том, как мы встретили Победу, очень хорошо написал поэт Юрий Воронов:

За залпом залп гремит салют,
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пестрыми цветут...
А ленинградцы тихо плачут.

Ни успокаивать пока,
Ни утешать людей не надо.
Их радость слишком велика:
Гремит салют над Ленинградом.

Их радость велика,
Но боль прорвалась:
На праздничный салют
Пол-Ленинграда не поднялось.
Рыдают люди и поют
И лиц заплаканных не прячут.
Сегодня в городе салют,
Сегодня ленинградцы плачут.

Вспоминает Мария Александровна Викторова.

Все 900 дней блокады я прожила в Ленинграде. Работала учительницей в школе у Финляндского вокзала. Я воистину знаю, что такое блокада. У меня до сих пор звучит в ушах «Воздушная тревога, воздушная тревога», затем ритмичный стук метронома: «Тук, тук, тук...» Во время тревоги люди уходили в бомбоубежище или просто в подвал.

Не все дети были эвакуированы из города, часть школ продолжала учить детей. Принимались все меры, чтобы сохранить детей. В городе не было света, тепла – зато были ежедневные обстрелы и бомбежка.

Был случай, когда мне пришлось перебираться из одного района в другой по тонкому льду через Неву. Зима, мороз – одежда вся мокрая от брызг падавших в Неву снарядов. Это оставило мне память на всю жизнь – ослабло зрение.

Чтобы уберечь детей, их оставляли до вечера в школе. Все время с детьми находились учителя. В 1942 году жизнь чуть-чуть улучшилась. Детей направляли в совхоз «Ручьи», который тоже оказался в блокадном кольце, и скоро ученики стали получать в дополнительное питание ово-

щи. Благодаря «Дороге жизни» увеличилась выдаваемая норма хлеба, до 250–400 грамм.

Учащиеся школ принимали активное участие в жизни города. Вся неделя была расписана по дням: в один день шли в госпиталь писать письма от раненных бойцов, в другой шли по домам – помогать больным выкупать хлеб по карточкам. В 1943 году, после прорыва блокады, дети активно участвовали в уборке улиц, расчистке развалин. В 1943 году многие учащиеся школ блокадного Ленинграда были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Поэт Воронов писал:

Им в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом паспорта.
Медаль «За оборону Ленинграда»
Не просто наша память о войне,
Металл ее откован в дни блокады
И закален в невиданном огне.

Такую медаль получили 900 тысяч жителей Ленинграда, переживших блокаду.

Конечно, неописуем был День Победы – восторг и салют слились в единое целое.

Вспоминает Надежда Павловна Бровцына.

22 июня 1941 года, в воскресенье, мы дома, всей семьей, собирались праздновать день рождения моей матери. Но вдруг в 10 часов утра объявили по радио о войне. Мы с мужем работали на заводе подъемно-транспортного оборудования в цехе по сбору и ремонту танков. События развернулись стремительно. Новейшую технику с завода начали эвакуировать в г. Челябинск. 29 августа ушел из города последний поезд с машинами и детьми.

Стали появляться первые тревожные сигналы. Воздушную тревогу тогда объявляли не только по радио, но и гудели все заводские гудки. Сентябрь был солнечным и теплым. Первый сильный налет вражеских самолетов был 8 сентября 1941 года в 7 часов вечера. Были сброшены тысячи фугасных бомб. Загорелись продовольственные склады им. Бадаева. Мы жили недалеко: небо стало черным от дыма. Враг решил уничтожить город любой ценой: голодом, холодом, бомбежкой, обстрелом. В этот день вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо вражеских войск.

Но город жил. Работали заводы, учили школы, ремесленные училища, институты. Ушедших на фронт и эвакуированных с заводов рабочих заменили молодые ребята – первый выпуск «Трудовых резервов». Многие были еще совсем маленькими и не доставали до станков и тисков, для них ставили подмости, но работали они на совесть.

Еще летом свободная продажа продуктов прекратилась, были введены карточки и соответственно нормы выдачи хлеба и других продуктов.

Свет в городе был отключен для маскировки, и чтобы видеть друг друга на улицах, мы носили «фосфорные медали».

Бомбежки и обстрелы не прекращались. Рабочим заводов приходилось часто уходить с рабочего места в бомбоубежище или просто в траншею. Были разбиты все электростанции, водопровод, канализация. Танки ремонтировали при свечах и батарейном освещении. Зима была очень суровой. Люди не снимали ватники круглые сутки, спали не раздеваясь. Окна в квартирах были открыты, так как от взрывов выбило стекла. За водой ходили к рекам и каналам с чайниками, доставали из прорубей. В столовой завода варили суп из твердых зеленых листьев капусты (хряпы) и выдавали по норме. Много рабочих умирало прямо у станков. В феврале я получила бюллетень нетрудоспособности: дистрофия II степени. 26 февраля 1942 года меня вывезли по «Дороге жизни» на Большую землю.

Вспоминает Мария Федоровна Тарханова.

Войну я встретила в Туркмении, где работала инструктором отдела кадров Чарджоуского обкома комсомола со 2 января 1940 года. В 1938 году вышла замуж, в 1941-м у меня родился сын. Я была еще в больнице, когда объявили войну. Муж был сразу мобилизован и направлен на фронт, где и погиб. Я осталась одна с ребенком, и мне ничего не оставалось делать, как вернуться в родной город Уральск к маме и сестрам. Там я испытала всю тяжесть войны в тылу. Работали мы без выходных день и ночь, напрягая все силы. Питание было ограничено. Вскоре я потеряла сына. Молодость и счастье ушли из моей жизни навсегда.

Рассказ о жизни Евгении Павловны Перевозчиковой.

Детство и юность Евгении Павловны прошли в Башкирии. По окончании школы, обладая хорошим голосом и музыкальным слухом, поступила в Уфимское музыкальное училище. Закончила его с отличием и была принята солисткой в оперный театр. Мечты и планы на будущее не сбылись – помешала война. В Уфу прибывали вагоны с ранеными и с эвакуированными из Ленинграда заводами. Учащиеся училища выступали в госпиталях и воинских частях.

В 1942 году по призыву комсомола 3700 девушек комсомольцев-добровольцев 1-го Башкирского эшелона отправились на фронт на защиту Сталинграда. В 43-м зенитно-прожекторном полку пришлось познать всю тяжесть солдатской жизни, которая легла на девичьи плечи. Но ничто не в силах было сломать комсомольский боевой дух и веру в Победу над фашистами, простые девушки несли все тяготы военной жизни наравне с мужчинами.

Евгения Павловна Перевозчикова

Там небо от разрывов морщилось,
Там смерть все время рядом шла.
Но там была еще и молодость,
Прекрасной молодость была.

В редкие минуты затишья Женя запевала любимые песни композиторов Дунаевского, Блантера и даже романсы Шопена, Глинки. В корпусе она руководила хором художественной самодеятельности.

На фронте мы песен пропели немало.
Нам дорог их каждый куплет.
И песня походная с нами шагала
Дорогой невзгод и побед.

Солисткой ансамбля песни и пляски Юго-Западного фронта Евгения Павловна в 1945 году встретила День Победы во Львове.

Вспомним молодость, время трудное,
Мы плечом к плечу шли вперед.
И поэтому наша молодость
Раньше нас с тобой не умрет.

4. Оттремели залпы войны. Началась мирная жизнь

После Дня Победы люди старались вернуться в свои родные места. Эвакуированные из Ленинграда возвращались домой в 1944 году по вызовам предприятий. Город был сильно разрушен, поэтому все силы были брошены на восстановление: разбирали разрушенные дома, приводили в порядок дороги..

Активное участие в восстановлении Сестрорецка принимала Тамара Петровна Галкина.

Каждый житель города должен был отработать на уборке улиц и дворов определенное время, был заведен учет с отметкой о выполненной работе.

В 1950 году приняли план развития города Сестрорецка. Многие деревянные дома в течение 15 лет были снесены, и построен новый, каменный город.

В мирное время, после войны, Тамара Петровна Галкина работала организатором партийной жизни города. Она являлась руководителем молодежной организации; с детства она помнила поставленные задачи, «три кита»: объединение, дисциплина, труд. И в 2000 году Тамара Петровна верна своим целям, которым отдала всю жизнь, она принимает активное участие во всех встречах и вечерах, выступая с воспоминаниями о прожитой жизни.

В 1947 году в Сестрорецк на постоянное место жительства приехала Мария Федоровна Тарханова. Имея опыт партийного руководителя в Туркмении, Мария Федоровна активно участвует в общественной жизни Сестрорецка. В 1948 году она руководила клубом имени Ленина (теперь клуб завода им. Воскова). С этого года здесь проводилась огромная культурно-массовая работа среди молодежи, выступали любимые артисты из Ленинграда и самодеятельность рабочих и служащих Сестрорецка, показывались новейшие кинофильмы. Вечерами на 2-м этаже при ярком свете, под джаз-оркестр, весело танцевала молодежь. Это был культурный центр: работала библиотека, играли в шашки, шахматы, бильярд. В то время развлечения молодежи были светлыми и радостными, не в пример современной дискотеке в темном помещении. Кроме того, у клуба была летняя эстрада, где в выходные дни выступали артисты, играл оркестр.

Жители города с удовольствием посещали эту площадку, тем более, что концерты проходили днем или ранним вечером. Главным организатором в клубе была Мария Федоровна Тарханова. Она всю жизнь выполняла свой долг: быть в окружении людей, соблюдать данное слово или обязательство и быть всегда в труде. В этом находила цель и счастье жизни.

Теперь везде темно: на душе, на улицах, на дискотеке. Ушло счастливое время, а жаль. Вместе ушло общение людей и радость в отдыхе.

Много сил вложила в культурную жизнь Сестрорецка Мария Александровна Викторова. В 1948 году она работала директором Дома пионеров и школьников. С 1950 по 1960 год заведовала отделом культуры Сестрорецкого райисполкома. С 1960 по 1962 год она директор парка «Дубки». С 1965 по 1985 год Мария Александровна занималась культурно-просветительной работой в Курортном районе, в пансионатах «Дюны» и «Морской прибой». Будучи пенсионером, возглавляла киносеть.

У Марии Александровны должно было быть всегда хорошее настроение, вместе с ней отдыхающие в домах отдыха и санаториях пели песни, водили хороводы, танцевали. Песнями и хороводами она украшала отдых.

Надежда Павловна Бровцына с 1945 года, после войны, отдала все силы профессиональному образованию учащихся, проработала 50 лет преподавателем, а также экономистом, бухгалтером. В 1950-х годах в системе профтехобразования была хорошо развита художественная самодеятельность. В праздники на сценах театров, домов культуры выступали ученические ансамбли песни и пляски в соответствующих костюмах. Залы были полны зрителей. Организованный при Сестрорецком училище хор существует еще и теперь. Девочки, которые начали петь в 1950 году, поют и сейчас, в 2000-м. В системе «Трудовых резервов» рождалось счастье в труде, чему способствовали объединение и дисциплина. Жаль, что теперь этого нет.

Нелегкая жизнь после войны сложилась у Евгении Павловны Перевозчиковой. Отец погиб, защищая Ленинград. Осталась больная мать. Надо было помогать брату и его семье. Несмотря на все, Евгения Павловна шла по жизни с песней.

В 1954 году приехала в гости к подруге в Зеленогорск, да там и осталась на всю жизнь. 45 лет она приносила своими песнями радость жителям Курортного района.

Работала художественным руководителем, культурным организатором в районных домах культуры г. Зеленогорска и Сестрорецка, в поселке Смолячково, в клубе завода им. Воскова. С 1976 года – член общества «Знание». Её лекции-концерты «Музы не молчали» о песнях Великой Отечественной войны, о мужестве и стойкости, о храбрости и отваге, о любви и девичьей верности, о бойцах в землянках с большим интересом принимались жителями Курортного района. Когда в

зале звучали первые слова песни «Священная война», то вместе с ней запевал весь зал.

Всю свою трудовую деятельность Евгения Павловна совмещала с активной общественной работой по развитию художественной самодеятельности района и по созданию творческих коллективов на предприятиях и в учреждениях района: в 40, 41-й больницах, на хлебозаводе, в РСУ, милиции, воинской части, в школах, ПТУ–20, в здравницах и детских санаториях; она организовывала концерты и смотры народных талантов, вечера молодежи.

Мы оставляем на память внукам наши воспоминания о жизни людей в период построения социалистического общества, в основе которого лежали объединение, дисциплина и труд. Мы чётко выполняли возложенные на нас обязанности. Не капитал приносил нам счастье в жизни, а труд, который мы вкладывали в общее дело и за который с благодарностью получали достаточную сумму денег, обеспечивающую нормальную жизнь. Мы не ездили на Канары и в Италию, но регулярно получали путевки в санатории и дома отдыха нашей страны.

Постоянное общение друг с другом в кино, театрах, на катках, спортивных площадках, в кружках художественной и технической самодеятельности придавало нам силы.

Города, дома, квартиры, школы, весь фундамент вашей жизни построили мы. Храните их, как память о прошлом трудолюбивом поколении. Помните, что только труд приносит настоящую радость и счастье.

Памятную записку составили члены маленького клуба «Бабушки-восьмидесятилеточки» при семейной детской библиотеке «Колокольчик» г. Сестрорецка.

Клуб «Бабушек-восьмидесятилеточек» – это маленькое объединение женщин, достигших восьмидесятилетнего возраста, в свое время активно работавших в г. Сестрорецке.

Тарханова Мария Федоровна 1914 года рождения,

Бровцына Надежда Павловна 1916 года рождения,

Перевозчикова Евгения Павловна 1920 года рождения,

Галкина Тамара Петровна 1921 года рождения,

Викторова Мария Александровна 1921 года рождения

31 декабря 2000 г.

Е. Ф. Рыжкова

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСЕЛКАХ ГОРСКАЯ И АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

*Записано со слов Рыжковой Евгении Федоровны,
жительницы поселка Горская, в начале 2000 года.*

*Речь рассказчика полностью сохранена,
литературная обработка текста не проводилась.*

Горская свое название получила от возвышенной местности, на которой расположена. Она делится на Большую и Малую Горскую.

Малая Горская граничит с поселком Кайпилово и далее с поселком Лисий Нос. Вначале станция Лисий Нос называлась «Раздельная». Отсюда была проложена железнодорожная ветка на берег залива, где была пристань для пароходов. Пристань Лисий Нос вошла в историю под именем «Лобное место». Сюда поездом, а чаще буксиром, из Петропавловской крепости доставляли приговоренных к смертной казни. Из Кронштадта на буксире привозили разборную виселицу, совершали казнь, а тела закапывали в береговой песок. Леонид Андреев в «Рассказе о семи повешенных» описывает эти события.

За поселком Лисий Нос находится поселок Ольгино, затем Лахта. В память о христианском подвиге Петра Великого, спасшего моряков 5 ноября 1724 года, жителями поселка был поднят вопрос о строительстве православного храма. Участок земли пожертвовал владелец имения Лахта В. А. Стенбек-Фермор. Закладка церкви состоялась в 1893 году. В 1937 году храм апостола Петра закрыли, а здание приспособили под кинотеатр. Сейчас собор восстанавливается, возобновилась служба. Рядом с церковью апостола Петра находится больница-хоспис №2.

Из Горской хорошо просматривается Финский залив и Кронштадтский Морской собор, построенный по проекту гражданского инженера В. А. Косякова. Собор был спроектирован в модном в то время русско-византийском стиле, за образец взят храм святой Софии в Стамбуле. 10 июня 1913 года состоялось его торжественное освящение. В Кронштадте долгое время жил святой праведный отец Иоанн Кронштадтский (1829–1908). К отцу Иоанну Кронштадтскому стекалось большое количество паломников. Похоронен Св. Иоанн Кронштадтский в женском монастыре в Санкт-Петербурге на реке Карповке.

29 июня 1892 года была утверждена постройка Приморской Санкт-Петербургской–Сестрорецкой железной дороги. Владельцем дороги был П. А. Авенариус, сын сестрорецкого жителя, артиллерийского чиновника. В их доме после 1946 года размещалась районная библиотека. Авенариус обратился к царскому правительству с просьбой отпустить земли вблизи Сестрорецка для устройства Курорта.

Рядом со станцией Дюны была построена деревянная церковь, возле которой в 1911 году был похоронен П. А. Авенариус. «Создателю сего храма, преобразователю глухой местности в Сестрорецкий Курорт П. А. Авенариусу» – так было начертано на беломраморном основании надгробного креста. Сохранился дом Авенариуса в Тарховке – теперь это здание военного санатория. По официальным данным, первые поезда по Приморской железной дороге пошли в 1894 году.

Первыми жителями Горской были ингерманландцы, выходцы из Финляндии. Среди них были следующие фамилии: Вихвилайнен, Хамялейнен, Куконнен, Виролайнен, Парикка.

На границе с Кайпилово на Малой Горской расположено Горское кладбище, где похоронены многие поколения жителей близлежащих поселков. На кладбище еще сохранилась ограда могилы управляющего Лисье-Носовского имения Бречанинова Александра Трифоновича и его жены Хильды Густавовны. Могила не ухожена. Захоронение было еще до революции. При входе на кладбище стояла сторожка. Недалеко находилась церковь во имя Христа Спасителя. Церковь построена по плану архитектора Фортунатова на средства добровольных жертвователей в память избавления императора Александра I и его августейшего семейства от угрожавшей им опасности во время крушения поезда 17 октября 1888 года. Освящена была в 1890 году преосвященным Антонием Выборгским. В церкви происходили все необходимые требы: крещения, свадьбы, отпевания.

Рядом с церковью стоял церковный дом, построенный всем миром, т. е. прихожанами, где жил священник со своей семьей. После революции церковь была закрыта, здесь сделали общежитие. Что стало со священником, не знаю, это был отец Виктор, так мне говорили. Церковь не существует более, она сгорела уже после войны.

Поселок Лисий Нос праздновал недавно 500-летие. Считается, что Горская несколько моложе. Земли поселка Горская перепродавались. Последним владельцем был граф Стенбок-Фермор Владимир Александрович, выходец из Шотландии.

На горе около Малой Горской стоял деревянный барский дом с колоннами. Был большой парк с прудами. На этой же территории была мыза. Управляющим был Копосов. Здесь содержался скот – коровы, телята, которые привозились из Финляндии. Все было продумано: внизу был скот, а на чердак по пандусу на лошадях подвозили сено, а с другой стороны, тоже по спуску, лошади выезжали. На полях высевали клевер с тимофеевкой – сочные кормовые травы. Поля были хорошо обработаны и унавожены. Мыза давала большой доход. Была сепараторная установка. Производили творог, сметану, сливки и другие молочные продукты. Все это отправлялось в Петербург. Многие местные жители работали на мызе.

Граф В. А. Стенбек-Фермор проиграл это имение на скачках. Эти земли приобрело акционерное общество и разделило на участки под дачи. Появилась улица Ольгинская (жену графа Стенбек-Фермора звали Ольга Аркадьевна, название, очевидно, отсюда). Участок купили Старечниковы. Я знаю, что у них было две сестры – Антонина и Евгения. Антонина вышла замуж за художника Алексея Ушина, и сейчас жив сын Алексея Ушина – Андрей.

Андрей Ушин – художник-гравер по дереву. Он иллюстрировал книгу С. Есенина и много других. У Алексея Ушина был брат – Николай, тоже художник. Писатель Ю. П. Герман для своей книги «Наши знакомые» взял прототипами сестер Старечниковых – Антонину и Евгению. У Старечниковых был большой фруктовый сад. Сейчас на его месте находится воинская часть.

Параллельно Ольгинской улице идет Владимирский проспект (графа Стенбок-Фермора звали Владимиром, и очевидно, что название проспекта связано с этим). На Владимирском проспекте было несколько дач. Владелец одной из дач Колчин был духовного звания. Была тут дача барона Михаила Врангеля, его расстреляли прямо на улице. Власть была на местах, сразу после революции он был убит только потому, что барон. После него осталась вдова, баронесса Мария Васильевна Врангель и две дочери, Ирина и Ксения. Баронесса М. В. Врангель была очень красивая женщина с большими синими глазами и темными волосами цвета «воронова крыла». В ней чувствовалась вековая культура, воспитание нескольких поколений.

Ирина рано вышла замуж, она тоже была очень красивая, как и сестра. Ее муж, кажется, погиб во время войны (он был крупным политраблотником). Ксения вышла замуж за немца Нейдарфа, у нее была дочь Марина. Ксению расстреляли во время войны, наверное, что-то сказала,

ведь ее отец тоже был расстрелян. Времена были очень строгие. Баронесса Врангель занимала второй этаж своего дома. Внизу жили посторонние люди. Мария Васильевна была выслана во время войны в Ташкент, в инвалидный дом, где и умерла в нищете, одинокая, среди чужих людей. Тяжело представлять себе судьбу этой женщины: после богатства и довольства остаться вдовой при Советах. Завела корову, нужно было как-то растить маленьких дочерей.

В Горской еще была дача Гаранц. Ближе к лесу жил врач Заливский с семьей. У него было два сына: Ипполит и Александр. Ипполит Леопольдович Заливский известен в Сестрорецке как крупный садовод, работал на заводе Воскова.

Образовался также проспект Муромцева, где была дача полковника Лидина и предполагалось строительство футбольного поля. Была даже заложена «подушка» для него.

Недалеко от вокзала была 4-классная школа. Здание в два этажа, на 2-м жила директор Анна Ивановна Сизова с семьей. На первом были классы.

Напротив вокзала находилась синагога, дом сохранился, но давно потерял свой облик, т. к. при капитальных ремонтах ничего не сохраняли. Направо от вокзала в сторону Большой Горской была аптека, разрушена во время революции. В 1921 году во время кронштадского мятежа на Малую Горскую были подтянуты войска и отсюда стреляли по Кронштадту. Возглавлял военные действия Н. А. Емельянов, тот, у которого в сарае прятался В. И. Ленин.

Это было на Масленой неделе:

Как на Масленой неделе
Из фортов блины летели.
То недолет, то перелет,
А курсанты все под лед.

В 1924 году было большое наводнение, дома, которые стояли напротив Малой Горской, затопило, люди сидели на крышах, солдаты спасали жителей. Наводнение принесло большой ущерб. Вода подошла к железнодорожному полотну. В районе Лахты железную дорогу смыло, и поезда возвращались обратно в Ленинград. Движение было прекращено до восстановления полотна.

Около кладбища Горская и сейчас стоят две дачи фабриканта Фридриха Юльевича Кана. У него было бумажное производство. Были красивые сады с ухоженными дорожками, дома были красивой архитектуры, несколько раз перестраивались. На берегу недалеко от вокзала стояла дача Герлинга, немца по происхождению. У него тоже был красивый сад с прудами.

Когда началась коллективизация, первым председателем колхоза на Горской был Хазов. Началось обобществление скота, скот от мызы давно пропал. Крестьяне должны были сдать свой скот, т. е. коров и лошадей, в общее пользование, и идти в колхоз. Началось раскулачивание населения: крестьянин, который много работал да еще имел взрослых сыновей, которых тоже заставлял работать от зари до зари, был раскулачен, потому что имел коров и лошадей. Все это отбиралось, а крестьянина с семьей отправляли на север работать, где многие и погибали. В эти же 30-е годы было на Горской репрессировано несколько человек. Морозов Данила был арестован, семья получила известие, что он умер от брюшного тифа в лагерях, на самом деле был расстрелян на Левашовской пустоши.

30 февраля 1939 года в 8.00 началась война с Финляндией, так называемая Зимняя война. Зима была суровая, с сильными морозами. Шли жестокие бои с финнами. К этому времени колхоз давно прекратил свое существование, появился совхоз «Восход». Менялись несколько раз директора, менялись зоотехники. Совхоз «Восход» приносил одни убытки, держали скот, который не приносил дохода. Сейчас на месте мызы находится контора ГАИ.

Население Горской и Малой Горской жило дружно. Если были свадьбы, то приглашалась вся деревня, да еще половина Кайпилова. Ехали в церковь за молодыми, т. е. женихом и невестой, которые приезжали врозь и встречались только в церкви, так прибывали к церкви до 40–50 кабриолетов, молодые люди со знакомыми девушками. Накрывались столы на всю деревню (приглашались несколько женщин в помощь хозяйке, которая руководила всем праздником). Пекли много пирогов, готовили окорока, столы были полны всякими яствами. Вино и водку не подавали никогда, было не положено. На поминках также было не положено ни вина, ни водки. Пекли блины поминальные, кисели, варили кутью, т. е. рис с изюмом, поминали сразу на кладбище. На месте церкви несколько лет тому назад стали строить коттеджи, которые так и не достроили.

Очень почитаемы были на Малой Горской такие фамилии, как Морозовы, Спиридоновы, Корниловы, Коугия. Несколько поколений этих семейств живут до сих пор на Горской.

Лет 20 тому назад стали строить от Горской до Кронштадта дамбу. «Стройка века», как ее называли, дамба, должна была защитить Санкт-Петербург от наводнений, но до сих пор строительство не закончено.

Большая Горская граничит со ст. Александровская, где было много красивых дач; за Александровской сразу начинается поселок Тарховка. Здесь было много посольских дач. До революции дача детского лагеря

«Айболит» принадлежала китайскому посольству, недалеко была дача итальянского посольства. Здание станции Тарховка было построено из материала разобранной часовни в Лисьем Носу. На входной двери можно еще и сейчас увидеть изображение креста. Далее, проходя по Федотовской дорожке, вы можете зайти и помолиться в храме Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона.

В годы Великой Отечественной войны Горская, как и вся наша страна, переживала и воевала. Многие ушли на фронт, многие не вернулись, остались лежать в чужой земле, многие вернулись после ранений, пролежав многие месяцы по госпиталям. Население поселка Горская, как и весь Ленинград, пережило блокаду. Умирили от голода, хоронить было некому, тела отвозили на кладбище. Весной ели лебеду, от которой распухали. Часть населения уехала в эвакуацию.

В годы Великой Отечественной войны по ветке Ленинград–Лисий Нос подвозили войска и боеприпасы для Кронштадта и Ораниенбаумского пятачка, это была часть «малой дороги жизни». Жителей в поселке Горская осталось немного. Многие получили квартиры и уехали.

После войны в связи с электрификацией железной дороги были построены высокие железнодорожные платформы, а также станционные павильоны, кассы, навесы для ожидающих пассажиров. В настоящее время Горская меняет свой облик. Здесь строят первые километры объездной дороги, которая пройдет от Кронштадта через Ломоносов, это будет кольцевая шоссейная дорога.

На границе с Александровской по ручью стоял двухэтажный дом, известный как дом Маврычева. Маврычев был владельцем продуктового магазина, или лавки, как тогда говорили. Была и пекарня. Утром рано можно было прийти в лавку и купить свежий хлеб. Кроме того, утром рано разносчики продавали в поселке горячие булочки для завтрака. Дочь Маврычева вышла замуж за Николая Комиссарова, принесла в его бедный дом достаток. У них была дочь Нина, которая погибла во время войны. Маврычев был раскулачен и сослан.

Дальше в сторону ст. Александровской находится библиотека, в первые годы после революции здесь был клуб, затем медпункт или поликлиника, затем долгое время кинотеатр. Сейчас здание занимает очень хорошая библиотека.

За поселками Горская и Александровская находятся садовые участки, так называемые «шесть соток». Многие построили на этих сотках домики, развели сады, огороды, выращивают отличные помидоры, огурцы, а какая клубника, черная и красная смородина! Честь и хвала людям, которые отдают столько труда, любви земле на своих участках.

По левой стороне от вокзала Горская было длинное помещение, здесь находилась пожарная команда, лет семьдесят назад, а затем кинотеатр, сейчас здесь какой-то склад, а вернее, заброшенное помещение.

Несколько лет тому назад на Горской были пожары, вдруг ночью загорались в нескольких местах дома. Считали, что это заказные пожары, несколько домов сгорело, остальные удалось потушить или восстановить. А какой чудесный на Горской воздух! С залива дует морской ветер, как упоительный на Горской вечера! О чудесном воздухе на Горской знают жители, которые здесь живут.

Мне вспоминается, что на Горской, на Каугиевской улице жила баба Катя Жилнина. У нее был дар помогать людям. Особенно ей удавалось заговаривать у маленьких детей грыжу. К ней приходило много больных, от которых отказывались врачи. Лечила она и нервные заболевания. Многим-многим помогала. Ее уже давно нет в живых, но память о ней еще сохранилась на Горской. Дочери ее это не передалось.

После всего написанного мне хочется вернуться к началу своего повествования, где я писала, что земли и имение Горская принадлежали графу Стенбок-Фермору, а по воспоминаниям моей матери, это имение принадлежало графу Шувалову. Но я знаю, что земли эти перепродавались. Эти сведения можно было бы разыскать в Публичной библиотеке в Петербурге, а может, в фундаментальной библиотеке Петербургского университета. То, что земли принадлежали графу Стенбок-Фермору, мне рассказывали экскурсоводы по Петербургу.

Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождения. Для меня Горская – это место, где я родилась. С большим теплым чувством вспоминаю Горскую и пишу о ней с любовью. Вновь и вновь вспоминаю о своей Горской.

Вспоминаю времена Хрущева. Может быть, Хрущев и принес нашей Родине много положительного, но и негативного, отрицательного было достаточно. Было постановление: весь скот сдать государству на бойню. Отобрали всех коров и отправили на мясокомбинат в Ленинград. Скота пригнали на мясокомбинат такое количество, что не успевали убивать и перерабатывать. Кормить коров было нечем. Они ревели от голода и за неделю и более из упитанных животных превращались в скелеты. Один житель Горской это рассказывал, он ездил несколько раз на мясокомбинат и там разыскивал свою буренку и подкармливал, пока не пришел ее черед на бойню. А была эта буренка его кормилицей. Он это рассказывал и плакал. Это была трагедия для многих жителей Горской. Было стадо коров, и не стало ни одной. А коровы, как известно, дают молоко для детей и взрослых, да и не только молоко, и мясо, т. е. телятина, и удобрение для полей. Мало того, что не разрешали держать коров, но и коз тоже. Я

знаю, что одна жительница прятала своих коз на чердаке, а милиционеры разыскивали их по всем сусекам.

Я так стара, так устала, что готова к тому часу, когда Господь призовет меня.

Мы вступили в новое столетие, что-то оно принесет? Мне этого никогда не узнать...

К сожалению, Евгении Федоровны уже нет с нами. Ее воспоминания переданы для публикации библиотекой поселка Александровская.

Г. М. Густавсон

Н. И. Малыгина-Феофилактова

Л. П. Кряжева

Т. И. Шипова

*Предисловие, заключение
и литературная обработка
О. Г. Растворовой*

МАЛЫГИНЫ – ПОТОМКИ ПЕТРОВСКОГО РУДОЗНАТЦА

Предисловие

В донесении от 4 июля 1721 года полковник артиллерии *Вильям Геннин*, комендант строящегося Оружейного завода при Сестре реке, просил Петра I разрешить ему брать «железные разные припасы, каковы к тому строению понадобятся», а также *плотников и мастеровых людей с Олонецких заводов*. Среди свободных мастеровых людей, отобранных на Олонецких Петровских заводах, был и **рудозналец Яков Малыгин**. Его имя было занесено в «Книгу основателей завода», где он числился как оружейных дел мастер. С тех пор все мужчины рода Малыгиных работали на этом заводе. Сама книга не сохранилась, так как архив завода сгорел во время пожара в 1886 году, но изустные сведения о предке бережно передавались из поколения в поколение. Потомки Якова – дети, родившиеся на рубеже XX и XXI века, – это уже двенадцатое поколение сестрорецких Малыгиных.

В официальной советской историографии Сестрорецка фамилия Малыгиных не упоминалась потому, что один из них, высококлассный специалист, «рабочий профессор» и разносторонне одаренный человек Иван Малыгин в 1930-е годы был репрессирован. После его посмертной реабилитации прошло полвека, но всё не доходили руки написать и довести до сведения сестроречан историю незаслуженно обиженного, но очень славного своими людьми малыгинского рода.

Генеалогию семьи недавно написали три представительницы девятого, считая от Якова, поколения Малыгиных, двоюродные сестры: [*Галина Митрофановна Густавсон*], *Нина Ивановна Малыгина-Феофилактова*, *Людмила Павловна Кряжева* и дочь *Нины Ивановны — Татьяна Игоревна Шипова*. Они собрали и обобщили все семейные документы, фотографии, воспоминания старших родственников и всё, что сохранилось в собственной памяти. Родословная была передана в Краеведческий центр библиотеки им. Зоценко в виде двух параллельных повествований. Одно – от *Нины Феофилактовой* – рассказывало о судьбе ее отца *Ивана Малыгина* и его потомках, второе – от *Людмилы Кряжевой* и *Галины Густавсон* – о судьбе и потомках других братьев и сестер из того же, восьмого поколения сестрорецких Малыгиных. Объединить обе нити и выполнить литературное редактирование Краеведческий центр поручил *О. Г. Растворовой*. В процессе этой работы происходило живое общение редактора с авторами (и в то же время героями) этой повести, и она дополнялась новыми эпизодами и деталями.

К сожалению, ограниченный объем издания не позволяет опубликовать этот человеческий документ целиком, без купюр. Полный исходный текст обеих нитей родословной внесен рукою *Раисы Николаевны Гараевой* в память компьютера Краеведческого центра при библиотеке имени Зоценко. Следует добавить, что родословная Малыгиных едва ли увидела бы свет без участия *Нины Алексеевны Фроловой*, активиста Сестрорецкого общества блокадников (в прошлом работника библиотеки имени Зоценко), которая «разговорила» старшую из сестер и подвигла на написание этого документа.

Отличительные черты рода Малыгиных – достоинство, честность, трудолюбие, профессионализм, неизменная родственная взаимовыручка, умение противостоять обстоятельствам, сохраняя традиции и культуру. Роду Малыгиных присущи и разнообразные таланты – музыкальные, поэтические, актерские, «дар домовитости» и др.

Как расцвел бы этот род, каких достижений в основной работе, связанной с Заводом, и во всевозможных видах творчества достигли бы эти люди, если бы жизнь многих из них не оборвалась безвременно из-за войн, разрухи 1920-х годов, арестов 1930-х, блокадного голода. Но малыгинский род не прервался, большинству его представителей удалось уцелеть, реализоваться, получить образование, стать известными в своей

*Дом Малыгиных в Сестрорецке на Ермоловском пр.,
возле Нижнего парка*

профессии людьми. Прочными и живучими оказались гены Петровского рудознатца и оружейника Якова Малыгина. Недаром Петр отбирал себе в мастера лучших людей: крепких, смысленных, умелых, выстоявших в испытаниях. В суровых условиях военизированного заводского поселения из этих лучших выжили самые стойкие. Род, который пережил это двойное горнило первоначальной поры Сестрорецка, не сломить было и лихолетьям XX века.

На прилагаемой *схеме* поименовано 77 персон. В первой, верхней строке родословия значится Георгий Спиридонович Малыгин, даты жизни которого неизвестны, вторым – Николай Георгиевич, известна только дата смерти – 1942-й блокадный год. Для остальных 75 человек скрупулезно расписаны годы жизни и её основные вехи.

Родословная Малыгиных

Праправнук-прапрадед, прадед, дед

Спиридон Малыгин, потомок основателя рода сестрорецких Малыгиных – Якова, предположительно приходился ему *праправнуком*. От Спиридона, родившегося около 1800 года, уже прослеживается непрерывная череда поколений, где известны имена и даты жизни всех потомков. Трех сестрам-авторам этой родословной Спиридон Малыгин приходится *прапрадедом*. Таким образом, они – пятое поколение Малыгиных, считая от Спиридона и девятое – от Якова. О Спиридоне, кроме имени, известно только то, что он имел сына **Георгия**.

Георгий Спиридонович Малыгин, *прадед* авторов родословия, родился, вероятно, между 1820 и 1830 годами. Примерно в середине XIX века он женился на *Марии Николаевне Шабалиной*, уроженке села Кулебякское Нижегородской губернии. Мария Николаевна рано овдовела и в одиночку поднимала четверых детей. Помогали её знания и умения. Она акушерствовала, занималась траволечением, составляла из разных трав лекарства от многих болезней. Особенно славилась ее мазь от радикулита, – в Сестрорецке всегда было много рыбаков, а при их роде занятий трудно избежать этой болезни.

О трех *старших* детях Георгия Спиридоновича – дочери **Александры** и сыновьях **Василии** и **Григории** известно немного. С потомками Александры Георгиевны (в замужестве Паншиной) связь потеряна. О Григории Георгиевиче говорили, что он хорошо рисовал; из его потомков после 1920-х годов никого не оставалось. Василий же Георгиевич имел троих детей: **Ираиду**, **Вениамина** и **Георгия**. О последнем известно, что с 1945 года он проживал в Киеве. Там же живет его дочь **Белла** (род. в 1932 г.), выпускница Ленинградского педиатрического института; в Сестрорецке ее еще помнят некоторые соученики по 434-й школе. Родоначальником же всех девяти четко прослеживаемых веточек рода Малыгиных, которые будут рассмотрены ниже, был *младший сын Георгия Спиридоновича Николай*.

Николай Георгиевич Малыгин, *дед* авторов родословной (родился в конце 1860-х или в 1870-е годы, умер в 1942 году), так же, как и его отец, связал свою судьбу с Сестрорецким оружейным заводом. В зрелом возрасте он занимал там должность мастера. Он работал на заводе и в те годы (1894–1902), когда его директором был С. И. Мосин, уделявший большое внимание не только организации труда сестрорецких рабочих, но и их культурному развитию и досугу, что в значительной мере обусловило достойный уровень их жизни.

Мария Николаевна Малыгина (Шабалина) с внуками: на коленях Николай, слева направо: Валентина, Александра, Антонина

В 1891 году Николай Георгиевич женился на *Марии Ивановне Ляпкиной*, и у них с 1892 по 1911 годы родилось *девять детей*: сыновья Иван, Сергей и Николай и дочери Евгения, Мария, Александра, Лидия, Антонина и Валентина.

Родители Марии Ивановны – Екатерина Ивановна и Иван Абрамович Ляпкины приехали в Сестрорецк в 1860-е годы из Ярославской губернии. Екатерина Ивановна имела небольшую лавочку, в которой торговала различными товарами, вареньями своего приготовления и ситниками собственной выпечки, сама ездила за товаром в Петербург в собственном тарантасе (это было еще до постройки железной дороги), что не всегда было безопасно: у Лахты и Лисьего Носа пошаливали разбойники. Дом Николая Георгиевича и его тещи стояли на одном большом участке на углу улиц Базарной и 2-й Односторонней. Во дворе был сарай для телеги, тарантаса, саней; там же держали лошадь. В заднем углу двора был маленький домик – мастерская.

Николай Георгиевич был не только хорошим мастером-оружейником, но и отличным семьянином и музыкантом. После рабочего дня он трудился по дому, в своей мастерской делал арфы, сам хорошо играл на них. В праздники в его доме собирались многочисленные друзья и родные, вели беседы и пели под аккомпанемент арфы и виолончели, на которой играл один из его друзей. На Рождество обязательно готовили гуся, которого две недели откармливали одними орешками, на Пасху – «молочного» поросенка целиком, в другие праздники тоже готовили специальные вкусные блюда.

Такой стиль жизни был характерен для квалифицированных рабочих Сестрорецкого оружейного завода до Октябрьской революции. Они много работали, но и жили в достатке, были разносторонне развитыми людьми, не забывали и о духовной пище. У всех были собственные дома.

Николай Малыгин был во всех отношениях достойным человеком, его очень уважали жители Сестрорецка и Разлива, работавшие на заводе. Недаром его выдвинули на выборную должность головы Сестрорецкой сельской управы, и он оставался в этой должности до революционных событий 1917 года. Его пребывание на этом посту запомнилось многими полезными делами. Вместе со своими товарищами он «окультурил» ключи, бывшие по береговым склонам Сестры. Один из этих ключей, уход за которым продолжили уже другие сестроречане, дожил до наших дней, он находится за железнодорожным мостом в Курорте.

В районе Курорта на берегу реки был устроен садок с живой рыбой. Рядом поставили веранду-ресторанчик и открыли лодочную станцию для дачников. Посетителей ресторанчика потчевали особой ухой «с секретом». По рассказам одной из внучек Николая Георгиевича, вначале отваривали ершей, в процеженный отвар добавляли лавровый лист, черный перец, лук, еще раз кипятили и вновь процеживали. Потом в этом бульоне отваривали молодых судачков, добавляли томат, лимон, а в конце вливали немного спирта, который вкуса не портил, но весьма веселил едоков, особенно дам.

В 1913 году, за год до начала Первой мировой войны, Николай Георгиевич, подкопив денег, купил 10 гектаров земли со строевым лесом в районе поселков Графская-Дибуны, чтобы построить дома для каждого из детей, но сделать этого по понятным причинам не успел.

В 1918 году в жизни всех Малыгиных произошли большие перемены. Завод был эвакуирован на Урал, вместе с ним уехала семья старшего сына – Ивана Николаевича, а сам Иван был призван в Красную армию. Начавшийся голод заставил Николая Георгиевича в 1918 году вывезти жену Марию Ивановну с младшими детьми в более «хлебные» места – на Орловщину, в город Ливны. Сторожить дом осталась теща Николай Георгиевича, а сам он перебрался в Петроград и больше уже не жил в Сестрорецке. В его отсутствие пришедшие люди, не сестроречане, ограбили Екатерину Ивановну, вскоре она умерла.

После возвращения в Сестрорецк в 1920 или 1921 году Мария Ивановна, ее младший сын Николай и дочери Лидия, Антонина, Валентина и Александра разместились в двух сохранившихся к тому времени домах, дочь Мария поселилась неподалеку. С возвращением из армии Ивана и его семьи с Урала все Малыгины воссоединились в Сестрорецке. Только Николай Георгиевич продолжал жить в Петрограде. Когда-то купленную им для постройки дома землю экспроприировали. Начать новое строительство у Николая Георгиевича уже не было ни сил, ни возможности. В Петрограде он жил на улице Красного курсанта и работал на одном из заводов (кажется, на заводе имени Кулакова). По словам младшей из его внучек Людмилы, навещавшей его в Ленинграде перед войной, он и там не оставлял своей арфы и вместе с внучкой пел любимые романсы и песни: «Не слышно шума городского», «Шумел, гудел пожар московский» и всё собирался сделать для Людмилы маленькую, «детскую» арфу, но не успел.

В начале Отечественной войны вместе с Николаем Георгиевичем поселился его младший сын Николай, которого, как и многих рабочих завода им. Воскова, перевели на работу в Ленинград. Отец и сын умерли в феврале 1942 года от голода. Мария Ивановна тоже не пережила ту блокадную зиму, несмотря на заботу окружавших ее дочерей.

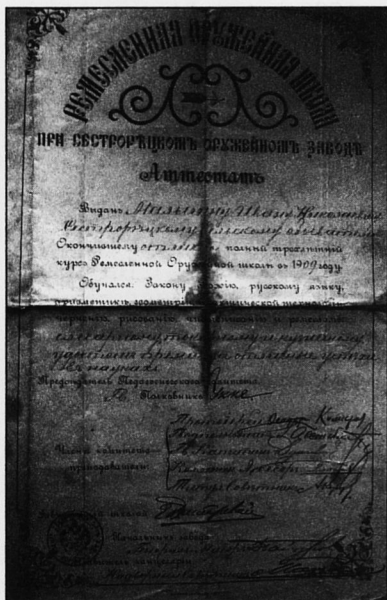
Дети Николая Григорьевича – девять ветвей Малыгиных

1. Ветвь Ивана

Иван Николаевич Малыгин (2 апреля 1892 – 20 августа 1943), старший из детей Николая Георгиевича и Марии Ивановны, с детства отличался тягой к знаниям, много читал. В 1904 году он окончил Болонинское начальное народное училище в Сестрорецке, а в 1906-м – Сестрорецкое двухклассное училище Министерства Народного Просвещения (свидетельство от 20 мая 1906 г.). В 17 лет, в 1909 году, Иван закончил с отличием полный трехлетний курс Ремесленной оружейной школы и с 1 сентября того же года был принят на Сестрорецкий оружейный завод токарем-ле-

Иван Николаевич Малыгин

*Аттестат Малыгина
Ивана Николаевича об окончании
ремесленной оружейной школы при
Сестрорецком оружейном заводе*

назначенности друг другу Иван позже напишет в своих стихах, присланных жене в 1937 году из мест высылки:

Когда тебя встретил, почувствовал сердцем,
Что ты мне природой в подружки дана,
Что где-нибудь наши дороги сойдутся,
И жизнь, и судьба у нас будет одна!
Взаимной любовью ответила ты,
И общими стали мечты.

Иван и Ольга обвенчались 11 мая 1916 года в церкви поселка Горская и сразу же уехали в свадебное путешествие в Финляндию на водопад Иматра.

Ольга Арсеньевна тоже была сестроречанкой, а ее отец Арсений Васильевич Устинов – рабочим Оружейного завода. Для своей большой семьи он построил дом в поселке Разлив, участок для которого дала местная власть. Мать Ольги Анфиса Константиновна (в девичестве Поваляева) была родом из поселка Райвола (Роцино). До замужества она

кальщиком. Его интересы были очень широки и никогда не замыкались на одной только работе. Он писал стихи, играл в любительском театре, но в первую очередь, конечно, постоянно совершенствовался в своей профессии, учился у старых мастеров, занимался самообразованием.

В это время в Сестрорецке складывались условия для формирования рабочей интеллигенции. При заводе существовал «Читальный клуб», где для рабочих была собрана большая, хорошая библиотека, организованы кружки по интересам, оркестр народных инструментов, футбольная команда, создан народный театр. Участвуя в постановках, Иван Николаевич познакомился со своей будущей женой *Ольгой Арсеньевной Устиновой*. Эта красивая девушка играла почти все ведущие роли в пьесах Островского, которые ставились на любительской сцене. О ранних днях их любви и о чувстве изначальной пред-

была гувернанткой в доме управляющего заводом. У Арсения и Анфисы было семь детей (не считая умерших в младенчестве). Ольга (1894–1984) была самой старшей и помогала младшим, а позднее и их детям. С десяти лет, окончив начальную школу, она обучалась шитью в сестрорецкой портновской мастерской Александры Мокровой и ко времени замужества уже была опытной портнихой. В тяжелые годы её умения очень помогли семье.

Совместная жизнь Ивана и Ольги началась не на голом месте, они жили в достатке и, не имея пока собственного дома, снимали дом в Сестрорецке. Не забывали любительскую сцену, а иной раз ездили и в питерские театры, чаще в «Александринку», «на Юрьева». Ездили вместе с семьями друзей и на обратную поездку заранее заказывали вагон с паровиком. В 1917 году пришел конец спокойной жизни. Родился первый ребенок – дочь **Лидия** (1917–1987), затем сын **Константин** (1918–1989), так что к началу Гражданской войны в семье уже было двое малышей. Иван Николаевич был призван в Красную Армию и воевал на Дальнем Востоке с армией Колчака.

Летом 1918 года Сестрорецкий завод эвакуировался на Урал. Ольга, как старшая, организовала отъезд семьи Устиновых. Кроме двух собственных детей, она взяла под опеку мать и отца, уже пенсионера, четырех своих сестер с двумя малышами, а также брата своей матери, тоже пенсионера. Эшелон с эвакуируемым Оружейным заводом направили в Челябинск. Многие рабочие поселили свои семьи в близлежащих деревнях, где было легче прожить. Ольга Арсеньевна со всем своим семейством высадились на железнодорожной станции Верещагино и поселились в деревне с таким же названием. Она стала работать в школе, учила детей грамоте, арифметике, организовала в

*Ольга Арсеньевна
в возрасте 18 лет*

деревне клуб с любительским театром, обшивала деревенских женщин. Энергичная, молодая и красивая сестроречанка полюбила местных жителей, к ней шли за советом. Подростая сестра Мария Устинова стала помогать Ольге в школе. В 1919 году Мария вышла замуж за *Алексея Михайловича Селезнева* из старинной уральской купеческой фамилии *Носковых* (с этой фамилией позже породнится и Лидия Малыгина, старшая дочь Ивана и Ольги).

1920 год приносит новое испытание – на Урале началась эпидемия тифа. У Ольги умерли отец, работавший на заводе в Челябинске, и одна из сестер. Переболели тифом все, ухаживая друг за другом. Воду и дрова носили в дом соседи. Маленькие Лидия и Костя выжили только благодаря тому, что Ольга, сама больная, продолжала кормить их грудью.

Судьбе было угодно, чтобы в начале 1921 года воинская часть, в которой служил Иван Николаевич, возвращаясь в Петроград, проезжала через Верещагино и стояла там две недели! После разлуки встретились, наконец, два любящих друг друга человека, сумевших пронести свое чувство через все лишения и опасности. Они не утратили желания жить и любить, стремления дарить радость и красоту окружающим их людям, не растеряли своих талантов актеров-любителей и за этот двухнедельный срок сумели даже организовать в Верещагино концерт.

*Иван Малыгин (3-й справа в верхнем ряду)
с рабочими Сестрорецкого завода. 1930-е годы*

Летом 1921 года Ольга Арсеньевна, уже ожидавшая третьего ребенка, совершила поездку в Петроград и в Разлив и, убедившись, что родительский дом уцелел, сумела перевезти семью Устиновых на родину. В 1921 году возвращается с фронта и Иван Николаевич. Сестрорецкий Совет дает ему старый дом в Белоострове. В этом доме 29 декабря 1921 года родилась его младшая, ныне здравствующая дочь **Нина**, одна из авторов малыгинской летописи. Но к этому дому и вообще к этим местам ни у Ивана, ни у Ольги не лежало сердце, и им удалось получить участок под строительство нового — своего дома в Курорте на Ермоловском проспекте.

Иван Николаевич продолжал работать на Сестрорецком заводе токарем-лекальщиком — как и прежде, творчески, постоянно совершенствуясь в своей профессии. В июне 1928 года он был направлен, как лучший специалист, для обмена опытом на Ленинградский завод «Двигатель». Там рабочие прозвали его «царь-токарь» за высокую квалификацию и стремление передать свои навыки молодым. Иван Малыгин был не просто высококлассным станочником. Он вел большую просветительскую работу, обобщая свой опыт и освещая его в публикациях. С 1929 года он состоял консультантом журнала «Наука и техника» по вопросам холодной обработки металлов и членом редакционного совета этого журнала, отвечал в особой рубрике на письма читателей. Он стал одним из первых рабочих — авторов технической книги по Ленинграду и Москве. В 1930—1932 годах он написал книги: «Практика нарезания точной резьбы», «Токарь-лекальщик», «Изготовление дисковых резьбовых резцов», «Как пользоваться предельными калибрами», «Изготовление метчиков». В эти же годы он был членом рабочего редсовета при ЛенГИЗе, а затем при Ленинградском отделении научно-технической информации (ЛОНТИ). Тогда же он поступил на рабфак Ленинградского политехнического института.

В предисловии к своей книге «Токарь-лекальщик» Иван Малыгин пишет: «...Я стремился возможно яснее чисто рабочим языком изложить самое существенное из области этой специальности. Надеюсь, что сообщенные мною сведения окажутся полезными для подрастающего поколения рабочих, и будут способствовать повышению их квалификации». В предисловии к другой книге («Практика нарезания точной резьбы») он отмечает: «Лица, занятые лекально-резьбовыми работами, должны иметь известную производственную выдержку, т.е. спокойный, выработанный характер лекальщика, позволяющий хладнокровно и терпеливо подходить к исполнению работы и спокойно смотреть на возможные неудачи, стараясь их терпеливо исправить». Сам Иван Николаевич, безусловно, обладал этими качествами.

1932 год круто изменил жизнь всей семьи Малыгиных. В то время Иван строил на выделенном участке новый дом для своей семьи. Все силы и средства, каждая свободная минута, все мечты и надежды вкла-

дывались в это строительство. Дом приглянулся некоему человеку, который пожелал купить его. Иван отказался. В ночь на 5 ноября 1932 года Ивана Малыгина арестовали и поместили в городскую тюрьму «Кресты». Ольга Арсеньевна почти каждый день ходила к следователю, пытаясь узнать, в чем обвиняют мужа. Наконец, было предъявлено обвинение; оно состояло из нескольких пунктов, один абсурднее другого.

Иван Малыгин обвинялся в том, что построил дом на берегу Финского залива, чтобы... поддержать связь с Финляндией; в том, что мало распространял свои опыт и знания среди рабочих (при его-то работе с молодыми и при том, что он напечатал столько своих учебников!); в том, что не выступил за снос церкви Анны Кашинской на Сампсониевском проспекте в Ленинграде и, наконец, в том, что он «недостаточно» подписался на государственный заем («всего» на 100% месячного заработка, как все, а не больше). Припомнили и отца, Николая Георгиевича – старосту Сестрорецка в дореволюционное время, забыв, что эта должность была выборной (самому же Николаю Георгиевичу никаких обвинений в связи с этим не предъявляли, он жил и работал в Ленинграде).

Книги, написанные Иваном Николаевичем, были изъяты из библиотек.

Настоящей причиной ареста, как стало известно позже, был ложный донос «товарища» по работе, который завидовал всему образу жизни семьи Малыгиных. Последней каплей для завистника было то, что именно Иван Малыгин занимался закупкой современного иностранного оборудования для завода и в октябре 1932 года оформлял документы для поездки с этой целью в Америку. Иван Николаевич был осужден на пять лет и выслан в лагерь в Карелию. Вот как описал он в стихах, отправленных домой, свои впечатления о дороге в лагерь. Сейчас, после многих книг и фильмов о репрессиях, эти описания кажутся нам чуть ли не банальными, но ведь они сделаны очевидцем и участником событий еще в 1932 году!

Ища свободы гражданина
И не желая быть рабом,
Терял я счастье семьянина
И получил арестный дом.

И вот! За образ мысли таковой
Я, как «опасный элемент»,
Рабочий опытный, передовой,
Был выслан с Родины в момент

В дорогу дальнюю. Холодную порой
Посажен был в вагон «телячий»,
Набитый разною шпаной,
Где грязь и запах был смердящий.

Везли, как грязных поросят,
Кормя через железную решетку.
Три типа в памяти стоят,
Что рвали на куски селедку.

...Воды по кружечке в денек –
И то с трудом – мы получали;
Свечей горел тоскливо огонек;
На стыках рельс колеса всё стучали.

Кругом царила рыночная брань,
В карманах шарили, объедки отбирая.
А ночью обовшивевшая рвань
Друг через друга лазала, стеная.

...И вот как будто остановка,
Крик часовых, свистки кондукторов.
По-видимому, здесь зимовка,
Среди глухих Карелии лесов.

Открылась дверь, вошел стрелок,
Всех сосчитал поодиночке.
Дал паровоз прощальный свой свисток.
Слышна команда: «Стройся на мосточке!»

...Построили нас по два в ряд,
Опять нас всех пересчитали,
И вот нам громко говорят,
Чтоб все услышали и знали:

«Любое отклонение в пути
Попыткою к побегу мы считаем!
Вперед! И ровно всем идти,
Мы без предупреждения стреляем!»

И двинулись, с трудом переступая,
И стар, и млад, и публика блатная.
...Шли долго по лесным тропам,
Меж сосен вековых, трясин, по мхам...

И, наконец, к зимовкам подошли,
Постройки каторжан мы увидали,
К воротам лагеря нас подвели
И вновь – по четверо – пересчитали...

Старшей дочери Лидии в это время было 15 лет, а младшей Нине – десять. Начались страдания семьи. Ольгу Арсеньевну, как жену врага народа, не принимали на работу. В те годы существовала карточная система на продукты питания, семья осталась без карточек, без хлеба. Выжить удалось только благодаря родным и знакомым, которые не отвернулись от опальной семьи и помогали, чем могли. В 1933 году по совету знакомых дети Ивана обратились в Секретариат Наркомпроса с просьбой о помощи. Только после этого Ольге Арсеньевне дали возможность работать. В довершение всех бед Ольгу вынудили продать дом, с которым была связана вся ее совместная жизнь с Иваном Николаевичем, построенный собственными руками на собственные сбережения. Представитель ОГПУ угрожал конфискацией и высылкой, и Ольга была вынуждена согласиться, получив за дом ничтожную сумму. Конечно, и эти деньги помогли семье на какое-то время, но потеря родного дома была непоправимой бедой. Мать с детьми переселились в маленькую времянку на выделенном участке. Лидия, окончившая к тому времени 9 классов, вынуждена была оставить школу и начать работать. Ей помогли устроиться чертежницей в одном из конструкторских бюро (ОСБ-3).

Иван Николаевич, отбывая срок в КАРЛАГе, не был лишен права переписки и свиданий с женой. Его верная Лёля при любой возможности навещала мужа, стараясь каждый раз привезти ему как можно больше бумаги, толстые тетради для рукописей и писем. В каждом его письме – беспокойство за близких, радость за успехи детей в школе. Их письма были утешением в его одиночестве. Письмо жене от 27 июля 1933 года он заканчивает словами: «...Пусть ребятишки пишут мне письма каждый раз. Остаюсь тоской томимый среди Карелии лесов. Твой Ваня».

Свою тоску по дому, боль несправедливости, беспокойство за детей и желание свободы Иван выражает в стихах, которые так и льются из его души. Вот отрывки из его стихов.

Из письма к младшей дочери Нине. 26. 10. 1934.

Грустно мне, Ниночка, грустно
Быть вдалеке от детей.
На сердце, как осенью, пусто
И нет больше радостных дней.

Из письма к жене 15. 08. 1935. Село Никольское

Туда, где хладных вод волна
Песчаный берег оmyвает,
Туда, где моря синева
С лазурью неба грань сливает,

Туда, где молодость моя
Когда-то с другом проходила,
Туда, где Лёлочка, дружок,
Меня улыбкою пленила,
Туда, где сердцу молодому
Был дан любви ответный зов –
Влечет неведомая сила,
И чувства выразить нет слов!

«Сыну Косте на память», из письма от 24. 07. 1933.

Злой судьбе не сдамся в руки,
Мне свобода дорога!
Хоть терплю в неволе муки,
Дух мой тверд и мысль крепка!

Из письма к жене 12. 12. 1935. Село Никольское

Границ любви к тебе не знаю
И счастлив я, как муж, отец.
С тобой душою отдыхаю,
Хоть жизни тягостен венец.
Любовь мне скрасила невзгоды.
Подруги сердца верный зов
Рассеет жизни непогоды
И вновь взволнует нашу кровь.
И счастья полного минуты
Отраднo будет вспоминать.
Они не могут быть забыты,
Их надо сердцем осознать.

Кто знает, если бы жизнь Ивана Малыгина не оборвалась так рано, он стал бы известен не только как «рабочий-профессор», но и как рабочий-поэт. Кроме стихов-писем, он написал две поэмы (сохранившихся только в памяти дочери) – о Пугачеве и о девушке, оставленной любимым, готовил их к печати. В семье сумели сохранить, как святыню, его письма и стихи, хоть это было небезопасно. Многие письма уцелели чудом: дочь Нина, вернувшись в 1944 году из эвакуации, нашла их среди слоя бумаг, выстилавших пол в пустой и разоренной довоенной комнате.

Заявление наркомму Бубнову, написанное детьми, помогло Ивану Николаевичу: в мае 1935 года он был досрочно освобожден, но без права проживания в Ленинграде и направлен в город Рыбинск Ярославской области. Он устроился на работу слесарем в местные ремонтно-трактор-

ные мастерские, поселился в селе Никольское. К работе, как всегда, он относился творчески, и в Ярославском областном обществе изобретателей было принято несколько его рацпредложений.

Ольга Арсеньевна часто ездила к мужу, а иногда ему самому тайком удавалось на праздники навестить детей. В очередной раз Ольга Арсеньевна собралась к мужу 25 июля 1937 года, но, не сумев взять билет на это число, выехала на следующий день. И ровно на один день опоздала 27 июля Ивана Малыгина вновь арестовали. Прокатилась новая волна арестов, в первую очередь брали тех, кто уже был судим. А тут еще Иван Николаевич неосторожно прочел вслух свое стихотворение, в котором он, подбадривая заболевшего товарища, говорил что-то о старой рабочей гвардии, которая еще пригодится. Это уже «тянуло» на заговор. По словам хозяйки квартиры, Иван догадывался о предстоящем аресте и накануне ночью сжег все свои бумаги. На этот раз ему дали 10 лет без права переписки. Жене так и не удалось увидеться с ним. Точных сведений о его дальнейшей судьбе нет. В 1956 году семья получила справку о реабилитации Ивана Малыгина, в которой говорилось, что он умер 20 августа 1943 года от атеросклероза. Дети приняли эту версию смерти, и хотя было много неясностей и противоречий, добиваться расследования не было душевных сил.

Но всё это узналось только потом. А тогда, в 37-м, следователь, который вел дело «врага народа», сочувственно отнесся к Ольге. Он сказал: «Вы у меня не были», нигде не зарегистрировал ее посещения и посоветовал немедленно возвращаться домой, никому не говорить о своей поездке и срочно сменить место жительства, так как иначе семью выслали бы по приказу из окрестностей Ленинграда, что еще больше осложнило бы положение.

Начались новые страдания семьи. Лидия, старшая дочь Ивана, после нового ареста отца должна была сменить работу в ОСБ, где требования к анкетным данным были самыми строгими, и перейти на завод «Красная заря», тоже чертежницей. Еще в 1936 году она вышла замуж за *Николая Константиновича Носкова*, работавшего в НИИ абразивов и шлифования (ЦНИИАШ), и поселилась у него в Ленинграде, в комнате коммунальной квартиры дома 38 на Лесном проспекте. Муж Лидии в 1939 году закончил вечернее отделение Ленинградского инженерно-строительного института и продолжал работать в ЦНИИАШ уже как инженер-строитель. 14 апреля 1940 года у них родилась дочь *Людмила*, это имя ей дали по просьбе брата Константина.

Самому же Константину – студенту второго курса Электротехнического института им. Ульянова (Ленина) пришлось перебраться из Ленинграда в Разлив, к бабушке Анфисе, которая жила там с одной из своих дочерей и с внучкой от другой дочери. Осенью 1938 года в институте открылась военная кафедра, режимные требования стали строже, и Кон-

Константин Иванович Малыгин

Лидия Ивановна Малыгина

Нина Ивановна Малыгина

Татьяна Игоревна Шипова

стантина отчислили как сына врага народа. Ни в какой другой ВУЗ его не приняли, удалось поступить только в Топографический техникум на четвертый курс, сдав экзамены за третий. По-прежнему Костя продолжал жить у бабушки Анфисы, скрывая от всех, что больше не учится в институте. Техникум он окончил настолько успешно, что был направлен для продолжения учёбы в Московский топографический институт.

А Ольге Арсеньевне с младшей дочерью Ниной, которой должно было исполниться 16 лет, необходимо было покинуть Сестрорецк, так как иначе Нина не смогла бы получить «чистый», без особых отметок, паспорт. В конце 1937 года, продав все, что было можно, они уехали в город Ковров Владимирской области, где жила тетя Ольги по матери Евдокия Константиновна, и пробыли там почти год в больших лишениях, скучая по родным. Разумный выход нашла Нина, поступив осенью 1938 года в Ленинградский архитектурно-строительный техникум, где ей, как иногородней, дали место в общежитии, а Ольга Арсеньевна переехала к семье старшей дочери Лидии на Лесной проспект.

Таким образом, членам семьи «врага народа» удалось избежать высылки, сохранить работу, получить образование. Но всё это сделалось не само собой, – помогли разумная осторожность и даже способность затаиться, помощь родных и, конечно, умение хорошо учиться и работать. Жизнь постепенно налаживалась. Островком относительного благополучия стала небольшая комната на Лесном проспекте, где жила Ольга Арсеньевна с дочерью Лидией, ее мужем, маленькой внучкой; куда при любой возможности заезжали Константин и Нина.

Но в 1941 году судьбы всех людей ломает война. 4 июля Лидия с годовалой дочкой и Устиновыми (бабушкой, сестрой матери и тремя детьми) по выданному Райисполкомом направлению в эшелоне «Мать и дитя» эвакуируются на Урал, – как и в Гражданскую войну. Едут они в село Очёр (неподалеку от ст. Верещагино) к родственникам Носковых. Чуть позднее, 26 июля, от института ЦНИИАШ уезжают вместе с Николаем Константиновичем Ольга Арсеньевна и Нина, тоже на Урал, в Челябинск. Вскоре Ольге Арсеньевне и Нине удалось воссоединиться с Лидией и Устиновыми в Очёре. Ольга Арсеньевна стала работать в колхозе, Лидия устроилась копировщицей на заводе. Имея годовалую дочь, работу она выполняла на дому, Нина ей помогала. Позже, в сентябре 1941 года, им удается соединиться и с Николаем Константиновичем, который уже устроился в Челябинске. Там все поселились в маленькой комнатке огромного барака в рабочем поселке Челябинского абразивного завода. В первую зиму 1941/42 года, чтобы выжить и прокормить маленькую Людмилу, пришлось выменять на продукты многое из имущества, которое взяла с собой предусмотрительная Ольга Арсеньевна, уже имевшая опыт эвакуации в годы Гражданской войны. Лидия поступила на работу чертежницей в конструкторское бюро «Стальконструкция» по

проектированию заводских корпусов Бакалстроля – закрытой стройки, которую все знали только по названию и которая впоследствии станет «атомным» городком. Нина стала техником-лаборантом в Лаборатории абразивных изделий ЦНИИАШ. Вечерами она ходила в госпиталь ухаживать за ранеными и училась на вечернем отделении Машиностроительного института. Ольга Арсеньевна занималась хозяйством и внучкой. Следующие годы были уже легче: все работали, хорошим подспорьем стал огород, который выделили эвакуированным.

Константин, сын Ивана и Ольги, в эти годы учился в Ташкенте, куда выехал Московский топографический институт. Жил он на те средства, что зарабатывал по ночам на разгрузке вагонов, а летом – еще и в экспедициях. В 1943 году институт возвратился в Москву, и весь четвертый курс был отправлен на фронт для производства аэрофотосъемок, которые продолжались до окончания войны. В задачу военного топографа входили полеты над вражескими позициями, дешифрирование аэрофотоснимков, оперативное составление карт для наступательных действий нашей армии. Работа была столь напряженной и секретной, что Костя долго не имел возможности писать домой. Зато от командира части Ольга Арсеньевна однажды получила письмо, в котором сообщалось, что ее сын жив и здоров. Он оказался везучим и, несмотря на долгое пребывание в небе над вражеской территорией, ни разу не был ранен. Его работа продолжалась вплоть до Дня Победы.

Младшая дочь Ивана Нина, работая в ЦНИИАШ, познакомилась там со своим будущим мужем *Игорем Николаевичем Феофилактовым*. 14 октября 1944 года они поженились, и вскоре оба вместе с институтом возвратились в Ленинград.

С окончанием войны жизнь этой ветви малыгинской семьи постепенно налаживается. Ольга со старшей дочерью Лидией, ее мужем и шестилетней Людмилой возвращаются в Ленинград в свою комнату на Лесном проспекте. Там 1 февраля 1946 года рождается их сын **Александр**. Лидия оканчивает в 1956 году вечернее отделение Ленинградского инженерно-строительного института, много времени отдает общественной работе: ее дважды избирают народным депутатом райсовета. На плечах Ольги Арсеньевны, как всегда, были все заботы о внуках, ее руками поддерживались тепло и уют в доме. После всего перенесенного она не разучилась радовать своих близких, устраивать им праздники, быть радушной и изобретательной. Никому не было тесно и скучно в этой теплой комнате коммуналки на Лесном, где Ольга Арсеньевна жила с семьей Лидии. А летом она уезжала с внуками в родительский дом в Разливе.

После посмертной реабилитации И. Н. Малыгина в 1956 году Ольге Арсеньевне в качестве компенсации за причиненные страдания и убытки дали участок для строительства дома в поселке Александровская. Дочь Лидия с мужем взялись за строительство и в 1964 году вместе с

Ольгой Арсеньевной перебрались жить в новый дом, а городскую комнату оставили внучке Людмиле, только что вышедшей замуж. Наконец-то Ольга Арсеньевна обрела собственный дом, стала жить в отдельной комнате, смогла заниматься выращиванием любимых цветов. Благодаря ее усилиям в доме всегда было тепло и приветливо, она, как всегда, была хранительницей очага и традиций, трудилась по дому, вкусно готовила, возилась уже с правнуками. Бразды правления мать передала дочери только тогда, когда та вышла на пенсию. Скончалась Ольга Арсеньевна Малыгина 10 февраля 1984 года.

Ее старшая дочь **Лидия Ивановна Малыгина** (по мужу Носкова) немалого пережила мать. Тяжелая болезнь за год скрутила эту энергичную подвижную женщину и унесла ее жизнь 5 августа 1987 года. Они с мужем еще успели отпраздновать свою золотую свадьбу. Николай Константинович скончался в 1993 году в возрасте 82 лет. Дети Лидии живут теперь отдельно, своими семьями. У **Людмилы** (по мужу Авдеевой) две дочери: **Елена** (1968) с детьми **Иваном** (1997) и **Ольгой** (2000) и **Екатерина** (1976). У Александра есть дочь **Наталья** и сын **Сергей** (род. в 1972 и в 1978 г.)

Сын Ольги Арсеньевны и Ивана Николаевича **Константин Иванович Малыгин**, вернувшись с фронта, был направлен в город Ногинск под Москвой, в единственную в стране топографическую воинскую часть, где служил до конца своей жизни (в последние годы – под постоянным наблюдением врачей). В Ногинске он нашел свое семейное счастье: жену **Нину**, детей **Анатолия** (род. в 1949 г.) и **Марину** (род. в 1958 г.). Константин Иванович умер в 1990 году в День Победы в звании полковника. После его смерти его сын **Анатолий стал единственным живым потомком сестроецких Малыгиных по мужской линии**. У Анатолия есть дочь **Нина** (1988), у Марины – сын **Константин** (1989).

Младшая дочь Ивана Николаевича **Нина Ивановна Малыгина** (по мужу Теофилактова) вернулась в Ленинград в 1944 году вместе с мужем. От института ВНИИАШ молодой семье выделили жилье – комнату на первом этаже, с окнами почти на уровне тротуара; в морозы стены покрывались изнутри инеем. Но многие в те годы жили в куда худших условиях, и молодые были счастливы. Здесь в 1945 году появился их первенец – дочь **Татьяна**. Нина в 1949 году закончила Архитектурно-строительный техникум и стала работать в институте «Промстройпроект» техником-конструктором, а затем инженером. Она проработала в этой организации 26 лет, принимая участие в проектировании металлургических комбинатов в СССР и за рубежом: в Китае, Индии, Турции, Болгарии, ряде стран Африки.

В 1956 году в семье появился долгожданный сын – **Григорий**, а институт, где работала Нина Ивановна, предоставил ей комнату в новом

доме на Московском проспекте у парка Победы, а когда дети повзросле-ли – трехкомнатную квартиру в одной из «хрущевок» в Дачном. Впер-вые семья стала жить в отдельной квартире, хотя и весьма малогабарит-ной. Лето проводили в Разливе в домике, доставшемся Нине от матери. В 1975 году Нина Ивановна в связи с ухудшением здоровья получила инвалидность без права работы (но она еще понемногу работала с черте-жами на дому), и они с мужем большую часть года стали жить в Разливе, откуда Игорь Николаевич ездил на службу. Благодаря его золотым ру-кам удавалось в условиях нехватки денег и дефицита стройматериалов поддерживать старую бревенчатую избушку в относительном порядке и в некоторые годы даже зимовать в ней.

Дети Феофилактовых обзавелись своими семьями. У дочери **Татья-ны** (по мужу Шиповой), которая поселилась отдельно, есть сын **Илья** (1969), у которого уже тоже есть дети – Ксения (2000) и Константин (2004), и **Екатерина** (1980). Сын **Григорий** (1956–2001) жил в родитель-ской квартире в Дачном (позже ее обменяли на б льшую). Его дети – **На-дежда** (1978) и **Павел** (1981). Внуки каждое лето проводили в Разливе.

Нина Ивановна, с юности увлекавшаяся рисованием, с помощью подруги-художницы освоила технику живописи маслом и создала уже целую галерею картин – пейзажей и натюрмортов (один из прелестных пейзажей подарен ею в марте 2007 года библиотеке имени Зощенко). После кончины мужа она продолжала жить в Разливе, теперь уже в новом доме, перестроенном детьми, но последние зимы проводит в го-роде с семьей сына. Разлив, Сестрорецк – ее малая родина, где сосны, небо, закаты над заливом напоминают о детстве, о родных, о прожитых годах. Земля предков, помогая ей жить, дала силы перенести потерю любимого мужа и безвременно ушедшего из жизни (инсульт в 45 лет!) сына. На 86-м году жизни Нина Ивановна старается не быть обузой для близких, стремится сама в чем-то помочь детям и внукам, минуты не может сидеть без дела.

Восстановив по документам и воспоминаниям историю своей ветви Малыгиных, на долгие годы запрятанную, запретную, Нина Ивановна выполнила свой долг перед памятью отца. Ведь только теперь, когда эти строки смогут прочесть все, *наступит настоящая реабилитация Ивана Малыгина и всех его родных, и династия Малыгиных займет достойное место в истории Сестрорецка и его завода*. Низкий Вам поклон, Нина Малыгина-Феофилактова!

2. Ветвь Сергея

Сергей Николаевич Малыгин (1894–1925) был вторым ребен-ком в семье Николая Георгиевича и Марии Ивановны. Он рабо-тал на Сестрорецком заводе и входил в круг рабочих, общавшихся

с В. И. Лениным в дни, когда тот жил у Емельяновых в Разливе, а затем – в шалаше за озером Разлив. Как и старший брат Иван, Сергей после обзаведения собственной семьей отделился от родителей, это было еще до 1917 года. Он рано заболел туберкулезом и умер в середине 1920-х годов. Его дочь **Галина Сергеевна** (1918) закончила географический факультет ЛГУ им. Жданова, продолжала работать там же, со временем защитила кандидатскую диссертацию. С сестрой родней не общалась, поэтому сведения о ней и о возможных потомках отсутствуют.

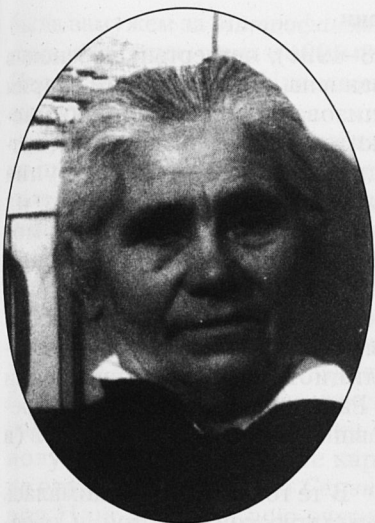
3. Ветвь Евгении

Евгения Николаевна Малыгина, в замужестве Ниткина (1895–1986), – третий ребенок в семье Николая Георгиевича и Марии Ивановны и старшая из шести сестер. Следует сказать, что все сестры Малыгины были очень дружны между собой. Их жизнь не всегда складывалась легко, но каждый раз, если кому-то из них становилось особенно трудно, все другие помогали преодолеть невзгоды, способность к взаимовыручке была неизменным качеством сестер.

Евгения Николаевна в середине 1920-х годов вышла замуж за *Михаила Ивановича Ниткина*, тоже работавшего на заводе им. Воскова. У них рождаются две дочери: **Вера** (1926) и **Маргарита** (1928). Вскоре семья покинула Сестрорецк, так как в 1930 году Михаила Ивановича, как одного из лучших специалистов, откомандировали на Сталинградский тракторный завод. Там семья оставалась до 1941 года. Когда немцы вплотную подошли к Сталинграду, завод эвакуировали в Омск, где он наладил производство танков. В Омске на заводе работал не только сам Михаил Иванович, но и обе его дочери. 16-летней Маргарите подставляли ящики, чтобы она могла дотянуться до рабочей части станка. Михаил Иванович умер в Омске. После его смерти семья возвращается в Сестрорецк в 1947 году.

Вера Михайловна (в замужестве Кайдаш) по возвращении сразу поступает на завод им. Воскова, где и работает до выхода на пенсию. Имеет сына **Михаила** Александровича Кайдаша (1955), он окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и постоянно работает там же по закрытой тематике по своей специальности. Оба проживают в Сестрорецке.

Маргарита Михайловна (в замужестве Самулевич) окончила Сестрорецкий инструментальный техникум. Имеет дочь **Наталью** Юрьевну Самулевич (1960), окончившую Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова-Ленина. Все проживают в Санкт-Петербурге.

Евгения Николаевна Малыгина

Вера Михайловна Кайдаш

Маргарита Михайловна Самулевич

4. Ветвь Марии

Мария Николаевна Малыгина (1898–1991), четвертый ребенок в семье Николая Георгиевича и Марии Ивановны. До революции Мария работала в швейной мастерской, организовала и собственную мастерскую. Перед самой революцией служила делопроизводителем (паспортисткой) в Сестрорецкой управе. Однажды к ней пришла группа рабочих завода с просьбой выдать вид на жительство одному их знакомому, Владимиру Ильичу. Документ заочно для незнакомого человека? Она отказалась. Рабочие расстроились и посетовали Ленину на строптивую паспортистку, а тот в ответ сказал: «Такие принципиальные работники в будущем нам будут очень нужны».

Когда во время голода семья Малыгиных выехала в город Ливны, Марию обязали работать там милиционером. По возвращении в Сестрорецк в 1922 году она работала в Райисполкоме, который и предоставил ей квартиру в доме эмигрировавших за границу владельцев (в Курорте на ул. Садовая, 10).

Мария Николаевна Малыгина

В те годы Мария занималась бухгалтерской работой. Совершенствоваться в этой профессии ей помогал весьма квалифицированный бухгалтер, который, к несчастью, был братом известного террориста Бориса Савинкова. Узнав, что Борис арестован, его брат, предвидя репрессии и страшную участь своих близких, лишил жизни своих детей, жену, а затем себя. Такая трагическая кончина этого честного, умного человека потрясла Марию Николаевну и других его учеников. Но его качества: пунктуальность в бухгалтерской работе, объективность и честность были прочно усвоены ими. И Мария Николаевна с ее врожденной порядочностью была всю свою жизнь беспредельно честным бухгалтером во всех организациях, где ей приходилось работать.

Мария Николаевна сохранила свою девичью фамилию, хотя

была замужем за *Митрофаном Парфеновым*. У них родились дочери **Галина** и **Татьяна**, о них и об их потомках будет сказано ниже. После ареста Ивана, брата Марии Николаевны, ее муж, опасаясь репрессий, оставил семью.

В гости к Марии Николаевне, в дом на Садовой улице в Курорте часто приезжала из Ленинграда ее самая младшая сестра Валентина с дочерью Людмилой, а летом и во время зимних каникул девочка жила здесь постоянно.

С началом войны Марию Николаевну вместе с мужем и детьми срочно, почти без вещей, переселили сначала из Курорта в Сестрорецк (26 августа 1941 г.), а потом всех сестроречан стали перемещать всё дальше от финской границы: в Тарховку, Александровскую, Ольгино, Лахту. Рабочие Сестрорецкого завода, которым не удалось эвакуироваться, были переведены в Ленинград, на завод Красный инструментальщик, расположенный неподалеку от Финляндского вокзала. Там же они получали и продуктовые карточки для себя и своих семей. В числе этих рабочих был и *Семен Акимович Ковалевский*, второй муж Марии Николаевны. Свою очередь на эвакуацию он уступил многодетному товарищу. Но больше ни одного эшелона для сестроречан выделено не было, и семья Марии осталась в осажденном городе. Многие рабочие вошли в отряды ополчения, которые защищали рубежи со стороны Оллила-Белоострова, где уже появились белофинны и немцы. Позже отряды ополченцев были заменены регулярными частями, а рабочих вернули на завод в Ленинград. Никакой связи города с поселками, кроме пешеходной, не было. Берег Финского залива постоянно простреливался.

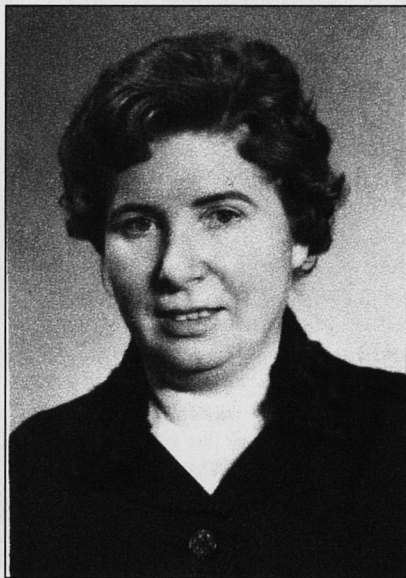
Ближе к зиме все сестрорецкие Малыгины перебрались в Ленинград. В 14-метровой комнатке младшей сестры Валентины, которая выехала из Ленинграда еще летом, собрались ее мать Мария Ивановна (умерла в январе 1942 года) и сестры: Мария с двумя дочерьми и мужем и Антонина с тремя детьми, мужем и старенькой няней. К счастью, Валентина еще летом запаслась дровами, поэтому все, кроме Марии Ивановны, дожили до начала эвакуации по льду Ладожского озера. Воспоминания, связанные с блокадной жизнью в этой комнате на Петроградской стороне, были такими тяжелыми и страшными, что сестры сказали Валентине, что никогда не придут к ней, если по возвращении из эвакуации она снова въедет туда.

Во время эвакуации эшелон, в котором ехала Мария Николаевна, был направлен на юг, в Краснодарский край, где ленинградцев по личному указанию Сталина должны были разместить в санаториях. Но вместо этого люди оказались на территории, оккупированной немцами, и только после долгих мытарств семья Марии смогла попасть в Горьковскую область, где и воссоединилась с

сестрами – Валентиной и Александрой и их детьми. Мария Николаевна стала бухгалтером в колхозе, затем ее пригласили в райцентр Дивеево на должность бухгалтера местного педучилища и детского дома, эвакуированного из Ленинграда.

После снятия блокады по вызовам Райисполкомов ленинградцы стали возвращаться в родной город. Для семей Марии и Александры вызовы пришли в середине 1944 года, и в августе 1944 года они выехали в Сестрорецк.

Старшая дочь Марии, **Галина Митрофановна** (по мужу Густавсон, 1919–2006) до войны окончила 2-ю Сестрорецкую школу имени Горького (созданную на базе дореволюционного Коммерческого училища), поступила на немецкое отделение Института иностранных языков и успела окончить 1-й курс. Зимой 1941/42 гг. она эвакуировалась вместе с матерью и сестрой, но оказалась «под немцами». Знание немецкого языка позволило ей предупредить и тем спасти многих жителей от угона в Германию. При отступлении немцев ей даже удалось уговорить немецкого солдата, оставленного для взрыва элеватора, не делать этого. Когда позже семья попала в Горьковскую область, Галина помогала своей тете Александре, работавшей в пункте приема от населения картофеля, а иногда сопровождала с документацией гурты скота из Глухова за 45 километров в Арзамас.

Галина Митрофановна Густавсон

По возвращении в Сестрорецк в 1944 году Галина под руководством главного педиатра Сестрорецка Доры Израилевны Богорад обустроивала пункт детского питания: получала продукты на базе, готовила питательные смеси, вместе с помощницей расфасовывала их и раздавала прикрепленным к этой молочной кухне матерям для их грудных детей.

В тот год по райисполкомам Ленинграда и области были разосланы обращения, призывавшие молодежь в институты и техникумы. Галина поступает в Педагогический институт им. Покровского и, окончив его, в течение 16 лет работает в Лесной школе. Школа была создана на базе 2-й Сестрорецкой школы им. Горького и преобразована в санаторий для детей, больных

Елена Александровна Густавсон

туберкулезом и ослабленных в годы блокады. Потом она работала воспитателем в Сестрорецком детском интернате и, наконец, до выхода пенсию – в Детском санатории имени Маслова.

Память о блокаде тревожила, и когда Галина Митрофановна через много лет отправилась с экскурсией «По дороге жизни», то уже в самом начале пути воспоминания настолько сильно взволновали ее, что она попросила остановить автобус и вышла, а потом с трудом самостоятельно добиралась до дома. Но позже она нашла в себе силы стать одним из авторов этой повести, за что все мы низко кланяемся ей. Совсем немного не дожила она до выхода книги в свет.

У Галины Митрофановны есть дочь – **Елена Александровна Густавсон** (1948), которая окончила 434-ю школу, а затем 2-й Ленинградский медицинский институт им. Мечникова и работает врачом-невропатологом в лечебных учреждениях Сестрорецка (Поликлиника № 68, Сестрорецкий реабилитационный центр). Дочь Елены Александровны – **Мария Евгеньевна Густавсон** (1977) окончила Педагогический колледж, работает в Сестрорецке, в различных организациях. Имеет дочь **Александрю** Сергеевну Новикову (2006). Все они живут в Сестрорецке безвыездно.

Татьяна Митрофановна Столярова

Сестра Галины Митрофановны, вторая дочь Марии Николаевны – **Татьяна Митрофановна**, в замужестве *Столярова* (1928–2002), окончив 434-ю школу, поступила на химический факультет ЛГУ, но не окончила его в связи с рождением сына в 1951 году. Она работала в химических лабораториях различных НИИ. Сын **Александр** Ростиславович Столяров окончил физико-механический техникум, а его сын, внук Татьяны, **Сергей** Александрович Столяров (1976), окончил Университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича в Санкт-Петербурге. Оба работают по специальности, живут в Петербурге.

5. Ветвь Лидии

Лидия Николаевна Малыгина (1900–1922) была пятым ребенком в семье Николая Георгиевича и Марии Ивановны, и, по словам ее сестер, была самой красивой. В тяжелые 1920-е годы она умерла молодой, не успев побывать замужем, ее ветвь не имела продолжения.

6. Ветвь Антонины

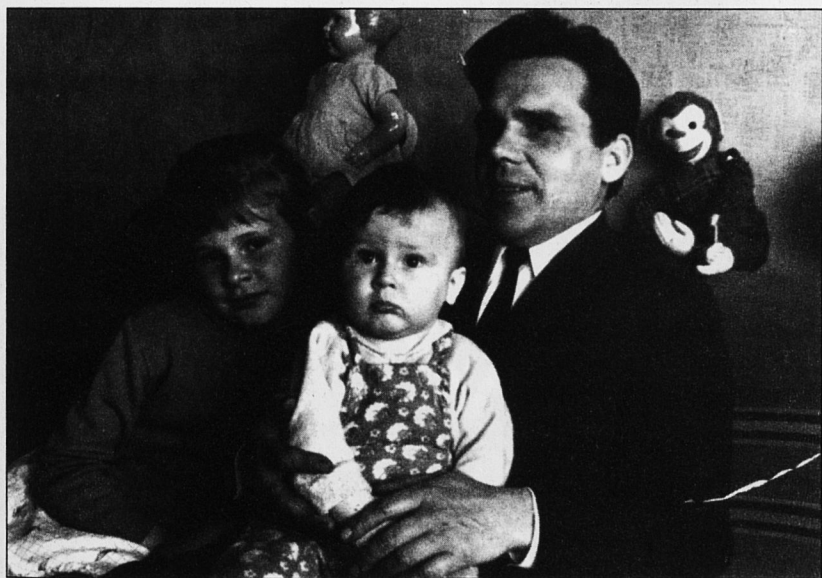
Антонина Николаевна Малыгина, в замужестве Голякова (1902–1942), – шестой ребенок и четвертая из дочерей Николая Георгиевича и Марии Ивановны. Закончила рабфак, затем педучилище, вышла замуж за *Александра Афанасьевича Голякова*, жила в Ленинграде. Из блокадного Ленинграда выехала зимой 1941/42 года с тремя детьми: **Юрием** (1934), **Татьяной** (1937), **Ириной** (1940–1942) и няней. В дороге Антонина Николаевна умерла, ее тело сняли с поезда в Орехово-Зуеве. Детей сняли с поезда (очевидно, после смерти няни) в Липецкой области на станции Грязи. Там местные жители разбирали осиротевших детишек в свои семьи. Годовалая Иринка сразу же умерла в приютившей ее семье. Двум другим детям сразу изменили фамилии, поэтому родственники долго не могли их найти. В вещичках, отданных усыновителям, был коврик с вышитой надписью: «Дорогой сестренке Татульке от сестренки Люси Кряжевой». Коврик этот Татьяна нашла на чердаке только после смерти своей приемной матери. Приемный отец подтвердил, что Таню действительно сняли с ленинградского эшелона, поэтому в Ленинграде у

нее может быть сестренка. Татьяна обратилась в адресную службу, и 6 ноября 1958 года ее двоюродная сестра Людмила Кряжева получила письмо, начинавшееся словами: «Дорогая сестренка Люся, пишет тебе твоя сестренка Таня...» А уже на следующий день, 7 ноября, две их тети (Мария Николаевна и Александра Николаевна) с копиями запросов о судьбе вывезенных Антониной Николаевной детей выезжают по указанному в письме адресу в город Усмань Липецкой области.

Выяснилось, что дети Антонины воспитывались в разных приемных семьях. Сын **Юрий Александрович Голяков** окончил ремесленное училище и чуть ли

Антонина Николаевна Малыгина

Юрий Александрович Голяков

не с 10 лет работал кузнецом на одном из липецких заводов; к 1958 году он уже демобилизовался после службы в армии. Он сразу же вместе с тетушками отправился в Сестрорецк и поселился в доме Александры Николаевны на ул. Средняя, 28. Здесь он поступил на завод им. Воскова, где и проработал станочником до выхода на пенсию, умер в 2000 году. Он был одаренным музыкантом. Ни у кого и нигде не учась музыке, он прекрасно играл на баяне, мандолине, гитаре, пианино. Юрий Александрович не имел образования, но жизнь научила его многому, и он умел давать мудрые советы своим родным, даже старшим по возрасту.

Юрий Александрович воспитал двоих детей. Дочь **Светлана** (по мужу **Малютина**, род. в 1964 г.) окончила 434 школу, потом Политехнический институт им. М. И. Калинина, уехала с мужем в Ногинск-9. Имеет дочь **Наталью** (1987) и сына **Сергея** (1989). Сын Юрия Александровича **Сергей** (1970) перенял у отца любовь к музыке, окончил Музыкальное училище им. Мусоргского. Работает в Сестрорецком отделении теплоцентрали, а в свободное время играет на гитаре в ансамбле «Серенада» при Сестрорецком доме культуры, поет в хоре православного храма в честь великомученика-целителя Пантелеймона Санкт-Петербургской епархии. Имеет сына **Романа** (2000) и дочь **Елизавету** (2004).

Дочь Антонины Николаевны **Татьяна**, – та, что нашла судьбоносный коврик, воспитанная приемными родителями, к 1958 году успела

Татьяна Александровна Кунова с семьей

окончить Воронежский кооперативный техникум, вышла замуж. Ее муж *Валентин Иванович Кунов* не захотел переезжать в Ленинград, поэтому семья осталась жить в Усмани. Позже Татьяна окончила Всесоюзный заочный институт советской торговли. В их семье выросли сын **Александр** (1958) в дальнейшем окончил Воронежский лесотехнический институт) и дочь **Ирина** (1964) окончила Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола. Теперь у Куновых четверо внуков. В семье Александра две дочери: **Татьяна** (1983) окончила Липецкий педагогический институт и **Мария** (1989), студентка одного из вузов Москвы); в семье Ирины – дочь **Екатерина** (1987), студентка Воронежского торгово-экономического института, и сын **Алексей** (1991), школьник.

7. Ветвь Александры

Александра Николаевна Малыгина, в замужестве *Власова* (1904–1971), – седьмой ребенок в семье Николая Георгиевича и Марии Ивановны, их пятая дочь. Шура была очень привлекательной девушкой. Во время кронштадтского мятежа к ним в дом вошли патрулировавшие поселок красногвардейцы. Их начальник Федор Власов, едва увидев ее, выхватил револьвер и сказал: «Или всех перестреляю, или идём сейчас же со мной в ЗАГС!». И она пошла, и от ее брака с Федором родилось двое сыновей: **Борис** (1924–1942) и **Владимир** (1926–1958). Александра вела домашнее хозяйство, работала кассиром в магазине. Во время ленинградской блокады она была продавцом в булочной, и к ней всегда стояла самая большая очередь по сравнению с другими продавцами того же магазина: люди знали, что она никого ни на грамм не обвесит. Ее муж умер в блокаду от голода. Зимой 1941/42 г. Александра Николаевна эвакуировалась вместе с младшим сыном. После долгих мытарств ей удалось попасть в село Глухово Горьковской области и воссоединиться с сестрами Валентиной и Марией. Там Александра работала в пункте

Александра Николаевна Малыгина

приема картофеля от населения для Кушелевского спиртзавода. В этой работе ей помогала племянница Галина (дочь Марии). После возвращения в Сестрорецк в 1944 году Александра Николаевна была заведующей в ряде сестрорецких магазинов.

Старший сын Александры **Борис** с первых дней войны, с последнего курса Сестрорецкого инструментального техникума был призван в армию. Он погиб, обороняя Ленинград, у Ладоги, в районе Борисовой Гривы.

Младший сын **Владимир**, которого Александра еле живого привезла из блокадного Ленинграда, едва оправившись от дистрофии, в 16 лет пошел работать в колхоз трактористом и трудился там до самого возвращения в Сестрорецк, где впоследствии работал в отделении Ленэнерго.

Сын Владимира **Борис** (1949–2001) работал в объединении «Светлана», но не сумел адаптироваться к жизни на новый лад в постперестроечную эпоху и умер, оставив сына **Дмитрия** (1972).

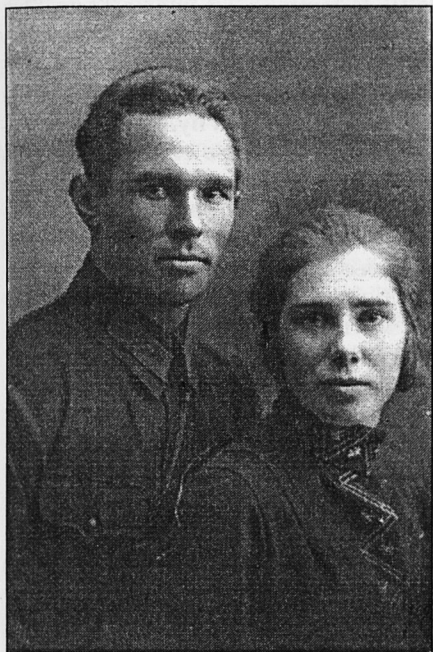
Дочери Владимира, – двойняшки **Галина** и **Людмила** 1954 года рождения, закончили соответственно 434-ю и 435-ю школы, а затем Сестрорецкий станкостроительный техникум. Галина (по мужу *Горова*) живет в Сестрорецке, работает в Сестрорецком отделении Курортэнерго, имеет дочерей **Марину** (1977), с внуком **Александром** (1997) и **Анастасию** (1979), окончившую Политехнический институт им. М. И. Калинина.

Людмила Владимировна (по мужу *Иванова*) живет и работает в Петербурге бухгалтером в одной из строительных организаций, имеет сына **Алексея** (1974) и внучку **Алину** (1999).

8. Ветвь Валентины

Валентина Николаевна Малыгина, в замужестве *Кряжева* (1907–1971), – восьмой ребенок в семье и самая младшая из дочерей Николая Георгиевича и Марии Ивановны. Детство и юность Валентины пришлось на тяжелую пору первой мировой войны, революции, разрухи 1920-х годов. В 12–13-летнем возрасте девочку отправляли вместе со взрослыми соседками по деревням менять на хлеб и картошку напильники, сверла и другие инструменты. Даже если инструменты и не были нужны в крестьянских хозяйствах, в котомочку Вали из жалости всегда клали какие-то продукты. Учиться ей пришлось урывками. Когда семья, уехав от питерского голода, жила на Орловщине, в Ливнах, Валентина нянчила свою племянницу Галину – дочку своей старшей сестры Марии.

Возвращение в Сестрорецк в 1920-е годы пришлось на время массовой безработицы, и девушка ради заработка сбрасывала снег с крыш домов богатых дачевладельцев. Потом она устроилась официанткой в дом отдыха, где ей впервые в жизни дали маленькую отдельную комнатку. Но заведующая домом отдыха заявила в милицию, что Валентина яко-

*Валентина Николаевна и Павел Иванович
Кряжевы*

и живут в военном городке вблизи Девяткино (под конец жизни Валентина Николаевна с дочерью получит квартиру на Гражданском проспекте, почти у Девяткино, и сидя у окна в инвалидной коляске, будет смотреть на те места!) В Ленинграде в больнице Эрисмана в 1931 году у них родилась дочь **Людмила**. К моменту окончания Павлом Ивановичем Академии семья получает комнату в Ленинграде в доме № 59 по Пионерской улице. Однако в 1936 году Павел Кряжев разошелся с женой. Очевидно, причиной этого стал арест ее брата, Ивана Малыгина. Кряжев получил назначение в Москву и уехал туда, но в Москве его жизнь не сложилась. В 1939 году у него случился инсульт, и вплоть до начала войны его лечили в разных правительственных санаториях, а после 22 июня 1941 года перевезли в родное село Глухово Дивеевского района Горьковской области.

Валентина Николаевна после ухода мужа поступила работать в Трамвайно-троллейбусное управление Ленсовета, сначала кассиром, а через два месяца была переведена в старшие контролеры. Маленькая Людмила на выходные дни часто приезжала с матерью к бабушке в Сестрорецк

бы ворует сахар, масло и другие продукты. Однажды Вале разбудил резкий стук и требование открыть дверь. В комнату вошли милиционеры и в присутствии понятых произвели обыск, но ничего не нашли. Обыскали и комнаты других служащих, но продукты – сахар, масло в больших количествах обнаружили только в комнате самой заведующей. Ее тут же арестовали, а коллективу предложили выбрать нового заведующего из своего состава. Выбрали Валентину Малыгину, и она стала заведовать этим домом отдыха.

В 1930 году туда приехал в отпуск из Карелии начальник погранзаставы *Павел Иванович Кряжев*. В конце отпуска он сделал Вале предложение выйти за него замуж и увез ее в Карелию. В 1931 году он поступает в Академию связи им. С. М. Буденного, супруги переезжают в Ленинград

или к тете Мане в Курорт на Садовую 10. Именно там, в ночь с 22 на 23-е июня 1941 года Людмиле впервые довелось увидеть звериное лицо войны. Девочка, кровать которой стояла у окна, проснулась от рева мотора, открыла глаза и увидела прямо над макушками сосен чёрный самолёт с белыми фашистскими знаками на крыльях, услышала пулеметную очередь, направленную в парк напротив. Самолёт летел в сторону Промстроя (так до сих пор называются жилые дома завода). Через пять минут в дом вбежали все взрослые, которые до этого рыли траншеи в парке, в их сторону и стреляли из самолёта. Родители схватили детей, и повели в эти недорытые окопы. Самолёт облетел вокруг завода и на обратном пути снова обстрелял людей, копошившихся в окопах. Родители закрывали детей своими телами. Жертв, к счастью, не было. На другой день один рабочий, проживавший на верхнем этаже в Промстрое, рассказывал, что самолет пролетел так близко, что он видел смеющиеся лица двух немцев и мог бы даже подстрелить их, но висевшее на стене охотничье ружье не было заряжено.

В июле 1941 года Валентину Николаевну, как и многих ленинградцев, мобилизовали на строительство противотанковых рвов. После возвращения из одной такой поездки она получила телеграмму от Павла Кряжева с категорическим требованием срочно выехать к нему в Горьковскую область. Трамвайно-троллейбусное управление эвакуировалось в Ташкент, и она с дочкой с этим эшелоном доехала до Вологды, а затем на перекладных добралась до с. Глухово. Все ее сестры, которых Валентина могла устроить в один из последних эшелонов из Ленинграда (26.08.1941 г.) отказались с ней ехать, надеясь, что война быстро закончится. В Глухове Павел Иванович и Валентина зарегистрировали брак вторично. У себя на родине Павел Иванович пользовался большим уважением. Несмотря на свою болезнь он состоял до конца жизни в рядах Коммунистической партии. Еще в августе 1941 г., хорошо представляя военно-политическую обстановку в стране, он утверждал, что раньше, чем через четыре года, война не закончится, в чем оказался прав. Благодаря его авторитету Валентине и прибывающим к ней сестрам представляли престижные в этой местности работы. Валентина работала там в разное время на разных объектах: заведовала продовольственным складом в сельпо, пекарней, была бухгалтером приемного пункта конторы «Заготскот». Сюда же, в Глухово и в райцентр Дивеево после открытия «Дороги жизни» стали прибывать и устраиваться на работу эвакуированные из Ленинграда родственники Валентины: сестра Александра с 16-летним сыном Владимиром, Мария – со взрослой Галиной и 14-летней Татьяной. Старший сын Александры Борис к тому времени уже был убит на Ленинградском фронте. Когда в 1944 году у Валентины Николаевны и Павла Ивановича родился сын, его в честь погибшего назвали **Борисом**.

После снятия блокады ленинградцы по вызовам своих райисполкомов стали возвращаться в город. Мария и Александра, вернувшиеся с детьми в Сестрорецк в августе 1944 года, выяснили по просьбе Валентины, что ее дом в Ленинграде на Пионерской улице сохранился. Но в ее комнату вселили людей из разбитого бомбой дома, а таких жителей из занимаемого помещения не выселяли. Семья Валентины Николаевны осталась без жилья. И все же 15 августа 1944 года ей, как уроженке Сестрорецка, Леноблисполком разрешил въезд на родину с сыном и дочерью. Так как Валентина не была уверена, что вопрос с жильем решится легко, больной Павел не поехал с семьей, а остался в родительском доме со своей матерью. Валентина с детьми поселилась вначале в доме сестры Александры на Средней улице, 28, потом жила у Марии на Садовой, 10.

Сын Борис был совсем мал, и Валентина не работала. Семья жила на пенсию отца, но в мае 1946 г. он умер. Выручал огород, который развела Валентина, возделав всю землю на бывшем малыгинском подворье и засадив ее картошкой. По границе огорода она высадила ряд березок, которые сохранились до наших дней на бывшей 2-й Односторонней улице вдоль пятиэтажек, тянущихся по остаткам этой улицы. Собственное жилье семье дали только в 1949 году – комнату в доме некоего Дунды, репрессированного в 1939 году. Когда того реабилитировали, а дом возвратили его дочерям, семье Валентины выделили комнату в доме 21 на ул. Володарского. Отдельной квартирой семья обзавелась только в 1970 году, меньше, чем за год до смерти Валентины.

Валентина Николаевна работала в Сестрорецке завхозом в Лесной школе, с 1950 года – на Инструментальном заводе им. Воскова, сначала в отделе снабжения, а затем бригадиром коробочного цеха. В 1960 году была вынуждена уйти на пенсию по инвалидности (2-я группа). Несмотря на слабое здоровье (уже к сорока годам она страдала инфекционным артритом, а в 63 года, потеряв возможность передвигаться, стала инвалидом 1 группы), Валентина Николаевна сумела дать детям образование, выбрать хорошие специальности. В новой квартире, которую выделили ей и дочери – уже кандидату наук, она не прожила и года и умерла в возрасте 64 лет 23 июня 1971 года, раньше всех своих сестер, переживших войну.

Ее дочь **Людмила Павловна Кряжева** окончила 434-ю школу, затем Ленинградский сельскохозяйственный институт, аспирантуру во Всесоюзном НИИ защиты растений, продолжала работать в том же НИИ, защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата биологических наук и звание старшего научного сотрудника по специальности «энтомология»*. Собственной семьи из-за болезни матери и стеснен-

* И в этот период ее жизни сестры матери: Евгения, Мария, Александра — оказывают поддержку уже своей племяннице, отпуская ее в длительные командировки и помогая в делах житейских своей родное сестре Валентине.

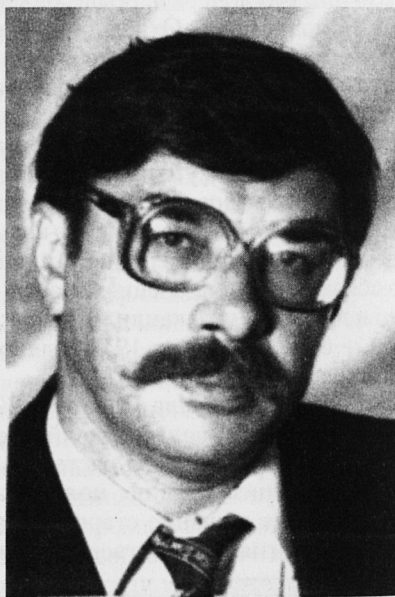
Людмила Павловна Кряжева

Брат Людмилы Павловны **Борис Павлович Кряжев** окончил Ленинградское училище краснодеревщиков, в разное время работал в разных строительных организациях Сестрорецка, а также на Инструментальном заводе им. Воскова. Имеет **дочь Анну** (1968), которая окончила Радиотехникум, затем Политехнический институт им. М. И. Калинина, затем юридический факультет СПбГУ, и **сына Алексея** (1972), закончившего ЛИСИ. У него есть также **внук Илья** Алексеевич (2003). Анна живет в Санкт-Петербурге, Алексей с семьей – в Лахте.

9. Ветвь Николая

Николай Николаевич (1911–1942) был самым младшим, девятым ребенком в семье Николая Геор-

ных жилищных условий Людмиле Павловне создать не удалось. После смерти матери все силы она отдает науке; сейчас, находясь на пенсии, активно продолжает работать, обобщая свое научное наследие. Людмила Павловна ездит в Сестрорецк только в гости к родным, но тем острее в ней чувство малой родины, где проходило ее детство, школьные годы, где прошла почти половина ее жизни. Наверно, именно поэтому она так внимательно изучила все семейные документы, воспоминания и предания и вместе с недавно скончавшейся Г. М. Густавсон сумела восстановить историю восьми из девяти ветвей генеалогического древа Малыгиных.

Борис Павлович Кряжев

гиевича и Марии Ивановны Малыгиных. Мальчиком во время голода в 1918 (или 1919) году он выехал с семьей в Орловскую область. После возвращения в Сестрорецк в 1920-х годах Коля жил вместе с матерью Марией Ивановной, сестрами Лидой, Тоней, Валею и Шурой, уже вышедшей замуж и имевшей двух сыновей. Все разместились в двух сохранившихся к тому времени домах, принадлежавших семье. В 1928 году один дом сгорел, и на его фундаменте из остатков второго дома стали отстраивать новый, который был готов к 1931 году. В новом доме было всегда много народу, потому что дети сестер, к тому времени проживавших в Ленинграде, находились и летом, и зимой здесь, у своей бабушки. Молодой дядя Коля был им и другом, и нянькой. Он был спортивным и мастеровитым человеком, сам построил яхту и буер, участвовал в соревнованиях на яхтах и буерах, а также в пробеге на финских санях от Ленинграда до Москвы. Катал своих племянников, особенно нравилось им кататься по льду на буере. Николай был женат, но детей у него не было.

Продолжая семейные традиции, Николай с конца 1920-х годов работал на Сестрорецком заводе имени Воскова. Он был очень дружен со старшим братом Иваном, перенимая у него навыки в работе, стал высококвалифицированным рабочим. Поэтому в начале войны Николаю Николаевичу дали бронь, как специалисту, более нужному на трудовом фронте. После эвакуации завода в Новосибирск рабочих, оставшихся в Сестрорецке, в том числе и Николая, перевели в Ленинград на завод Красный инструментальщик. Николай поселился у своего отца, Николая Георгиевича, на улице Красного Курсанта, но пережить тяжелые дни блокады он не смог и умер вслед за отцом в феврале 1942 года. Потомков Николай не оставил.

Заключение

Немного статистики

В родословном древе, идущем от Николая Малыгина (см. схему), – девять ветвей, пять поколений, 75 потомков Николая Георгиевича, из них 33 – мужского и 42 женского пола. Такая «представительная выборка» довольно четко отражает основные процессы в обществе более чем за 100 лет.

Годы рождения. Малыгины старшего поколения («девятка») родились между 1892 и 1911 годами и, по сути, были людьми, воспитанными в традициях XIX века. Разница в возрасте старших и младших детей составила 19 лет, отсюда и большой разброс между датами рождения у представителей позднейших поколений. Так, дети «девятки» (поколение авторов родословной) появились на свет между 1917 и 1944 годами (разница в пределах поколения 27 лет), последующие поколения соот-

ветственно между 1940 и 1972 (32 года), между 1968 и 2004 (36 лет) и между 1997 и 2006 годами. В этом последнем, формирующемся поколении разброс пока невелик, зато даты рождения «не вылезают» за пределы дат предыдущего поколения (некоторые дяди и племянники – почти ровесники).

Мужская и женская линии. Из-за ранней смерти младших братьев **род Малыгиных по мужской линии продолжил только Иван Николаевич.** Его сын Константин, военный, последнее место службы имел в городе Ногинск Московской области, там же проживает внук Ивана Николаевича, – *Анатолий Константинович Малыгин (1949) – единственный носитель этой фамилии.* Правда, его родная сестра Марина сохранила в замужестве девичью фамилию, но ее сын носит фамилию своего отца (Ежелый).

В Сестрорецке же потомков Малыгиных по мужской линии не осталось.

14 марта 1991 года на 92-м году жизни умерла последняя из сестер Ивана Николаевича – Мария Николаевна Малыгина, сохранившая в замужестве родовую фамилию. Потомки по женской линии (дети, внуки, правнуки, праправнуки сестер Ивана Николаевича и его дочерей) многочисленны, их *более 50 человек.* Многие живут в Сестрорецке и Петербурге, но уже под другими фамилиями – от *Евгении Николаевны:* Кайдаши, Самулевичи; от *Марии Николаевны:* Густавсон, Столяровы; от *Александры Николаевны:* Власовы, Горовы, Ивановы, Курносовы; от *Антонины Николаевны:* Голяковы, Малютины, Куновы, Назаровы; от *Валентины Николаевны:* Кряжевы. От дочерей Ивана Николаевича ведут род Носковы, Феофилактовы, Авдеевы, Шиповы.

Работа и образование. Старшее поколение («девятка») было по традиции тесно связано с Сестрорецким заводом: там работали все три брата и одна из сестер, еще у двух сестер на заводе работали мужья; заводчанами были и родственники жены старшего брата Ивана. В следующих поколениях связь с заводом слабеет, потому что война, эвакуация (а в какой-то мере и опасение репрессий, уже опаливших семью) разбросали людей по стране, нарушили привычные связи с родными местами и традиционными профессиями. Зато у поздних поколений Малыгиных гораздо более высок образовательный ценз: все они учились, получали среднее, а чаще – высшее образование, некоторые стали учеными со степенями и званиями. Дело здесь не только в относительной доступности образования в советское время, но и в наличии способностей, целеустремленности, тяги к знаниям. Эти качества можно считать *родовыми чертами Малыгиных.* Все Малыгины работали и работают честно, с полной отдачей сил и полученных знаний.

Репрессии. В 1932 году по ложному доносу арестован, а в 1937-м расстрелян (по другим данным – в 1943 году умер в заключении) Иван

Малыгин, глава старшей ветви рода. Жене и детям Ивана пришлось скрываться, скрывать свою беду, испытывать трудности с устройством на работу и учебу. У двух сестер Ивана распались семьи: мужья боялись родства с «врагом народа».

Война и блокада. В 1941 году призывной возраст имели трое из Малыгиных-мужчин. Один из троих получил бронь от завода, работал в блокадном Ленинграде и умер от голода. Двое других были на фронте. Один из них погиб.

Зимой 1941/42 года семеро умерли от голода в блокадном Ленинграде или по пути из него: отец и мать «девятки», двое из самой «девятки», мужа двух сестер (в том числе муж продавщицы хлебного магазина), дочь одной из сестер. Двое детей Антонины Малыгиной, умершей от голода в пути из Ленинграда; потерялись и попали в приемные семьи, родственники нашли их лишь в 1958 году.

Что делать дальше?

В нашем повествовании основное внимание уделено *старшим поколениям* Малыгиных – прадеду, деду, родителям, дядьям и теткам составительниц, а также поколению самих составительниц. Такая обращенность в прошлое оправдана и необходима. Потому что даже младшая из сестер-составительниц уже перешагнула рубеж 75-летия, и если бы не было записано всё то, что знают и помнят они, то история рода была бы безвозвратно утрачена.

Но теперь, когда дорожка проторена, настало время рассказать о нынешних временах, о *младших поколениях* – детях, внуках, правнуках поколения «трех сестер». Это взрослые, образованные, состоявшиеся люди, с интересными и поучительными биографиями, с прекрасными одухотворенными лицами. Встреча, состоявшаяся в Библиотеке в марте 2007 года, позволила им увидеть друг друга, а всем нам, читателям – увидеть их в радостной родственности. Надо, чтобы не остыло это родственное и радостное чувство, чтобы Малыгины, разветвившиеся почти двумя десятками фамилий, написали о себе нынешних – в память и в поучение своим потомкам. Ведь потомки Якова Малыгина сами стали предками многих, хороших и разных. И каждый должен знать всех.

Как писать о себе? Это просто. Не нужно обращаться к архивам. Существует «простой и изящный метод Юрия Миронова» (Сестрорецкие берега, № 5 /85/, 10–16 февраля 2007 г., с. 4), изложенный в пособии «Пишем родословную книгу», занявшем на конкурсе «Благодатная педагогика» (2003) первое место. Суть метода в том, что каждый человек оформляет свой персональный (главный) лист и обменивается им с родственниками. Когда все обменяются своими листами, у каждого появится своя большая родословная.

*Потомки Якова Малыгина на встрече 3 марта 2007 г.
в библиотеке им. М. М. Зощенко*

Мечта Нины Ивановны Теофилактовой. На встрече «От всей души» в библиотеке им. М. М. Зощенко 3 марта 2007 года все собравшиеся увидели на большом экране прекрасную фотографию: вдохновенное выступление дочери знаменитого инструментальщика Ивана Малыгина, внучки славного мастера-оружейника Николая Малыгина – Нины Ивановны Малыгиной-Теофилактовой на заводе имени Воскова. На собрании, состоявшемся летом 2006 года и посвященном юбилею завода, она высказала мнение многих потомственных сестроречан о том, что давно пора **создать памятник Рабочему Сестрорецкого завода** – рабочему-оружейнику, рабочему-инструментальщику. Этот памятник следовало бы установить неподалеку от памятника выдающемуся изобретателю и одному из лучших руководителей завода С. М. Мосину. Собравшиеся поддержали ее идею.

На встрече в библиотеке 3 марта Н. И. Теофилактова вновь подняла эту тему.

Нина Ивановна мечтает дожить до установки этого памятника. Нине Ивановне 85. Нам надо спешить

Содержание

<i>М. Ефанова, Г. Матковская.</i> Рабочая ветвь рода сестрорецких купцов Леонтьевых.....	3
<i>Р. Н. Гараева.</i> Архитектура северного модерна на Карельском перешейке.....	11
<i>Н. В. Григорьева.</i> Театральные события в Терийоках 1912 года.....	26
<i>С. В. Ренни.</i> Шлю вам почтой привет	31
<i>Н. Н. Наумкина.</i> История Дома отдыха «Чародейка»	45
<i>О. Г. Растворова.</i> Очарование северного модерна и поэты-«дачники» 1900-х.....	55
<i>Е. Степанова.</i> Моя родословная	60
<i>А. Ф. Быков.</i> Комарово — Щучье озеро («щучий человек»)	75
Воспоминания «бабушек-восьмидесятилеточек» (1922—1990).....	80
<i>Е. Ф. Рыжкова.</i> Воспоминания о поселках Горская и Александровская	95
<i>Г. М. Густавсон, Н. И. Малыгина-Феофилактова, Л. П. Кряжева, Т. И. Шипова.</i> Малыгины — потомки петровского рудознатца.....	103

С вопросами и предложениями обращайтесь по адресу:
199004, Санкт-Петербург, а/я 71
Амирханову Л. И.

E-mail: zitadel@bk.ru

**Курортный район. Страницы истории.
Выпуск 3**

Составители Р. Н. Гараева, Н. А. Романова
Редакторы Р. Н. Гараева, Л. И. Амирханов
Корректор Н. П. Иванова

Издательство ОСТРОВ
Лицензия ИД № 03938
Тираж 1000 экз.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0.
Зк № 1453

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Сестрорѣцкѣ.
SESTROREZK.

Дубковское шоссе.
Chaussée Dubkowsky.

